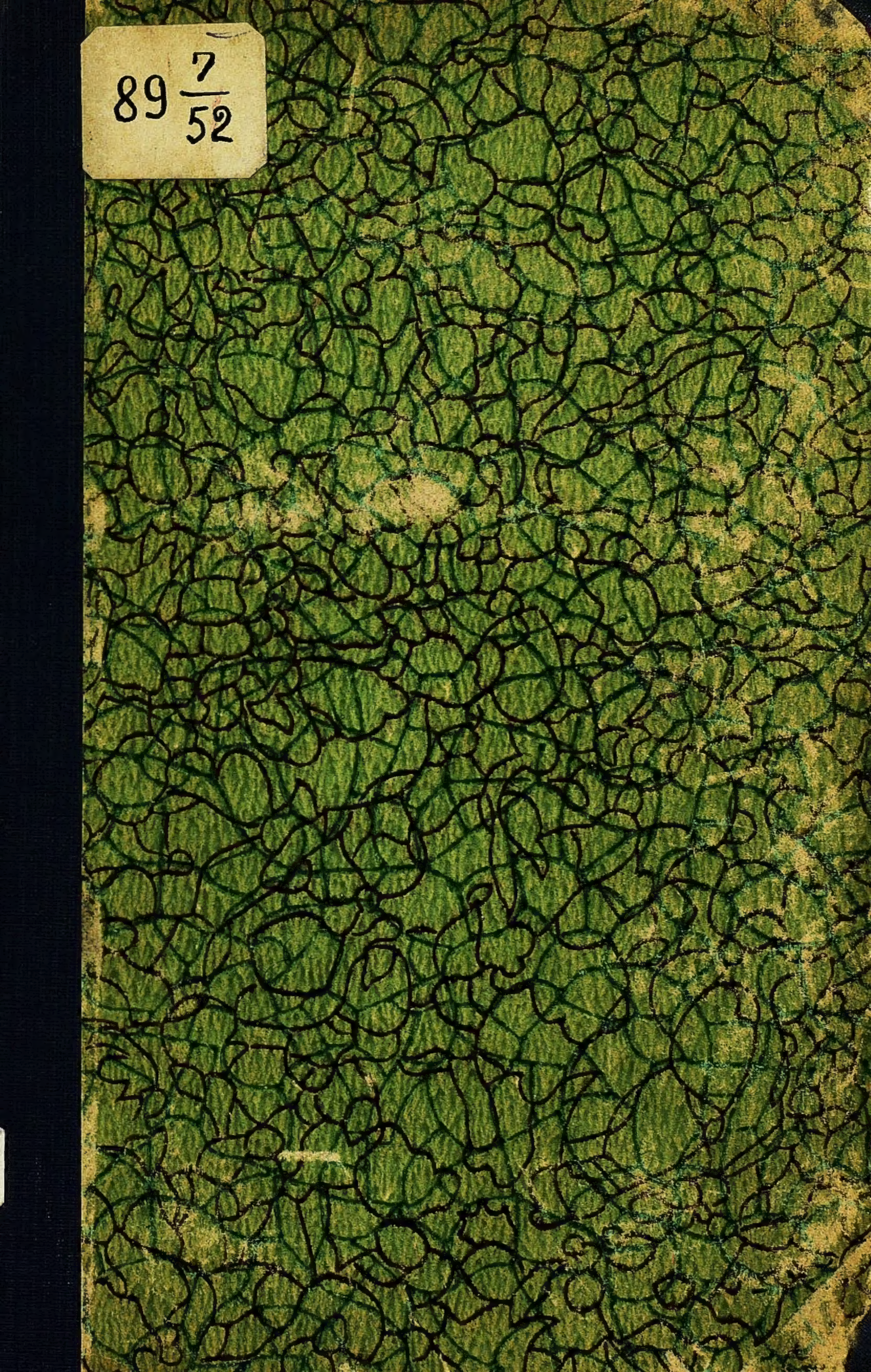

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА И ССЫЛКА“

В ЯКУТСКОЙ НЕВОЛЕ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ССЫЛКИ В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ И ВОСПОМИНАНИЙ

МОСКВА
1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XIX

МОСКВА

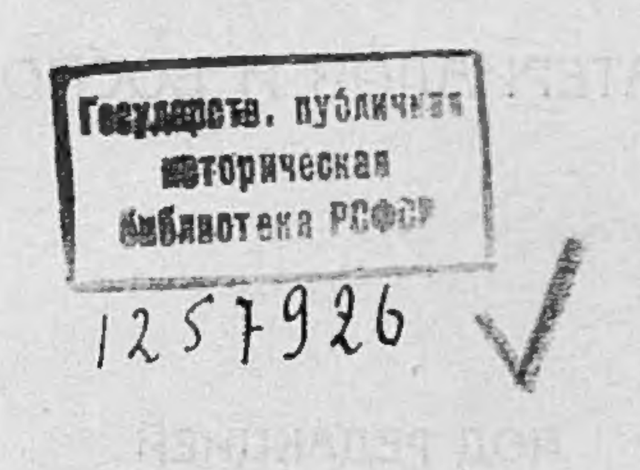
В ЯКУТСКОЙ НЕВОЛЕ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ВОСПОМИНАНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. БРАГИНСКОГО, В. Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА,
М. С. ЗЕЛИКМАН, Г. И. ЛУРЬЕ и В. И. НИКОЛАЕВА

1927

Главлит 82689. Учебн. Типогр. ЦДКВРМ, пл. Коммуны, 2. Тир. 4.500

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО

Слева направо стоят: С. Б. Горинович, С. С. Гельман, С. Н. Гожанский, М. Душкан, А. С. Гинзбург, Лебедев, М. С. Зеликман, М. А. Брагинский, К. М. Терешкович, А. Д. Поляк, Л. В. Геслер, М. М. Поляков, А. М Гинзбург. М. В. Брамсон, А. Л. Оржеровская. Е. Минская, А. А. Ергин и М. Минский.

Сидят: Львов, Л. Л. Берман, Л. В. Ергина, П. И. Брагинская, Н. О. Коган-Бернштейн, М. П. Шебалин, Шедлих, А. О. Израэльсон, Г. М. Лурье и Виноградов.

Сидят на полу: Зданович, Бергер, М. Б. Вольфсон, Гарб, Л. Соколинский и М. Х. Оржеровский.

Задача настоящего сборника, как и последующих, намеченных к изданию Якутским землячеством Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, заключается во всестороннем освещении жизни якутской ссылки с момента водворения в ней первых политических пленников царизма — до низвержения самодержавия.

Для подбора материалов и проведения намеченных литературных работ пленум землячества выделил литературную комиссию в составе: М. А. Брагинского (пред. комиссии), Г. И. Лурье (зам. председателя), М. М. Константинова, В. И. Николаева, К. М. Терешковича, М. В. Брамсона, М. Я. Полякова, А. О. Израэльсона и М. С. Зеликман (секретарь).

Для редактирования юбилейного сборника пленумом землячества выделена была редакционная коллегия в составе М. А. Брагинского, В. Д. Виленского-Сибирякова, Г. И. Лурье, М. С. Зеликман и В. И. Николаева.

Редколлегия в этом составе была утверждена редакцией журнала „Каторга и Ссылка“.

Редакция.

В. Д. Виленский-Сибиряков.

Якутская ссылка в истории русского революционного движения.

(Вместо предисловия).

В борьбе с революцией русское самодержавие имело несколько излюбленных застенков, куда оно прятало своих политических врагов. Таков был знаменитый Шлиссельбург, где царизм заживо схоронил ряд поколений русских революционеров. Такова была знаменитая Карийская каторга, позднее превратившаяся в не менее знаменитую Нерчинскую каторгу, куда царизм на протяжении почти столетия гнал закованными в цепи русских революционеров, начиная с декабристов и кончая участниками первой русской революции 1905 года.

Таким же царским застенком была, по сути дела, и якутская ссылка, гиблые места которой, по числу пленников царизма и по своим ужасам, уже давно стяжали себе мрачную славу и заняли свое место в истории русского революционного движения.

Якутская область это — огромнейшая страна северо-востока Сибири, на две трети своей территории находящаяся за полярным кругом, где царит вечный холод. Омываемая с севера Ледовитым океаном, отделяемая с юга непроходимыми таежными дебрями и горами, Якутская область поистине была огромной тюрьмой без решеток, без тюремных засовов, но тюрьмой надежной, откуда бежать было немногим легче, чем из Шлиссельбурга. Это была «белоснежная усыпальница» для революционной энергии русских революционеров, которые ссылались сюда на долгие годы. Сюда позднее царизм стал ссылать также и тех, кто оканчивал сроки каторжных работ па Каре. Здесь, на далеком северо-востоке Сибири, русское самодержавие готовило тихую могилу для своих политических врагов, которых оно ненавидело и гибели которых оно домогалось.

Так же, как и другие царские застенки, якутская ссылка тесно связана с историей русского революционного движения. Она видела у себя в качестве ссыльных: декабристов, польских повстанцев, одиночек-революционеров, как Чернышевского;

позднее ее невольными гостями были каракозовцы, участники процесса 193-х, народники и народовольцы, еще позднее пришли марксисты девяностых годов и после первой русской революции 1905 года в Якутской области были представлены все революционные партии эпохи первой революции. Это было последнее поколение якутской ссылки, которое ушло из Якутской области в 1917 году, когда победоносная русская революция раскрыла двери тюремных застенков и освободила политических заключенных из царского плена.

Хотя Якутская область и видала у себя еще декабристов, все же, говоря об истории якутской ссылки, правильнее всего будет считать начальным годом определения Якутии, как места политической ссылки, 1878 год, когда (8 августа) состоялось «высочайшее утверждение» положения о высылке в Якутскую область. В этом «положении» говорилось: «§ 1. Лиц, которые по обвинению в государственных преступлениях, будут, на основании существующих законоположений, подлежать высылке в административном порядке, ссылать преимущественно в Восточную Сибирь. § 2. Каждый из высланных административным порядком под надзор полиции в губернии Европейской России, уличенный в покушении на побег или же за совершение такового, наказуется, по задержании, ссылкою в Якутскую область, по распоряжению высшей административной власти».

Таким образом 1878 г. может быть назван годом начала административной ссылки в Якутскую область. Об этом же свидетельствуют и цифры статистики о числе невольных обитателей области. Так, по данным якутского архива, за период с 1863 г. по 1878 г. в Якутской области было всего лишь несколько десятков политических ссыльных. В 1879 г. прибыло 15, 1880—31, 1881 — 22 и далее численность ссыльных в области непрерывно возрастает. Этому в немалой степени содействовало принятое высшей администрацией решение в 1882 году о высылке на поселение в Якутскую область «государственных преступников», оканчивающих сроки каторжных работ в Забайкалье (на т.-н. Карийской каторге), что сразу в 1883 году дало Якутской области 35 ссыльных из числа окончивших каторжные работы и вышедших на поселение.

Период 70—80 годов, к которым относится установление ссылки в Якутскую область за политические преступления, является периодом исключительного оживления в русском революционном движении. Это была эпоха народнического движения. Хождение в народ, героическая борьба партии «Народная Воля» с русским самодержавием при помощи динамита, несомненно, являются яркими страницами русского революционного движения. Именно в этот период начиналось массовое революционное движение среди русской интеллигенции, которая, начав с мирной социалистической пропаганды идей социализма, шла к активной политической борьбе с самодер-

жавием. Это был период, когда сотни юношей и девушек рвали с семьей, с возможностями карьеры и шли в революцию, на неравную борьбу с царизмом.

Россия в тот момент была еще на пороге капиталистического развития. Русский пролетариат тогда еще только нарождался, чтобы двумя десятилетиями позднее выступить в качестве активной силы на политическую арену, и революционная интеллигенция как бы расчищала ему путь.

Но царизм был смертельно напуган этим под'емом волны революционного движения. Он искал мер пресечения революции и не мог подняться выше тюрем и массовых высылок. Именно в этот период родилось печальной памяти «положение о полицейском надзоре», «высочайше утвержденное» 12 марта 1882 года, т.-е. в момент, когда партия «Народная Воля» потрясла трон самодержавия.

Любопытной иллюстрацией своеобразной «философии той эпохи» может служить секретное раз'яснение департамента гос. полиции на имя ген.-губернатора Восточной Сибири, в котором даются следующие об'яснения причин, вызвавших административную ссылку. «Исключительные обстоятельства последних лет, — раз'ясняет д-т гос. полиции, — вынудили правительство, как известно в в-п.—ву, прибегнуть к чрезвычайным мерам для охранения общественного порядка и безопасности. Одной из наиболее существенных предупредительных мер, принимаемых против лиц, преступная деятельность коих считалась вредной, представляется административная ссылка или водворение лица под надзор полиции в известной местности, которая по своей отдаленности и условиям жизни ставила бы человека вне возможности быть опасным для общественного порядка. Административная ссылка, как мера предупредительная, применялась обыкновенно в тех случаях, когда рассмотрение дела судебным порядком, по различным соображениям, было невозможным и, следовательно, имелась в виду лишь одна цель: устранить человека из сферы его деятельности, поставив его в такие условия, где бы он не мог распространять на окружающих своего вредного влияния и, вместе с тем, сам находился вне влияния той среды, которая сделала его личностью опасной. Стремясь к осуществлению этой цели, правительство избрало Сибирь местом водворения административно-ссыльных».

Якутская область т. о. была признана одним из удобнейших мест ссылки, где можно было обезвредить политических противников царизма. Не даром одному из царских палачей приписывалась циничная перефразировка известной русской пословицы «Тише едешь — дальше будешь» в поговорку: «Дальше едешь — тише будешь». В Якутской области имелись такие удаленные места, как Колымский и Верхоянский округа, дальше которых уже не было куда ехать и которые были по-

истине гиблыми местами. Вот сюда-то и ссылал царизм тех, кого он считал самыми опасными для себя противниками.

Такими исключительно опасными «государственными преступниками» одно время царизм считал евреев-революционеров; именно поэтому в 1870 — 80 г. г. в Колымск и Верхоянск посылались преимущественно попадавшие в лапы царизма евреи-революционеры, особенно уроженцы юга России. Позднее эта градация отпала, но округа Верхоянский и Колымский все же до последнего дня существования якутской ссылки оставались излюбленными местами ссылки тех из ссыльных, которые казались царизму наиболее опасными или «имеющими склонность к побегам».

Кроме этих «особо отдаленных мест» в Якутской области существовали еще глухие углы — отдаленные улусы Вилюйского и Якутского округа, куда садила на «землю» уже сама якутская администрация по своему усмотрению. Это относилось в особенности к так называемым поселенцам, пришедшим в якутскую ссылку после окончания каторжных работ. Обычно эту категорию ссыльных наделяли землею для того, чтобы они могли «иметь себе пропитание», так как поселенцам пособия от казны не полагалось, как это имело место в отношении административно-ссыльных. Но, конечно, эта «приписка и наделение землею» были лишь формальным поводом для того, чтобы якутская администрация могла неугодных ей ссыльных загнать в такие таежные дебри отдаленнейших улусов области, что ссыльный оказывался для нее обезвреженным не хуже сосланных в Верхоянский или Колымский округа.

В более сносном положении находились те из ссыльных, которых по тем или иным причинам оставляли в Якутске, являющемся областным административным центром области. Но это было уделом немногих, особенно для 80 и 90-х годов, и только последнее поколение якутской ссылки, прийдя массой в Якутку и будучи в большинстве не приспособлено к земледелию, прорвало рогатки всяких административных запрещений и завоевало себе право оставаться в г. Якутске и здесь искать себе заработка.

Таковы в общем исторические предпосылки возникновения якутской ссылки и та своеобразная «география», которая определяла бытовые и политические особенности этой ссылки в ряде других гиблых мест, куда царизм посылал своих политических противников.

Если оставить в стороне так называемый ранний период якутской ссылки, когда число ссыльных в области было невелико, то история этой ссылки может быть разбита на три периода: первый — это т. н. старая ссылка 70 — 80-х годов; затем второй период — с 90-х годов до революции 1905 года и, наконец, третий период — массовая ссылка после революции 1905 года, продолжавшийся до 1917 года.

По данным некоторых дел якутского архива (см. работу М. Кротова «Якутская ссылка 70—80 г.г.») в 1873 году в области было ссыльных 9 человек русских и около сорока поляков-повстанцев. Из числа русских нам известны имена Н. Г. Чернышевского, находившегося в Вилюйском замке; И. А. Худякова, поселенного в Верхоянске; В. Н. Шаганова и П. Ф. Николаева, поселенных в Вилюйском округе. Остальные были расселены в улусах Батурусском, Намском и Дюпсинском Якутского округа.

Чернышевский был тем русским революционером-одиночкой, который был осужден к 14-ти годам каторжных работ, так как его признали «по уликам и обстоятельствам дела виновным в сочинении возмутительного воззвания, передаче оного для тайного напечатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления». Это была гнусная расправа царизма с одним из популярнейших в России публицистов, ибо обвинение даже для царских судей было мало доказанным, но перед ними стояла задача обезвредить Чернышевского, и они для осуществления этой цели не остановились перед подлогами. Каторжные работы Н. Г. Чернышевский отбывал в Нерчинских рудниках и по окончании срока был отправлен в Якутскую область в г. Вилюйск, где он прожил в ссылке почти 12 лет.

И. А. Худяков, В. Н. Шаганов, П. Ф. Николаев и ряд других «каракозовцев» были осуждены в 1866 году верховным уголовным судом по делу Каракозова, первый — в ссылку на «поселение в отдаленнейшие места Сибири», а другие — в каторжные работы. За каракозовцами в якутскую ссылку стали приходить народники разных наименований. Это наиболее известный нам, благодаря исследованию т. М. Кротова и личным воспоминаниями, период якутской ссылки. На основании личных дел, хранящихся в якутском архиве, произведено описание ссылки 70 — 80-х годов, что дало возможность установить не только численный состав т. н. старой ссылки, но и многие ее бытовые особенности.

Какова же была численность этого первого периода якутской ссылки и ее социальный состав?

Общая численность ссыльных в Якутской области за период с 60-х г. по 1889 г. включительно определяется в 285 человек. По указанным выше категориям—ссыльно-поселенцев (из каторжных) и административно-ссыльных—они распределялись следующим образом: ссыльно-поселенцев—114 чел. и административно-ссыльных—171 чел.

По национальности старая якутская ссылка распределялась следующим образом: великороссов — 152 (53%), евреев — 85 (около 30%), поляков — 17 (около 6%) и др. По социальному составу: дворян и детей чиновников — 71, мещан — 100, крестьян — 33 и остальные приходились на детей духовного сословия, купеческого и военного. Рабочих для этого периода т. Кро-

тов по архивным данным насчитывает не более десятка. Рабочие стали приходит в якутскую ссылку значительно позднее, когда рабочий класс в России стал одной из главных действующих сил революции.

Ссылка 70 и 80-х годов давала отражение народнической эпохи в русском революционном движении. В этот период, равным образом как и в последующий за ним период 90-х годов, в ссылку приходили, главным образом, представители русской интеллигенции. Было много учащихся (студентов), а равно лиц так называемых интеллигентных профессий: учителей, чиновников, техников и т. п.

Если говорить о персональном составе этого народнического периода якутской ссылки, то он изобилует довольно крупными именами. Достаточно назвать самородка рабочего Петра Алексеева, О. В. Аптекмана, одного из активных землевольцев, В. Г. Короленко и целый ряд народовольцев и их продолжателей вроде Л. М. Коган-Бернштейна, И. С. Минора, М. Р. Гоца, М. И. Фундаминского и др.

Второй период якутской ссылки — от 90-х годов до первой русской революции 1905 года—отличался не столько своим социальным составом, сколько идеологическими особенностями той переломной эпохи, которую переживала тогда революционная Россия. Старое народничество, исчерпав себя до дна в своей схватке с царизмом, доживало последние дни. Вместе с тем Россия в этот период начинала становиться на путь капиталистического развития, что не могло не содействовать утверждению теории К. Маркса в среде русской интеллигенции.

И это-то и было главнейшей причиной появления в якутской ссылке в 90-х годах нового поколения русских революционеров, которые, будучи ярыми сторонниками марксизма, начали идейную борьбу против народничества и его последних могикан, находящихся в ссылке. В этот период Якутская область видела у себя группу одесских марксистов: Цыперовича, Стеклова, Павловича-Вельтмана. А позднее—Ольминского, Теодоровича, Урицкого, Ю. Ларина и целый ряд социал-демократов — будущих деятелей Октябрьской революции.

Но это последнее уже было на стыке второго периода якутской ссылки с третьим периодом, который начался непосредственно вслед за первой русской революцией 1905 года.

После разгрома революции 1905 года, когда оправившийся царизм начал ликвидировать революцию и прятать в тюремные застенки своих политических противников, якутская ссылка вновь оказалась излюбленным местом ссылки для тех из русских революционеров, которые были на особом счету у царских тюремщиков. В этот период Якутская область видела у себя в качестве невольных гостей: В. П. Ногина, Г. И. Петровского, Н. А. Скрыпника, С. Шварца, Ем. Ярославского, Серго Орджони-

кидзе и целый ряд других деятелей Февральской и Октябрьской революций.

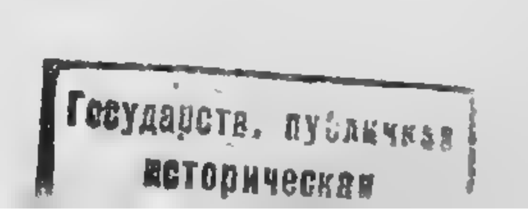
Но главной особенностью этого последнего периода якутской ссылки было то, что это была массовая ссылка, где преобладали рабочие-революционеры, принимавшие непосредственное участие в революционном движении 1905 года и осужденные царскими судами или в каторжные работы, или на вечное поселение. Поселенцы, впрочем, для этого периода не были преобладающим составом для якутской ссылки, их посылали в Енисейскую и Иркутскую губернию. В Якутку посылали, главным образом, оканчивающих каторжные работы и особо неблагонадежных и склонных к побегам. В Якутку шли также уроженцы сибирских областей и губерний, осужденные за государственные преступления.

Революция 1905 года базировалась не на отдельных десятках или сотнях профессионалов-подпольщиков. Это было массовое народное движение, где принимали активное участие сотни тысяч рабочих и миллионы крестьян. Революционное движение первой русской революции захватило матросские и солдатские массы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что царизму в момент ликвидации революции 1905 года пришлось укомплектовывать свои тюрьмы и гиблые места ссылок сотнями и тысячами рабочих, крестьян и солдат. Состав последнего поколения якутской ссылки в достаточной мере полно отражал этот массовый характер первой русской революции и имел в себе все оттенки партийных группировок этой эпохи.

От одиночек ссыльных-революционеров к массовой политической ссылке — вот тот путь исторического развития якутской ссылки, который проделала эта «белоснежная усыпальница» для революционной энергии многих поколений русских революционеров.

Продолжительность пребывания в якутской ссылке, по цитированным выше исследованиям т. Кротова для 70 — 80-х г. г., рисуется в следующем виде: из общего числа 171 административно-ссыльного — 129 человек провели в области от 1 до 5 лет каждый, 39 — от 6-ти до 10 лет и остальные — свыше 10 лет. Ссыльно-поселенцы, сосланные на житье в область (114 чел.): 32 из них пробыли от 1 до 5 лет каждый, 40 — от 6 до 10 лет, 37 — от 11 до 14 и 4 — свыше 14 лет. Иными словами, в среднем на административно-ссыльного для этого периода приходится около 4-х лет и ссыльно-поселенца — около 8 лет ссылки.

Для второго периода якутской ссылки мы пока не имеем точных статистических данных, но все же есть основание предполагать, что средний срок для обеих категорий тогда был не менее сроков первого периода, и только третий период имел сокращенные сроки, но это произошло уже по независящим от царизма обстоятельствам — сроки сократила победоносная революция, которая ликвидировала якутскую ссылку.

В тесной связи с продолжительностью сроков ссылки стоит вопрос о занятиях ссыльных. Высылая в «отдаленнейшие места», царизм преследовал далеко не одну только изоляцию своих политических противников. Нет, затаенные мысли царских опричников были направлены в сторону физического истребления революционеров при помощи голода и холода. Правда, царизм делал вид, что он опекает сосланных и даже «помогает» им, но это была не больше, как казовая сторона. Казенное пособие было ничтожно и не могло обеспечить ссыльного, да к тому же оно далеко не всегда всем сосланным в Якутскую область выдавалось. Поэтому вполне естественно было у ссыльных желание найти какую-нибудь работу, которая могла бы в какой-нибудь мере обеспечить им хотя бы полуголодное существование. Были, конечно, ссыльные, которые получали помощь извне, от родных, знакомых, друзей, но таких было немного.

Однако, чем же мог заниматься ссыльный в условиях якутской действительности?

В «правилах по устройству быта политических ссыльных» для административно-ссыльных были установлены следующие ограничения. Административно-ссыльным воспрещалось: заниматься воспитанием детей и преподаванием наук, иметь аптеки, типографии, литографии и фотографии, иметь какого-либо рода занятия во всех правительственных учреждениях, жить в тех домах, где помещаются почтовые или телеграфные станции, заниматься медицинской практикой и т. п. На ссыльно-поселенцев все эти ограничения также распространялись с небольшими лишь из'ятиями в отношении врачебной, акушерской и т. п. практики, о чем требовалось специальное персональное ходатайство перед мин. внутр. дел.

Но и разрешенной работой заниматься ссыльным можно было лишь с «соизволения» местного начальства. Так, в этих же цитированных выше «правилах» и еще больше в разного рода циркулярах говорилось: «От местного губернатора зависит воспретить поднадзорному избранное им занятие, если оно сему последнему служит средством осуществления его предосудительных замыслов или по местным условиям представляется опасным для общественного порядка и спокойствия». Таким образом, признать любое занятие ссыльного «опасным» для общественного «порядка и спокойствия» зависело исключительно от усмотрения только местного начальства.

Чем же занимались ссыльные в Якутской области?

В 70—80-х г. г. 96 ч. ссыльных (33%) занимались земледельческими работами. Это, главным образом, — ссыльно-поселенцы, т. к. только им давались земельные наделы. Разными ремеслами, службой и т. п. занимались 21 человек (7,3%) и столько же научной работой, литературной, изучением края и т. п. Ну, а остальные? Их исследователь относит в рубрику «не имевших определенных занятий». В эту последнюю категорию попали,

главным образом, ссыльные северных округов—Верхоянского и Колымского — и отчасти жившие в г. Якутске.

Земледелие было основным занятием для ссыльно-поселенцев, расселенных в Якутском округе. Несмотря на неблагоприятные почвенные и климатические условия, частые морозы, убивавшие всходы, земледелие все-таки давало возможность ссыльным иметь свой хлеб, служивший большим подспорьем ссыльному при его скудном казенном пособии. Земледелием занимались каракозовцы — Загибалов, Шаганов, Ермолов и др. Ссыльные немало содействовали распространению хлебопашества среди якутов; даже якутская администрация должна была признать эти заслуги ссыльных, а якутский губернатор в 1879 году просил исправника передать «его искреннюю благодарность» Шаганову, Волкову и Васильеву «за их труды в деле развития земледелия».

Усилиями ссыльных были произведены опыты земледелия за полярным кругом. В этом отношении особенно интересны опыты П. И. Войнаральского в Верхоянском округе и А. Б. Ардасенова в Средне-Колымске.

Позднейшие поколения якутских ссыльных земледелием занимались меньше, но зато они больше из своей среды выделили разного рода ремесленников.

Медицинской практикой занимались многие из ссыльных: Ровенский, Стеблин-Каменский, Собсович, Натансон, Мицкевич, Ожигов, Сабунаев и ряд других ссыльных. Острая нужда в медицинской помощи заставляла якутскую администрацию мириться с нарушением ссыльными «правил» и разного рода запретительных циркуляров и смотреть сквозь пальцы на медицинскую практику ссыльных. А последним, вследствие настоятельных просьб местного инородческого населения, приходилось выступать в роли «лекарей» даже тогда, когда они имели самые элементарные познания в медицине.

Значительная группа ссыльных вела научные занятия. В этом отношении ссылка оставила глубокий культурный след своего пребывания в области. Достаточно назвать имена: Серошевского, Войнаральского, Иохельсона, Богораза (Тан), Кона, Трощанского, Майнова, Левенталя, Стеблин-Каменского, Ионова, Виташевского, Пекарского, Шкловского и ряда ссыльных позднейшего периода, чтобы убедиться, как много было сделано ссылкой для изучения Якутской области.

Трудами ссыльных в Якутске создан музей. На протяжении десятилетий ссыльными велись наблюдения на метеорологических станциях в самых отдаленнейших местах Якутской области, вроде с. Усть-Янское, в г. Верхоянске и в ряде пунктов Колымского округа.

В последние годы якутской ссылки, когда среди ссыльных преобладали рабочие-массовики, в г. Якутске было создано много разного рода ремесленных артелей. К этому же периоду нужно вообще отнести прорыв ссылкой стоявших перед ней запретитель-

ных рогаток. В Якутске образовалась большая колония ссыльных, члены которой не только занимались разного рода «запрещенными занятиями», вроде преподавания, службы и т. п., но и порою играли большую роль в жизни местных общественных организаций.

Однако, для того, чтобы прорвать эту линию рогаток и заставить якутскую администрацию считаться с нуждами и запросами ссылки, ссыльным пришлось пройти длинный, тяжелый, местами усеянный жертвами, путь борьбы с администрацией. Но эта борьба, эти жертвы были неизбежны, ибо в противном случае якутская ссылка могла бы действительно стать могилой ее невольных обитателей.

Не у всех ссыльных хватало сил выжить в этой полной лишений и страданий обстановке якутской ссылки. Одни находили себе спасение в тяжелом физическом труде, главным образом, земледельческом; другие, лишенные этой опоры, теряли душевное равновесие и доходили до сумасшествия, иногда до самоубийства; третьи, наиболее активные и неугомонные, с первых же дней своего пребывания в области начинали строить планы о подготовке побегов.

Однако бежать из Якутской области было не так-то легко. Во-первых, успеху побегов мешали огромные пространства, во-вторых—враждебное отношение к «государственным преступникам» со стороны местного туземного населения — якутов, которых местные власти всячески, до денежной награды включительно, поощряли зорко следить за ссыльными. Вот почему побегов из якутской ссылки было относительно мало; большая часть побегов 70 — 80 и отчасти 90-х годов были неудачны.

Из крупных побегов наиболее интересным представляется побег из Верхоянска, организованный семью ссыльными в 1882 г.: С. Лионом, В. Арцыбушевым, И. Царевским, В. Серошевским, В. Заком, Е. Александровой и Ф. Флугом. При помощи двух распропагандированных ими скопцов Тараскиных они решили на изготовленных лодках спуститься по р. Яне в Ледовитый океан и оттуда бежат в Америку. Однако они успели добраться только до низовьев р. Яны, где и были пойманы.

Значительно легче удавалось бежать из якутской ссылки в последний период ее существования, когда ссыльное население значительно увеличилось, а связь Якутской области с внешним миром расширилась. В Якутск стали наезжать разного рода агенты торговых фирм, что давало отдельным ссыльным возможность проскользнуть из области более или менее незаметно.

Как же якутская администрация реагировала на эти побеги? В первую очередь — усилением полицейского надзора и затем— расселением ссыльных по отдаленнейшим округам области, вроде Колымского и Верхоянского. Если мелочная полицейская опека была рассчитана на то, чтобы превратить жизнь ссыльных в мучительную пытку, то расселение ссыльных по северным округам

с нарушением самых элементарных требований безопасности расселенных было замаскированным стремлением администрации заживо обречь целый ряд ссыльных на медленную и мучительную смерть. Ответом на это был знаменитый протест якутских ссыльных 1889 года, известный в истории под названием «Монастыревской истории» по имени хозяина того дома, где ссыльные собрались для вооруженного протеста против распоряжений якутской администрации. По распоряжению якутского губернатора Осташкина дом Монастырева был обстрелян, а в результате этой кровавой драмы был инсценирован суд, который приговорил трех участников Монстыревской истории (Когана-Бернштейна, Зотова и Гаусмана) к смертной казни, а остальных участников протеста — к каторжным работам на разные сроки.

Позднее, в 1904 году, Якутская область увидела другой аналогичный протест, получивший название «Романовской истории», опять-таки по имени владельца дома, где устроили баррикады ссыльные. На этот раз над домом Романова взвился красный флаг, и самый протест превратился в политическую демонстрацию против самодержавия. Это было накануне первой русской революции, и самодержавие, как оно ни старалось, не могло добиться тех же карательных результатов, какие оно имело после «Монастыревской истории». Между тем на процессе по делу «Романовской истории» защита развернула потрясающую картину действительного положения ссыльных в Якутской области, и процесс своим острием повернулся против самодержавия.

А положение ссыльных в Якутской области было действительно ужасно. Об этом могут свидетельствовать как те многочисленные могилы погибших в якутской ссылке революционеров, так и те скорбные страницы, которые заполнены именами сошедших с ума ссыльных, не выдержавших тех нечеловеческих страданий и лишений, которыми была полна жизнь в гиблых местах Якутской области.

По данным исследования т. Кротова, в 70 и 80-х годах в Якутке погибло примерно 11% всего состава ссылки. Эта цифра говорит за себя. Но это, конечно, очень незначительная цифра в глазах царских опричников, которые ждали от Якутской области большего — полного физического истребления своих политических противников.

Этой последней надежды царских палачей якутская ссылка, к счастью, не оправдала.

Царизм переоценил значение тюрьмы и ссылки, как орудия борьбы с революцией. На известном этапе революционного движения, когда в последнем участвуют небольшие десятки и сотни революционеров, еще можно бороться при помощи тюремных застенков, где можно сгноить своих пленников. Но когда революционное движение становится массовым, когда вокруг его знамени собираются десятки и сотни тысяч, когда за этими десятка-

ми тысяч идут миллионы трудящихся, тогда тюрьма и ссылка теряют свое значение.

Больше того, эти тюрьмы и места ссылки из мест заключения превращаются в школы и университеты революции, где идет не только обмен революционным опытом, но и революционная учеба для тех, кто малоподготовленным пришел в революцию, и переподготовка тех, кто хотел использовать свое заключение в тюрьме или пребывание в ссылке для своего идейно-революционного перевооружения в интересах дальнейшей раволюционной борьбы.

Шлиссельбург, Петропавловка, Карийская каторга и отчасти якутская ссылка 70—80-х г. г. могли служить самодержавию в качестве надежных застенков, где можно было угроблять своих политических пленников. Но уже начало массового революционного движения среди русской революционной интеллигенции поставило царизм в большое затруднение. А с началом массового рабочего движения и, в особенности, с бурным взметом революционной волны 1905 года царизм был окончательно выбит из своей привычной колеи. За исключением Петропавловки, все остальные места заключения, даже и Шлиссельбург, превратились в места встреч русских революционеров, в места обмена революционным опытом, в революционные университеты.

Якутская ссылка больше, чем какой-либо из других царских тюремных застенков, может претендовать на звание одной из школ великой русской революции. Много перебывало в этой школе учеников, пришедших в гиблые места Якутии из революционного подполья или гущи революционного рабочего движения. Много в этой школе побывало тех из революционеров-подпольщиков, которые могли быть учителями для желающих учиться науке как делать революцию. Много из бывших невольных обитателей якутской ссылки принимало и принимает участие в строительстве первой в мире республики Серпа и Молота. Это является лучшим показателем успешной работы этой школы революции.

Царизм хотел из Якутской области сделать огромную могилу для русской революции. Это ему не удалось. Наоборот, якутская ссылка в немалой степени содействовала подготовке гибели царизма, воспитывая те кадры русских революционеров, которые смогли стать вожаками трудящихся масс России, когда последние вышли на революционную борьбу с самодержавием.

Группа ссыльных социал-демократов в Якутске в 1917 г.

Ем. Ярославский.

Накануне Февральской революции в Якутске.

Якутская ссылка отличалась особенностями, которые определялись, с одной стороны, ее отдаленностью, оторванностью, а с другой стороны, ее несколько особым составом и, наконец, условиями жизни в Якутске, значительно отличавшимися от условий жизни в ряде других мест ссылки.

При самых благоприятных обстоятельствах мы получали в Якутске газеты на 24 день из Москвы; осенняя и весенняя распутицы прерывали сообщение иногда месяца на полтора — два, иногда и на больше; зимой почта доходила приблизительно на 30-й день из столицы. Телеграф работал крайне неисправно и тоже бывали довольно длинные перерывы, вследствие порчи телеграфа на Ленской линии, когда пользовались (и то не всегда) кабелем через Охотск.

Особенный состав ссылки определялся, с одной стороны, тем, что в Якутскую область ссылали многих бывших каторжан и осужденных к ссылке на поселение или на административную ссылку революционеров-*сибиряков*, а с другой стороны—тем, что в Якутскую область засылали «подальше» тех, относительно кого были опасения насчет побега. Бежать из якутской ссылки было очень трудно, но все же не совсем невозможно. За короткий 4-хлетний период моей ссылки, 1913—17 годы, бежали: Моисеенко, Глауберзон, Л. Чабанова и еще трое политических, фамилий которых сейчас не могу припомнить. Политических ссыльных, вместе с административными, было в Якутской области около 500 человек, в самом Якутске—около 300 человек. Состав этой ссылки был самый разнообразный, но в общем он был даже, пожалуй, несколько выше по своей квалификации, чем в других местах ссылки, если принять во внимание, что в Якутске было очень много товарищей, прошедших через годы каторги, а не случайно попавших в ссылку. Это не значит, что до революции в ссылке не было случайных людей, которые жили обывательской жизнью и ничего общего не имели с революцией, хотя и назывались политическими ссыльными.

Но в значительной степени не это определяло физиономию ссылки, — ее определяли *условия существования*. Жандармской

охраны не было, особенных полицейских строгостей тоже не было. В самом Якутске ссыльная колония жила довольно свободной жизнью. За наше время полицеймейстер И. А. Рубцов вел либеральную политику по отношению к ссылке. Губернаторы тоже не свирепствовали особенно. Ссыльные в смысле заработка не были почти ничем ограничены и даже имели возможность для заработка довольно свободно (правда, каждый раз с разрешения полиции) передвигаться по области, участвовать в разного рода исследовательских, геологических, лесных и других экспедициях, заниматься педагогической деятельностью в качестве репетиторов. И этим занимались очень многие ссыльные, а также занимались решительно всеми видами ремесл и техники. Даже анекдот такой ходил про якутских ссыльных, что ежели спросить политического ссыльного, не проведет ли он дорогу на луну, то он не станет говорить о трудностях, а спросит только: сколько дадите? Правда, дорогу на луну мы не строили, но среди якутских ссыльных были техники самых разнообразных специальностей. Материальные условия существования были, сравнительно, очень хорошие. Правда, извне мы получали небольшую помощь; но, благодаря высоким заработкам отдельных товарищей, мы имели возможность помогать тем, кто в некоторые месяцы лишен был заработка. Так, некоторые товарищи имели хороший заработок летом, а зимой должны были бы, что называется, складывать зубы на полку, если бы им не помогали остальные товарищи. Вот эта-то сравнительная обеспеченность якутской ссылки, относительная свобода существования, отсутствие подчеркнутого полицейского режима, который давал себя чувствовать во многих других местах ссылки, где орудовали жандармы, — и создавали, я бы сказал, несколько *обывательское* настроение среди части ссылки (я говорю об Якутске и Олекминске. Относительно других мест ссылки я не берусь судить). Это обывательское настроение в представлении части ссыльных выражалось в том, что надо сидеть тихо, не шевелиться, не делать ничего нелегального, недозволенного, и тогда начальство не будет притеснять, и можно будет жить с материальной стороны не плохо. Конечно, это имело свои резоны. Для товарищей, которые хотели сберечь свои силы для большой революционной работы, может быть, и было выгодно отбыть спокойно короткий срок ссылки, в особенности, если это была административная ссылка, после которой ссыльные могли возвратиться спокойно в Европейскую Россию и вновь работать. Но дело в том, что этими соображениями прикрывались больше всего не революционеры, а именно те группы ссыльных, которые уже склонны были все больше и больше становиться обывателями. Для них всякая ссыльная «история», в особенности история с политической окраской, была нежелательной.

Эти обывательские настроения значительной части ссылки вели к тому, что влияние ссыльных на окружающую среду было

сравнительно неглубоко. Я вовсе этим не хочу сказать, что якутская ссылка была хуже какой-нибудь другой ссылки; может быть, во многих отношениях она была даже лучше, — хотя бы по своей средней квалификации; типичных ссыльных историй, склоки, дрязг в якутской ссылке было, пожалуй, меньше, чем во всякой другой. Ссылка жила, в общем, дружно, если под этой дружбой подразумевать личные товарищеские отношения. Однако и здесь были группы, которые резко отмежевывались от остальной ссылки. Были товарищи, которые не хотели считаться с необходимостью поддерживать высокий «революционера сан» и, сливаясь с обывательской массой, целиком воспринимали все худшие стороны этой обывательской массы. Некоторые политические ссыльные занимались даже торговлей; оседали прочно, строили себе домики и не рассчитывали уже, видно, вернуться к революционной деятельности.

«Вот почему, когда стало известно, что я организую два кружка из среды якутской молодежи, что я собираю их, беседую с ними, даю и читаю им нелегальную литературу, это было встречено даже с некоторым недовольством, боязнью, — как бы чего не вышло. Вот, дескать, живем тихо, мирно, никто нас не трогает, обысков у нас не бывает, жандармов нет, собираемся свободно, полиция не притесняет, а как узнают, что ссыльные занимаются революционной подпольной деятельностью, тогда пропало все. Однако, несмотря на то, что эти соображения высказывались мне даже открыто, я своей работы не прекращал. И первые же дни марта 1917 года показали, какое огромное значение имела эта работа. Мы в первые же дни революции 1917 года услышали программные марксистские речи на якутском языке; мы сумели первые издать листовки на якутском языке; мы получили первый основной кадр якутов — будущих большевиков-ленинцев, марксистов, — и тогда уже в большинстве своем склонявшихся к большевизму.»

Мне думается, что такое отрицательное отношение ссыльных к подпольной работе в Якутске было, несомненно, ошибочным. Правда, влияние отдельных товарищей на отдельных якутских обывателей, с которыми они соприкасались, всегда сказывалось и можно насчитать теперь среди якутской общественности деятелей, воспитание которых зависело от этого влияния, но здесь дело идет только об единицах; между тем, несомненно, можно было бы поставить гораздо шире кружковую работу уже тогда. После Февральско-мартовской революции такая работа пошла, хотя и здесь эс-эры [1], главным образом, ориентировались на обывателя, а не на учащуюся молодежь. Впрочем, если говорить об эсэрах, то вообще их тактика была ярко выраженной тактикой мелкобуржуазных революционеров, которые уже тогда резко от-

[1] Это не значит, что среди эс-эров не было социалистов-революционеров, но они терялись в общей массе буржуазных демократов, какими, в конце концов, оказались эс-эры, как партия.

межевывались не только от большевиков, но и от социал-демократической линии. Они выступали против восьмичасового рабочего дня для сельского хозяйства, они выступили с попыткой организовать союз сельских хозяев в противовес организованному нами союзу сельско-хозяйственных рабочих; они вступили в блок с союзом домовладельцев в то время, когда мы организовали союз якутских чернорабочих, союз якутской бедноты; они же расчистили дорогу для колчаковских завоевателей, а их вождь П. А. Куликовский бесславно кончил в качестве одного из руководителей Пепеляевских банд, организованных, главным образом, японцами.

Такая кружковая работа тем более была возможна, что строгостей со стороны полиции не было. Только однажды за 4 года у меня и у нескольких еще товарищей был произведен обыск по предписанию иркутского жандармского управления, в котором говорилось, что иркутскому жандармскому управлению известно, что в Якутске существует организация для устройства побегов ссыльных. Как на главаря этой организации, указывали на меня. Это, конечно, было не совсем так, — я не был главарем организации по устройству побегов. Правда, все побеги происходили через меня, у меня было паспортное бюро. Хранил я это паспортное бюро в этнографическом естественно-историческом якутском музее, в котором я выполнял обязанности чего-то вроде директора. Обстановка этого обыска чрезвычайно характерна для нравов того времени. С обыском явился полицеймейстер И. Рубцов с околоточным надзирателем и несколькими городовыми. Они очень поверхностно посмотрели у меня в квартире, тут же во дворе музея, и затем предложили мне пойти в музей показать, где я работаю. Я решил, что дело пропало; кто-то, повидимому, указал на место хранения паспортного бюро, и я буду сейчас арестован вместе со всеми бланками и книжками паспортов, десятками печатей различных правительственных учреждений и некоторыми другими нелегальными документами. В большом письменном столе было три ящика и в среднем находилось паспортное бюро. Я открыл один ящик с краю, и он был осмотрен, открыл другой крайний ящик, который также был осмотрен, а к среднему стал спиной и не стал его открывать. Я видел, как околоточный надзиратель косится на этот ящик, но не решается сказать в присутствии полицеймейстера, чтобы я отошел. А полицеймейстер посмотрел как-то загадочно сначала на ящик, потом на меня и сказал: «Ну, здесь больше искать нечего, идемте в другие комнаты». Паспортное бюро было спасено.

Я и другие ссыльные об'яснили это исключительно тем, что между иркутским губернским жандармским управлением и якутским полицеймейстером существовала известная борьба. Полицеймейстер старался доказать, что у него все благополучно и никакой крамолы не ведется, а жандармы постоянно эту крамолу раскрывали. И на этот раз полицеймейстер стремился дока-

зать, что жандармы получили неверные сведения, что никакого паспортного бюро нет и что побеги устраиваются неорганизованно. Забрали у меня несколько писем, в том числе письма М. Томского и В. Войтинского. Часа через два я был в полиции. Полицеймейстер встретил меня вопросом: «Не знаете ли вы, кто занимается здесь доносами? Кто донес на вас?». Я ответил ему: «Я думаю, что вам лучше известно, кто занимается доносами». Он отдал мне пачку писем, заявив: «Я не читал их». Все это было сделано нарочито подчеркнуто: вот, дескать, знайте, что я никаким сыском не занимаюсь. Доносчиков сам преследовал бы, если бы знал, кто они.

Этот случай показал, насколько якутские полицейские условия давали возможность вести нелегальную работу. У меня в квартире во дворе музея собиралось не однажды человек по 40—50 и даже больше. В небольшой комнатке в 9 шагов в длину и 8 в ширину набивалось сколько влезет. У нас происходили и партийные собрания узко-организационного характера, а иногда какая-нибудь дискуссия, реферат. И вот однажды я заметил, что городовой усиленно шмыгает около домика. Я вышел и спросил его, что ему надо. Он попросил разрешения зайти повесить шубу (была осень). Конечно, это был только предлог для того, чтобы зайти в комнату и посмотреть, кто там. Я сказал ему, что не отвечаю за то, что шубу кто-нибудь не стянет, так как сени не заперты. Он конфузливо отошел. Больше настойчивого стремления проникнуть на наши собрания, чтобы хотя бы переписать участников, ни разу не было. Также не было таких попыток и в новый год, когда мы собирались человек по полтораста—двести.

Устраивали мы совместные маевки, в которых участвовало человек по сто. Собирались тоже на виду у полиции, недалеко от якутского кладбища, ближе к Сергеляхам. Издали еще иногда реяли полицейские, но к месту маевки никогда не приближались и не мешали нам произносить речи и проводить день первого мая так, как нам хотелось. Поэтому на маевках у нас иногда участвовали и не ссыльные, в особенности это было в 1916 году, когда мы пригласили довольно большую группу якутской молодежи. В память врезалось это последнее первомайское наше празднование до революции. И опять-таки, вспоминая этот день, приходится установить, что ни одна группа ссыльных не имела такого верного чутья в области революционных событий, каким обладала наша группа большевиков. Мне в моей речи первого мая удалось чутьем почти с точностью формулировать то, что произошло в 1917 году.

В 1916 году нам пришлось похоронить тов. Ястрова, о котором нужно вспомнить, как о единственном рабочем, который сидел в якутской тюрьме, как «опасный» для правительства противник войны. Ястров был колпинским рабочим и был выслан в Якутск якобы за то, что он — германский подданный; но в то же время Ястров принимал участие в противовоенной кампании. У него

очень быстро развился в якутской тюрьме туберкулез. Это был настоящий интернационалист, антиоборонец, большевик. Вскоре перевели его из тюрьмы в тюремную больницу. Мне и другим ссыльным довелось быть у него несколько раз на свиданиях. Он не верил, что его песенка спета. Однако весной 1916 года пришлось снести нам Ястрова на кладбище и похоронить недалеко от могил других политических ссыльных, большей частью покончивших самоубийством, — Людвига Яновича и др.

Часть ссыльных принимала участие в местной печати. Можно назвать Степана Никифорова, П. Ю. Перкона, В. Д. Виленского и Н. Е. Олейникова, из эс-эров — В. Н. Соловьева (будущий колчаковский комиссар). Однако, нельзя сказать, чтобы это окрашивало местную печать в сколько-нибудь социалистический и даже радикально-демократический оттенок. Газета была бледная, иногда выступала даже в защиту таких учреждений, как тойонат. Это происходило потому, что газета принадлежала фактически крупному купцу Коковину, а воротилами были сторонники тойоната, как, например, В. В. Никифоров и др.

Незадолго до революции небольшая часть ссыльных стала принимать более активное участие в жизни местного клуба. Выступали на сцене П. А. Куликовский, Стариков, М. М. Константинов и др. Нельзя сказать, чтобы и здесь было внесено что-нибудь радикальное, революционное, но все же чуточку свежестью пахнуло от этих выступлений.

— Какие организации существовали в Якутске?

— Была там небольшая группа эс-эров, при чем в самой эс-эровской среде было разделение (не по идеологической линии, а скорее по связям—своего рода аристократия выделилась). Мне очень часто приходилось слышать от рядовых ссыльных эс-эров, что их держат в стороне, что существует какая-то особая эс-эровская группа, куда вхожи только немногие избранные. Я не знаю, существовала ли такая группа организационно, но что в эс-эровской ссылке огромная часть была вне всякой организации (входя в созданную в 1915 г. кассу взаимопомощи) — это было совершенно ясно. Лидерами эс-эровской ссылки одно время была Лидия Павловна Езерская (умерла в Якутске), а затем П. А. Куликовский, П. Ю. Пивоваров, И. Бланков, Я. А. Богословов, В. Н. Соловьев.

Среди социал-демократов было больше организованности, больше четкости. Организационного разделения в этой организации не было: большевики и меньшевики входили в одну организацию. В организации происходила оживленная борьба по ряду вопросов партийного характера, как, например, по вопросу о расколе думской фракции, о ликвидаторстве, при чем прием в организацию у нас был довольно строгий. Тем не менее, все, что было социал-демократического, за очень немногими исключениями, входило в нашу группу. По приезде В. П. Ногина из Верхоянска мы еще более оформили нашу якутскую группу,

перерегистрировали ее, и в нее, например, не вошли такие товарищи, как Н. Е. Олейников, только потому, что Олейников был владельцем небольшого магазина [1], а мы считали, что членами партии не могут быть предприниматели, пользующиеся наемным трудом.

Была у нас и касса взаимопомощи, в которой очень деятельное участие принимали Гомбинер и Вера Остроумова, а также покойный Сандро Кецховели. Эта касса взаимопомощи охватывала около ста пятидесяти человек ссыльных, в значительной степени организовывала ссылку и оказывала существенную материальную помощь тем товарищам, которые не были обеспечены. Так, одно время мы организовали столовую. Во главе столовой был Сандро Кецховели. Мы установили прожиточный минимум в 20—25 рублей, которые мог получить каждый безработный ссыльный из кассы взаимопомощи, так что голодать ни одному ссыльному не приходилось. На 20 — 25 рублей нельзя было роскошествовать, но можно было жить вполне сытно и тепло.

Империалистическая война расслоила ссылку. Очень скоро определились два крайних фланга: резкие антиоборонцы-пораженцы, среди которых были: Андрей Агеев, Клавдия Кирсанова, Емельян Ярославский, Адольф Владимирский, Иван Носов, а в 1915 году присоединился Григорий Иванович Петровский (из среды эс-эров помню Голубева и еще двух-трех человек). А с другой стороны—гораздо более многочисленная группа оборонцев, начиная от П. А. Куликовского, который восхищался и проливал умильные слезы по поводу того, что сама губернаторша шьет заячьи одеяла для русских воинов, и кончая таким «интернационалистом», как Г. О. Охнянский, который метался между К. Либкнехтом и Г. Плехановым: с одной стороны — нельзя не сознаться, а с другой стороны — нельзя не признаться. Такой позиции держалась довольно многочисленная группа ссыльных. Впрочем, должен сказать, что в начале империалистической войны понятия были вообще путанные на этот счет. Так, на мой запрос Войтинскому (Сергею Петрову) в Иркутск по поводу его отношения к войне, он ответил мне, что так думать, как думает Плеханов, могут или попросту жулики, или люди запутавшиеся [2].

Я организовал несколько рефератов и докладов на тему об отношении к войне. На этих докладах бывали и социал-демократы и эс-эры. Мы питались сведениями, главным образом, из газет и журналов, кое-что проникало к нам через письма, нелегальной литературы мы почти не получали, поэтому в значительной степени мы должны были ориентироваться сами. Тем не менее, проверяя впоследствии, по тогдашней литературе, наши взгляды, я прихожу к убеждению, что линия нашей небольшой группы ан-

[1] Этот магазин Н. Е. Олейников сейчас же после Февральской революции 1917 г. передал в дар на нужды партии.

[2] К сожалению, это письмо было у меня отобрано во время обыска в Якутске.

ти-оборонцев-пораженцев была совершено правильной, что мы чутьем, не получая никаких директив от партии, сумели эту линию наметить. Дискуссии по вопросу о войне были довольно оживленные. Мы тем более считали себя правыми, что видели, какая публика тянется к оборонцам, кто является их союзниками. Как-то на улицах Якутска мы увидели патриотическую манифестацию. Во главе ее шел городской голова Пашка Юшманов (так звали П. Юшманова, купца, жулика, ростовщика, нажившего состояние самыми темными средствами), несли царские портреты, хоругви, шли чиновники, обыватели, и Пашка Юшманов, багровый от прилива крови, кричал: «*Кряков* возьмем, Берлин возьмем!».

Канун нового, 1917, года встретили в квартире Николая Егоровича Афанасьева (в то время—народника по своим убеждениям). Кажется, было человек полтораста народу—и социал-демократов и эс-эров. Говорились речи. Я выступил с речью, в которой доказывал, что никогда мы не стояли так близко к социалистической революции, как стоим сейчас. Я закончил словами русской марсельезы:

Никогда призыв свободный
Такой угрозой не звучал.
Такою мощью не дышал,
Как этот клич международный:
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Я указывал, что неизбежно массовое выступление пролетариата в ближайшие же недели и месяцы, что война не может не кончиться массовым выступлением пролетариата. Мне возражали эс-эры и социал-демократы-меньшевики; в особенности эс-эры доказывали, что я утопист. — Где, — спрашивали меня, — силы пролетариата? Разве мы где-нибудь их видим? На общественной арене их нет. Мы видим либералов, тон задает Милюков. Сейчас может быть широкое демократическое движение, направленное к коренным реформам, и эти коренные реформы будут поддержаны самыми широкими слоями общества. Пролетариат не является такой силой, которая могла бы сейчас выступить, как сила руководящая. Военная стихия, военное движение гораздо более могуче, чем классовое движение пролетариата.

Как было спорить с этими людьми, которые ориентировались уже не на пролетарскую революцию, а на буржуазную реформу? В борьбе с большевиками, в борьбе с пораженцами мы через несколько недель увидели об'единенными и эс-эров и меньшевиков во всей стране. Однако, Якутск отличался той особенностью, что в Якутске не только сохранилась до нашего от'езда в мае 1917 г. об'единенная меньшевистская и большевистская социал-демократическая организация, но что якутские меньшевики должны были по целому ряду вопросов вступить в конфликт с эс-эрами. А после от'езда ссыльной группы из Якутска якутские меньшевики должны были взять на себя роль последовательных выразите-

лей интересов рабочего класса, пришли в столкновение с эс-эрами и должны были *в противоречие с общей меньшевистской линией* защищать власть советов против эс-эров. В этом была своеобразная особенность якутского меньшинства. Так и не наладилось тесного союза эс-эров и меньшевиков в Якутске, как это имело место почти по всей стране.

О революции мы узнали впервые из телеграммы Владимира Гончарука. Телеграмму я получил в Якутске. Когда В. Гончарук уезжал, мы с ним сговорились, что он телеграфирует, если произойдет что-нибудь особенное. Телеграмма была, несмотря на то, что революция уже совершилась, прямо-таки эзоповская. Я не помню ее дословно, но помню две фразы: «Предстоит большая радость, скоро свидитесь с матерью». Это было числа 28 февраля, когда уже создано было временное правительство. Однако в Иркутске сидел ген.-губерн. фон-Пильц, и оный фон-Пильц запрещал признавать революцию, расклеивал об'явления, грозящие печальными последствиями всем, кто будет собираться на собрания, и прочее. Такое об'явление было получено в Якутске числа 2 марта, когда наша группа постановила собрать первое открытое народное собрание. «Печальные последствия» произошли, действительно, через некоторое время, но только не для нас, а для агентов местной царской власти, которые должны были отстраниться. И только 2 марта я получил для Г. И. Петровского от Домны Петровской телеграмму, в которой сообщалось уже прямо о перевороте в Петрограде, об аресте Николая Романова, о присоединении Кронштадта и Москвы [1].

[1] События после Февраля описаны мною в статье в «Пролетарской Революции».

М. М—ский.

Политическая ссылка Якутской области в 1904—1905 годах.

В 1904—1905 годы якутская ссылка, как и вся Россия, переживала революционный под'ем. Тяжелый, гнетущий режим Кутайсова окончился Романовским протестом, многочисленными заявлениями ссыльных о солидарности с ним и убийством конвойного офицера Сикорского. В самом Якутске летом 1904 года политическими ссыльными были устроены две демонстрации. Одна — 21 июня при встрече первой летней партии, другая — 23 августа по поводу проводов романовцев.

Напуганная администрация, от исправника и до губернатора Булатова, старается не ссориться с ссыльными и по возможности смягчает циркуляры Кутайсова. Учащаются отлучки с мест водворения, и администрация вместо того, чтобы, как это было раньше, принуждать товарищей вернуться обратно на место назначения, ограничивается строгими предписаниями, не пытаясь приводить их в исполнение.

Материалы якутского областного управления, сделавшиеся после Февральской революции доступными для изучения, изобилуют чрезвычайно характерной для того времени перепиской губернатора со своими подчиненными. На предложение якутского исправника установить такой порядок, при котором каждому прибывшему из улуса в Якутск политическому ссыльному посылалась бы повестка с предложением в четырехдневный срок оставить Якутск, а в случае невыполнения приказа таких ссыльных арестовывать и высылать под конвоем на место назначения [1], — якутский губернатор Булатов отвечает, что он «не только не признал возможным одобрить такие меры и допустить дальнейшее их исполнение, но должен выразить вам (исправнику) по следующим причинам свое крайнее неудовольствие, во-первых, за бестактность в сношениях ваших с поднадзорными, могущую повести к нежелательным осложнениям... и, наконец, в-третьих, за угрозу поднадзорным принять против них принудительные меры выдворения вроде заключения

[1] Из статьи В. Б. — Якутская политическая ссылка. 1904—1905 г. г. Журнал «По заветам Ильича» № 10—11.

в тюрьму на место водворения, к принятию каковой, крайне суровой и никакими обстоятельствами не вызывающейся, меры нет решительно никаких оснований».

Подобный ответ губернатора был совершенно немыслим в 1903 — 1904 годах до Романовской истории. Напротив, за каждую отлучку администрация применяла самые строгие взыскания и не останавливалась перед арестом и высылкой.

Растерянность администрации дошла до того, что исправник, в виду отсутствия в улусах заработков, предлагал ссыльным обращаться к губернатору с ходатайством об оставлении их в г. Якутске. Когда же ссыльные отказывались возбуждать подобные ходатайства, то исправник сам подавал губернатору рапорты о переводе ссыльных. Губернатор со своей стороны возбуждал такое ходатайство перед генерал - губернатором, а ссыльным об'являлось, что до получения ответа им разрешается жить в Якутске.

Растерянность администрации дезорганизовала надзор за ссыльными, что сделало возможным в течение 1904 и 1905 годов устроить несколько удачных побегов из Якутска и др. мест. В это время бежали: с.-д. М. Лурье (Ю. Ларин), Ив. Теодорович, М. С. Урицкий, А. Гинзбург, М. Я. Вайнштейн, Ив. Ив. Радченко, Л. Канцель и А. Краснянская; с.-р. Крейнерт и др. Побеги обычно происходили на пароходах. В устройстве их большое участие принимали политкаторжане Горинович и шлиссельбуржец М. П. Шебалин, которые в эти годы служили на пароходах Громова. Обычно бежавший сговаривался с товарищем, возвращающимся из ссылки, который и оказывал ему необходимое содействие в дороге.

Интересный побег был Абрама Гинзбурга. Он бежал в начале 1905 года. Ехал он в качестве купца, вместе с возвращающимся из Н.-Колымска тов. Б. М. Вольфсоном. Предварительно были изучены условия проезда через первую станцию, где обычно проверялись паспорта. По нашим сведениям, писарь станции должен был сообщать о всех проезжающих. Из Якутска Вольфсон и Гинзбург, в сопровождении пишущего эти строки, выехали на наемных лошадях. Ямщиком был один из политических ссыльных — крестьянин, не помню сейчас его фамилии. По своему виду, костюму и обхождению с лошадьми трудно было заподозреть в нем политического ссыльного. На станции Гинзбург держался отдельно от нас, изображая купца. Мы хорошо угостили писаря водкой, дали щедро на чай ямщику из Якутска, что было необходимо, чтобы ехать без задержек. Кажется, все было сделано так, чтобы не возбуждать подозрения, и нам казалось, что мы достигли этого. Однако, когда товарищи уехали, и я вернулся, чтобы проститься и ехать обратно, писарь спросил меня: «а этот большой-то из ваших — государственный?». Мне пришлось разубеждать его и снова хорошо выпить с ним. Между нами установились добрые

отношения, чем и можно об'яснить то, что он нарушил приказ начальства и не сообщил о побеге. Товарищи развили небывалую скорость и на 13 день были в Иркутске, а приблизительно в конце апреля якутская администрация узнала о побеге, о чем мы сами поставили ее в известность, так как боялись, что если бы побег открылся позже, то поиски тов. Гинзбурга могли бы повредить товарищам, собиравшимся бежать в течение лета.

Среди побегов летом 1905 года был очень итересный побег двух товарищей из Вилюйска; к сожалению, я не помню их фамилий. Они с большими трудностями дошли пешком почти до Витима и здесь были случайно пойманы стражниками, которые разыскивали кого-то из бежавших в это время из Якутска.

Если я не ошибаюсь, с.-р. Крейнерт пешком прошел из Якутска в Иркутск. Его путешествие продолжалось несколько месяцев. За это время он так огрубел, оброс и оборвался, что производил впечатление бродяги и был совершенно неузнаваем. В Иркутске у него не было никаких явок. Только случайно он встретил на улице тов. Е. Гиршфельд, которая свела его с местной с.-р. организацией и помогла выехать из Иркутска.

Большое впечатление на ссылку произвел манифест 11 августа 1904 года по случаю рождения наследника. В своем манифесте царь давал амнистию только тем ссыльным, которые отличались хорошим поведением. В переводе на простой язык это означало, что амнистии подлежали те, кто не участвовал ни в каких протестах.

Такое разделение на хороших и плохих вызвало резкие протесты со стороны большинства ссыльных. В своих протестах с многочисленными подписями товарищи заявляли администрации, что они и в ссылке, как и на воле, продолжают бороться против самодержавия и отказываются от царской милости. После таких заявлений администрация не пыталась делить ссыльных на «овец и козлищ», и амнистия была применена ко всем одинаково. Срок высылки был сокращен на ⅓, а несовершеннолетние, как мы называли их тогда — «малолетки», были совершенно освобождены от ссылки. По манифесту значительная часть товарищей вернулась на родину.

Интересы ссыльных были всецело связаны с революционной борьбой на родине. Все теоретические и практические споры, происходившие на воле среди революционеров, находили свое отражение и в ссылке. Наибольшие разногласия были между соц.-демократами и соц.-революционерами. Вопросы террористической борьбы, отношения к крестьянству — все это являлось предметом дискуссий среди ссыльных. К этим дискуссиям присоединялись споры по вопросам борьбы в ссылке. Хотя это и не вытекало из идеологии с.-р., но получилось так, что с.-р., во главе со старыми народовольцами, оказались на стороне противников борьбы в ссылке, и только отдельные лица присоединялись к протестам. В противоположность с.-р., соц.-дем., за небольшими исключе-

ниями, признавали эту борьбу. Этот вопрос еще больше раз'единил ссыльных. В особенно острые моменты споры достигали такого напряжения, что многие товарищи как с той, так и с другой стороны прекращали даже всякое личное общение, относясь друг к другу как к врагу.

Среди социал-демократов наметились расхождения по линии большевизма и меньшевизма. Эти разногласия носили в то время теоретический характер и еще не приняли таких резких форм, в какие они вылились впоследствии, и обе группы мирно жили друг с другом.

Помимо дискуссий издавались журналы: «Вестник Ссылки» группой социал-демократов, признающих борьбу в ссылке, и «Летучий Листок» группой противников борьбы, подписывавшейся «группа политических ссыльных». Если память мне не изменяет, во главе этой группы стояли С. Трусевич, Константинов и др. противники борьбы в ссылке.

Группа «Вестника Ссылки» в июле 1904 года разослала по всем колониям Якутской области проспект, в котором так формулировала задачи и программу журнала [1]:

1) Знакомить ссыльных с интересными теоретическими положениями по вопросам, волнующим соц.-демократию; для этого редакция будет помещать в своем органе как перепечатки из с.-д. изданий, так и оригинальные статьи. Что касается перепечаток, то в виду того, что «Вестник Ссылки» не является фракционным изданием, — редакция обещает брать материалы как из «Искры» и других изданий РСДРП, так и из изданий Бунда, П. С. Д. и прочих социально-демократических организаций.

2) Знакомить ссыльных с наиболее интересными актами революционной борьбы в России и в Западной Европе, пользуясь для этого материалами нелегальных изданий, частных писем и т. п.

3) Открыть дискуссию по вопросам борьбы в ссылке. В этом отделе редакция обещает предоставить возможность высказаться всем мнениям — как сторонникам, так и противникам борьбы в ссылке. Кроме того, в этот отдел должны войти статьи и сообщения по вопросам о жизни ссыльных и их потребностях.

«Вестник Ссылки» вышел в числе 6—7 номеров; он издавался в Чурапче [2], в квартире тов. А. Гинзбурга и выходил в виде небольших гектографированных тетрадей размером до полупечатного листа. Редакторами были: Абрам Гинзбург (Г. Наумов), Борис Цетлин (Батурский — ныне умерший), Н. Л. Мещеряков и впоследствии присоединился Моисей Гальперин (Марк Душкан). Редакция выполнила свои обещания и поместила ряд статей по самым разнообразным вопросам. Вот краткий перечень их:

1) По поводу одного процесса (переп. из № 64 «Искры»). 2) Последствия реакции (об убийстве мин. вн. дел Плеве). 3) Медовый

[1] Из статьи А. Кержинца в ж. «Сибирские Огни» № 3.
[2] Селение в 12-ти верстах от Якутска.

месяц русского либерализма. 4) Потуги бессилия (по поводу брошюры «Программа партии соц.-рев.»). 5) Конференция грузинских рев. фракций. 6) VI международный социалистический конгресс в Амстердаме. 7) Резолюции амстердамского конгресса о трестах и всеобщей стачке и лионского конгресса соц. партии Франции о всеобщей стачке. 8) Мытарства первой летней партии политических ссыльных в пути от Александровска до Якутска. 9) Борьба в ссылке. 10) По поводу царского манифеста (о необходимости коллективных протестов против манифеста 11 августа) и еще мн. др. статей.

Журнал «Летучий Листок» являлся органом группы с.-д. — противников борьбы в ссылке. Он проводил мысль, что ссыльные, попавшие в ссылку, должны сохранять свои силы для борьбы на воле и не растрачивать их в борьбе за улучшение своего положения. «Летучий Листок» был против Романовки. По поводу манифеста 11 августа им было выпущено воззвание, в котором говорилось: «Им (нашим товарищам) нет дела до той иезуитской классификации революционеров на лиц «доброго поведения» и «не доброго». Уж слишком наивна эта попытка классификации, чтобы кого-нибудь из нас оскорбить или вынудить к громким заявлениям о своей политической неблагонадежности... Для революционера дело не в том, чтобы убедить правительство в своем персональном неподданстве ему, а в том, чтобы беспрерывно уменьшать количество его подданных» («Искра» № 28)... «Правительство узнает нас только по деятельности среди пролетариата, пробуждение которого ему так страшно, а выступление в смешной роли гоголевских Ив. Ив. Добчинских нам не пристало». С этими, явно деморализующими ссылку, идеями «Вестник Ссылки» вел самую жестокую борьбу.

Ссылка для большинства товарищей являлась своеобразным университетом, храмом науки, в котором самым усиленным образом изучалась теория и практика русского и западно-европейского революционного движения. В ряде кружков под руководством старших товарищей изучали «Капитал» Маркса, читали Каутского, Энгельса, Плеханова, Ленина и др. идеологов социализма. Товарищи не теряли даром своего времени и спешили пополнить свои знания, что им с трудом удавалось делать на воле в атмосфере повседневной борьбы.

Своей борьбой и жизнью ссыльные оказывали большое влияние на местную молодежь. Можно без преувеличения сказать, что ссыльные в Якутской области являлись единственной культурной средой, из которой рекрутировались работники всяких экспедиций, исследований, учителя для частных уроков (в школах ссыльным не разрешалось преподавать) и пр. Среди молодежи существовало несколько нелегальных кружков, в которых ссыльные вели пропаганду. Результаты этой работы ссыльных особенно сильно сказались во время революции 1905 года, когда под влиянием распропагандированных местных граждан и уча-

щихся создалось большое (в якутском масштабе) национальное движение среди забитого якутского туземного населения, а местные приленские крестьяне-ямщики устроили забастовку, требуя от администрации оплаты за содержание ямских лошадей.

Национальное якутское движение вылилось в форме «Союза Якутов», во главе которого стояли В. В. Никифоров, Поликарп Слепцов, Илья Говоров и др.

По делу о забастовке ямщиков привлекались по 1 п. 125 и 3 п. 129 ст. угол. улож. крестьяне Радионов, братья Ивановы, братья Захаренко, Копылов А. Г. и др.

К осени 1905 года ссылка значительно поредела. Новых ссыльных в Якутскую область не присылали, так как Сибирская жел. дорога была занята перевозкой войск на японскую войну, и потому политических ссыльных размещали в Архангельской, Вологодской и др. северных губерниях России. Часть ссыльных за окончанием срока вернулась обратно в Россию, многие бежали, затем осенью перед закрытием навигации по р. Лене администрация перевела в Иркутск тех из ссыльных, срок ссылки которых оканчивался до конца 1905 года.

Быстро развивавшееся революционное движение 1905 года отражалось на настроениях ссыльных. Хотелось скорее бежать из ссылки, чтобы примкнуть к общей борьбе рабочего класса. Под таким настроением проходил весь 1905 год. С нетерпением ждали новых вестей из России и с неослабным вниманием следили за развивающимися событиями. И вот во время такого состояния 22 октября пришла весть о революции в Петербурге.

Революция оказалась неожиданной не только для политических ссыльных, которые имели постоянную переписку с оставшимися на воле товарищами, но и для администрации. Последняя под влиянием начавшихся митингов совершенно растерялась и не знала, что делать.

Митинги вначале устраивались в читальне народной библиотеки, а затем под влиянием требований народа под митинги было отведено помещение общественного собрания. На митингах разбирались самые разнообразные вопросы и велась пропаганда социалистических и революционных идей. Местные жители шли на митинги со своими нуждами общественного и личного характера.

В это время создалось несколько союзов: «Союз Якутов», союз приказчиков, союз мелких торговцев, чиновников и другие.

В якутском движении принимали большое участие тов. Приютов, Сабунаев, Поликарп Слепцов, Ожигов и др.

Митинги не удовлетворяли их организаторов, и было решено захватить городское самоуправление. На одном из митингов была выбрана делегация в думу с требованием передачи власти. Гласные думы, узнав о решении митинга, разошлись до прихода делегации. При вторичном посещении были приняты все меры к тому, чтобы гласные не разошлись. Делегация явилась в думу

и предложила гласным сложить свои полномочия, последние не сопротивлялись и под иронические насмешки собравшейся публики составили акт о своем отказе от своих полномочий.

Предполагалось избрать новых гласных на основе всеобщей подачи голосов, но с наступлением реакции революционное настроение стало ослабевать, и якутянам так и не удалось осуществить намеченного решения. В этом деле принимали участие Приютов, Сабунаев и Оленин.

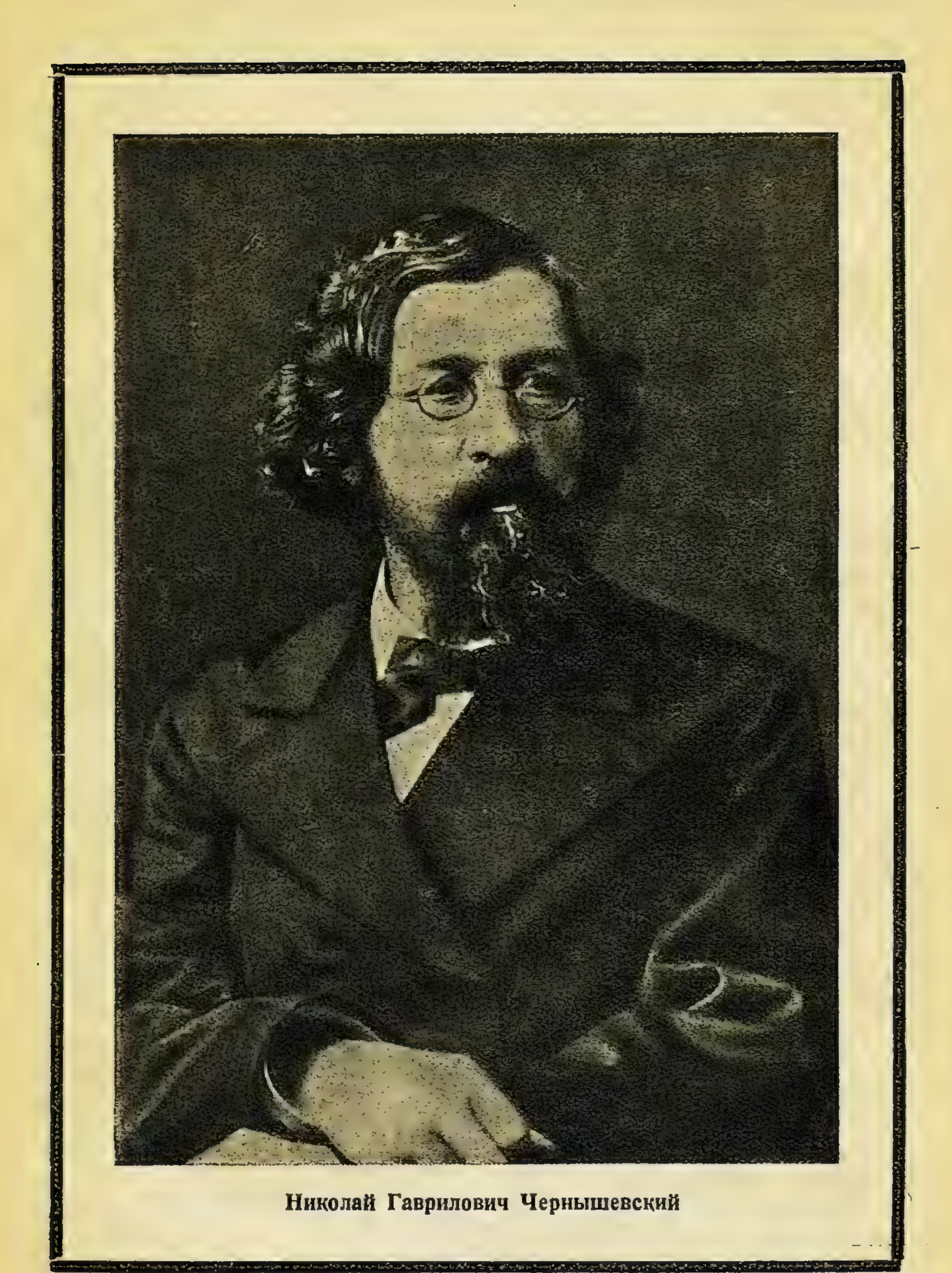
Ссыльные потребовали от губернатора немедленной выдачи прогонных денег для обратного проезда в Россию. В это время в Якутске было свыше 70 человек политических ссыльных, в Якутском округе около 10 человек, в Вилюйске 2, в Олекминске 6 и в Верхоянске и Колымске свыше 10 человек. Для отправки сразу такого большого числа людей требовалась большая сумма. В распоряжении губернатора не было таких денег, а Иркутск, растерявшийся не меньше Якутска, не переводил просимых губернатором средств. Ссыльные, несмотря на все увещания губернатора, требовали немедленной выдачи денег и отправки их в Россию.

В начале ноября, вечером после митинга, большая демонстрация из политссыльных и горожан направилась к дому губернатора, кто-то из толпы бросил камнем в окно и разбил стекло. Это привело в панический ужас губернатора и он на завтра же достал где-то денег и началась отправка политссыльных. За небольшим исключением уехали почти все. В Якутске остались только те, кто пустил крепкие корни на якутской почве.

Пребывание политссыльных не прошло бесследно для Якутска. Выше уже говорилось об образовании в Якутске «Союза Якутов», союза приказчиков и др. В течение 1906 и последующих годов учащаяся молодежь образовывала много подпольных кружков; издавались нелегальные журналы: с.-д. «Маяк», с.-р. «Светоч», «Луч», «Молодые Силы». Руководителями в этих группах вначале были оставшиеся в Якутске политссыльные, но впоследствии выдвинулись местные работники из среды учащихся: Вл. Чепалов, Сергей Головенко, Молотилов, Н. Андреев, Е. Корякин, Лиза Лебедева, сестры М. и Л. Широковы и мн. др.

Во время наступившей реакции жандармерия не могла спокойно смотреть на разрастающееся революционное движение молодежи, и в 1908 году против «маяковцев» Чепалова, Желобцова и Васадзе было возбуждено обвинение по 1 ч. 102 ст. уг. ул. за принадлежность к с.-д. партии. Однако якутский окр. суд не нашел состава преступления в их деятельности, и все были оправданы.

Не так благополучно окончилась история группы «Молодые Силы», которая вела работу среди учащихся фельдшерской школы. В 1909 году эта организация была открыта. По этому делу учитель Андреев и ученица фельдшерской школы Шахурдина были приговорены к году крепости.

Николай Гаврилович Чернышевский

Е. С. Коц.

Чернышевский в Вилюйске.

«Человек — существо экваториального пояса. Он — существо, менее переносливое к холоду, чем лев, орангутан. Менее переносливое к нему, чем самые нежные из экваториальных растений...».

Так писал Чернышевский своей милой Радости, единственной женщине своей жизни, умоляя ее все зимы проводить в южной Италии. Длинные научные трактаты по климатологии неслись через тысячи верст, переплетаясь с мольбами: «...лишь бы климат без снегов и небо было светлое и чистое».

Перо скрипело по бумаге, а за окном расстилалась бескрайная глухая тайга, занесенная снегом.

«Январь в Якутской области неумолим; неделями стоит под 50 и за 50 по Реомюру, ниже 40 не падает. Туманно тогда, небо тускло, солнце медное, с тремя бледно-радужными отсветами сверху, а то еще и с мечевидными лучами от них. Мерцают приполярные призраки сквозь туман в бледно-радужном ободке, — какое-то диво нездешнего мира... Повисит это диво низко над белизнами долов и гор, озер таежных и скованных рек, увидит, что все тут в порядке: нигде на белом кладбище ни шороха — и прочь, никого не обогрев, ничем не порадовав...» [1].

День за днем, месяц за месяцем, год за годом сидит бледный, худощавый человек в очках, склонившись над столом, и только шелест переворачиваемых страниц, скрип пера, да треск разрываемых мелко исписанных листов бумаги нарушает мертвую тишину. Нескончаемы часы одинокого дня и глухой, молчаливой ночи. Утомленная бесплодной работой мысль невольно несется к прошлому.

Быстро пролетели девять лет петербургской жизни, жизни яркой, полновесной, творческой. Пусть протекли они также в тиши кабинета, пусть, как и теперь в тюремной камере, дни и ночи гнулась спина над письменным столом, — то было счастливое время. Мысль работала с интенсивностью необычайной. Гро-

[1] Майнов. — На закате народовольчества. «Былое» 1922 г. № 18.

мадный жизненный и отвлеченный материал перерабатывался в ее совершенном логическом аппарате. Страницы, исписанные ночью, не разрывались наутро, а летели в типографию, чтобы отлиться там в вещие слова и символы, которые подхватывались налету и жадно впитывались молодыми умами. Духовным вождем и просветителем целого поколения чувствовал себя Чернышевский и радостно нес свое бремя.

Писать, чтобы учить, но и писать для того, чтобы обеспечить веселую и привольную жизнь милой Радости. И до утра бегает перо по бумаге.

«Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится... ему не до сна!».

Но Ольга Сократовна не спит. За стеной кабинета шум, веселье, смех, музыка. Молодая, безудержная, яркая, — пусть живет, пусть наслаждается, пусть все восхищаются ею. Он ничего не хочет для себя, он счастлив ее счастьем. И пусть она не думает, что он приносит себя в жертву:

«...я перечитывал его (Некрасова) стихотворения и нашел там кое-что о тебе. Конечно, не стихотворение о жене-щеголихе, муж которой умирает от чахотки, которое ты, если помнишь, приняла было за написанное о нас с тобой...» [1].

Девять лет работы, девять лет горения, надежд, разочарований, девять лет личного счастья. И все оборвалось разом в памятный день — 7 июля 1862 года.

Проницательный ум Ч. давно предвидел катастрофу, давно «предузнал свой жребий». Этот кроткий, застенчивый человек уже в юные годы понимал, какая огромная моральная сила в нем таилась. «Для торжества своих убеждений я нисколько не подорожу жизнью!»,—писал он в «Дневнике» еще в 1848 г. «Если бы только убежден был, что мои убеждения справедливы и восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько...».

Полюбив Ольгу Сократовну, Ч. сказал ей серьезно и просто: «...я не могу жениться уже по одному тому, что не знаю, сколько времени пробуду на свободе. Меня каждый день могут взять. Какая будет тут моя роль? У меня ничего не найдут, но подозрения против меня будут сильные. Что же я буду делать? Сначала буду молчать и молчать. Но наконец, когда ко мне будут приставать долго, это мне надоест, и я выскажу свои мнения прямо и резко. И тогда я едва ли уже выйду из крепости».

Позднее, уже в Петербурге, Ч. снова возвращается к тому же вопросу: «...Дела русского народа плохи. Будь что-нибудь теперь, нам с тобою еще ничего. Но моя репутация увеличивается. Два, три года, и будут считать меня человеком со влиянием...» [2].

[1] Неизданное письмо Н. Г. Чернышевского. «Былое» 1917 г. № 3.
[2] Чернышевский.—«Пролог к прологу».

Занимался ли Ч. нелегальной революционной работой, был ли он действительно автором прокламации «К барским крестьянам», в чем его обвиняли, — ответ на эти вопросы унес он с собой в могилу. Вернее всего, это было. Но Ч. был слишком осторожен, и, конечно, обрушившаяся на него кара постигла его не за эту подпольную деятельность, которой судьи не могли доказать иначе, как подложными документами, а за властное влияние его на всю читающую и мыслящую Россию.

В одной секретной «записке» следственной комиссии, предназначенной для доклада государю, читаем: «...независимо обвинений Чернышевского по распространению пропаганды, комиссия, имея в виду вредное направление литературных статей его, помещенных в журнале «Современник»... признала нужным: подвергнуть статьи строгому разбору и сделать из них общий вывод, чтобы тем определить литературные тенденции Чернышевского.

«Разбор этот сделан и принят в соображение при дальнейшем направлении дела; а между тем для улики Чернышевского в злонамеренных его действиях ожидается из Москвы от состоящего под судом отставного корнета Костомарова показание, с указанием фактов, как против Чернышевского, так и других лиц» [1].

Мы уже знаем, что это были за показания: отвратительный донос и подложные письма, небрежно подделанные под почерк Ч., — улики, созданные для обвинения человека, уже осужденного заранее за свою подцензурную литературную работу. С формально-юридической точки зрения процесс Ч. представлял собою акт вопиющего произвола. Ч. боролся до последней минуты. Понимая истинные причины своего заточения, он все-таки не допускал возможности осуждения при полном отсутствии улик или при наличности улик, так плохо сфабрикованных. Неотразимая логика, блестящий, чисто научный анализ пред'явленных к нему обвинений, гордый, независимый тон его на допросах и в заявлениях, обращенных к комиссии и властям, вплоть до государя, вероятно, вызывали краску стыда даже на щеках его бесстыдных судей и тюремщиков.

Но страх перед этим «опасным» мыслителем и кабинетным ученым решил дело. И, может быть, в этом отношении правительство Александра II проявило большую дальновидность. Добрый и мягкий человек в частной жизни, Ч. был резок и беспощаден со своими политическими и литературными врагами. Он был истинный демократ, этот «разночинец» ненавидел дворян и либералов, встретил манифест об освобождении резкой критикой, полный скептицизма и самых худших ожиданий. И либералы платили ему той же монетой, реакционеры ненавидели его, а демократическая молодежь безгранично верила ему и с трепетом ждала каждого его нового слова.

[1] Мих. Чернышевский. — Пропавшие письма Н. Г. Чернышевского (к характеристика деятельности III отделения). «Былое» 1922 г. № 18.

Вера во всемогущество Ч. накануне его ареста приняла прямо анекдотический характер. Наряду с доносами, вроде статьи «Московских Ведомостей», утверждавшей, что «Щукин рынок подожжен поляками и русскими революционерами, находившимися под командой Ч.», имеется его собственный рассказ о том, как Достоевский ворвался в его квартиру со словами: «Н. Г., ради самого господа, прикажите остановить пожары!» [1].

Бывшие союзники отмахивались от него обеими руками: «Ч—ого я очень, очень люблю,—писал Герцену известный либерал Кавелин,—но такого брульона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видал...».

Наконец, управляющий III отделением получил анонимный донос, предостерегающий правительство от Ч., «этого коновода юношей, хитрого социалиста». «Если не удалите Ч., — говорил автор письма, — быть беде, будет кровь; эти шайки бешеных демагогов — отчаянные головы... Ч. отправьте, куда хотите, но поскорее отнимите у него возможность действовать... Избавьте нас от Ч., ради общего спокойствия».

И правительство избавило дворянскую и реакционную Россию от этого «брульона» и «демагога» и отняло у мыслящей России ее гордость и лучшую надежду.

А Ч. писал тем временем жене из Алексеевского равелина: «...наша с тобою жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, и наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами...». И тут же, в стенах крепости, писал он свой роман «Что делать», создавал знамя, бросал лозунги в жадно ловившую каждое слово своего любимого писателя-мученика толпу молодежи. Цензура пропускала листы романа, зная, что они прошли через III отделение, а последнее отсылало их, не просматривая, в надежде на цензуру. Так, по иронии судьбы, Ч—ому удалось свершить в стенах крепости последний акт своей «бешеной демагогии».

Приговором особого присутствия сената Ч. был осужден на 14 лет каторжных работ в рудниках, с поселением затем навсегда в Сибири. Александр II сократил срок наполовину. Перед отправлением в Сибирь над Ч. была произведена процедура гражданской казни.

«Поздравляем всех различных Катковых, — писал Герцен в «Колоколе»,—над этим врагом вы восторжествовали...».

«Ч. был вами выставлен к позорному столбу на четверть часа, а вы, а Россия, на сколько лет останетесь привязанными к нему?».

«Проклятье вам, проклятье — и, если можно, месть!».

Ч. был отправлен в Нерчинский округ. Здесь он жил сначала в Кадае, в условиях, далеко не блестящих. Через два года жена с младшим сыном, Мишей, проделала тяжелый и трудный путь,

[1] В. Шаганов. — Чернышевский в каторге и ссылке. СПБ. 1907.

чтобы повидаться с мужем. Ей ставились всяческие препятствия в пути, ибо запуганные именем Ч. власти остроумно вообразили, что эта женщина с восьмилетним ребенком затеяла освобождение «преступника». Осенью того же года Ч—ого перевели на Александровский Завод. Это было лучшее время его ссылки. Явилась возможность работы в отдельной комнате, товарищи-ссыльные, каракозовцы и поляки, а главное, надежда на скорое освобождение, на перевод куда-нибудь поближе к Европейской России, где можно было бы снова взяться за работу, встречаться с культурными людьми, соединиться с семьей. В ожидании этого счастливого момента Ч. был не только бодр духом, но весел, общителен, шутлив. Его вечная потребность «просветительства» удовлетворялась разговорами со ссыльными, которых он старался приобщить к своей сокровищнице знаний. Удивительная простота и демократичность, в лучшем смысле этого слова, ясность и чистота души, уменье делать свои мысли доступными совершенно неподготовленным людям — делали Ч. незаменимым товарищем в ссылке. К тому же он обладал исключительным даром рассказывания и импровизации. Чтобы сделать свои идеи понятными и интересными для этой разнообразной аудитории, он любил облекать их в форму романов. Держа в руке чистый лист бумаги, он как бы читал по нему, не останавливаясь и не запинаясь, вполне отделанную повесть. Так создался и известный автобиографический роман Ч. «Пролог к прологу».

Наступило 10 августа 1870 г. — срок окончания каторжных работ и перевода на поселение. Ч. спокойно и радостно готовился к этому моменту. Он снова будет полезен России. Пусть даже ему не разрешат писать статей серьезного содержания. Он будет писать романы, наконец, будет печатать их без подписи, под псевдонимом. Он перестанет быть в тягость родным и снова сможет создать атмосферу веселья и счастья для той, чья улыбка была ему дороже жизни. И он писал жене письма, полные надежд, а в это самое время в тайниках канцелярий строчились другие письма, готовившие ему новую могилу.

Всякое беззаконие должно быть снабжено хоть некоторой юридической приправой. Так было и здесь. Отправить Ч. на поселение, дать ему возможность писать, общаться с людьми, быть может бежать, укрыться за границей и оттуда влиять на умы — на это правительство не могло решиться. Семидесятые годы предвещали расцвет идейных и общественных движений, грозили революционными вспышками, имя Ч. не только не забылось, оно было окружено теперь ореолом мученичества, жертвы за убеждения, оно продолжало, как и в шестидесятые годы, оставаться знаменем для всего, что было лучшего в России.

«Выпьем мы за того,
Кто «Что делать» писал,
За героев его,
За его идеал...»

Разве не трепетали юношеские сердца от этих слов даже много лет спустя, после подлинной смерти Ч—ого?

Значит, надо было решиться и, не останавливаясь даже перед нарушением закона, изолировать Ч. от России. Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков после первого же намека из центра понял, что от него требуется. И вот в столицу понесся доклад:

«...Ч. (и еще некоторые)... со времени прибытия на завод ведут себя хорошо и по благоразумному поведению и безусловной покорности заслуживают облегчения их участи... С своей стороны я нахожу, что в виду важности преступлений, совершенных вышепоименованными арестантами, настоящее хорошее поведение их при ограничении личной свободы тюремным заключением не может служить порукою за их нравственное исправление, потому, в случае обращения этих лиц на поселение, нельзя поручиться, что оные не совершат побега или какого-либо другого преступления...».

12 августа 1870 г. Корсаков послал гр. Шувалову шифрованную телеграмму:

«Срок работ Ч. кончился 10 августа. Закон требует отправить на поселение. По письму вашему № 1385 следует предварительно войти в соглашение. Если будет свободен, отвечать за целость нельзя. Как поступить?».

Изложив во всеподданнейшем докладе все прегрешения Ч., весь вред, могущий произойти от его влияния, сославшись на намерение каракозовцев (указанное и в приговоре над ними) освободить Ч. и на то, что «в Петербурге и других городах делались постоянные сборы денег с целью доставить Ч. средства к побегу из Сибири», Шувалов испросил разрешение внести дело в комитет министров. И мудрые законники из комитета министров пришли к убеждению о необходимости «немедленно приступить к изысканию всех возможных мер к обращению сего преступника, согласно закону, в разряд ссыльно-поселенцев в такой местности и при таких условиях, которые бы устраняли всякие опасения насчет его побега и тем самым сделали бы невозможными новые со стороны молодежи увлечения к его освобождению».

Корсаков прискакал из Иркутска в Петербург и предложил «причислить Ч. на поселение в Вилюйский округ Якутской области и поселить его в самом Вилюйске».

«Изложенные мною меры, — полагал он, — не нарушая закона в отношении Ч., дают надежду полагать, что при точном исполнении их побег для него будет невозможен или, по крайней мере, крайне затруднителен» [1].

Побег из Вилюйска!

«...Туда (в Вилюйск) можно попадать тремя путями: из Якутска, из Олекминска и из села Нахтуйского на Лене... К северу

[1] М. Н. Чернышевский. — Чернышевский в Вилюйске. «Былое» 1924 г. № 25.

от реки Вилюя вплоть до моря леса и тундры. Тянутся они на тысячу верст безлюдными пустынями. Это — охрана понадежнее тюремных стен. К западу тайга вплоть до Енисея. На полторы тысячи верст до города Туруханска — дикая тайга, кое-где прорезанная лишь редкой паутинкой охотничьих тропок... На юге из Вилюйска выводят пути малоезжие — олекминский и нахтуйский, где каждый путник на виду у редких жителей-якутов. Беглецу тут мудрено пробраться. Наконец, к востоку — тайга до самой Лены, т.-е. до города Якутска, а в тайге болота непролазные и среди них прямоезжий тракт один — казенный. В этих болотах когда-то Мышкин бился после своего первого побега при неудачной попытке освобождения Ч. Бился, бился, да так и не выбился: должен был выйти к сухому проходу, где его поджидали спокойнейшим образом, зная, что, если не захочет увязнуть, то быть ему здесь...» [1].

И даже в таком месте, в этом, по выражению Лопатина, «секретном номере, устроенном самой природой», запуганные власти сочли нужным приставить к Ч. охрану, не спускавшую с него глаз днем и ночью. Насколько надо было потерять голову, чтобы представить себе этого кабинетного ученого, так не любившего передвигаться, страшно близорукого, пустившимся в такую авантюру и в очках пробирающимся по безбрежным тундрам и болотам.

Дело о переводе Ч. в Вилюйск велось в полной тайне. Ч. ничего не знал, кроме того, что срок его давно истек и его незаконно держат в тюрьме. Но он все еще ждал... И вот настал долгожданный день. Но этот день «принес такое разочарование, такое обещание тоски и мрака, что нужно было быть Ч—им, чтобы не лишиться рассудка». 2 декабря 1871 г. последовало совершенно секретное предписание о переводе его в Вилюйск, в виду «важности совершенных им преступлений и значения, которым он пользуется в среде сочувствующих ему поклонников».

Та же инструкция [2] предписывала самое бдительное наблюдение за Ч. в пути и на месте, где он должен быть помещен «в том здании, где и раньше его помещались государственные преступники», — проще говоря, в остроге. Надзор над Ч. возлагался на жандармского унтер-офицера и двух урядников, по специальному назначению, и на местного исправника. Правительство не останавливалось перед расходами, лишь бы обезвредить этого «брульона» и «демагога». Дальше инструкция предписывала «наблюдать, чтобы посторонние лица посещали Ч. не иначе, как с разрешения, чтобы в ночное время один из конвойных, по очереди, постоянно наблюдал Ч., не обращая на это его внимания, и чтобы дом в продолжение ночи был заперт».

[1] Майнов.—На закате народовольчества. «Былое», 1922 г., № 18.

[2] NN.—Чернышевский в Вилюйске. «Минувшие Годы». 1908 г. № 3.

Унтер-офицеру предписывалось сопровождать Ч. в прогулках и вообще при отлучках из дому, «но этот надзор он должен устроить незаметно, чтобы не раздражать Ч. и не придавать ему вида арестанта». Вообще же «обходиться с Ч. кротко и вежливо, но в случае явного со стороны его непослушания дозволяется употреблять законные меры для приведения его в повиновение».

Эта инструкция, написанная сухим казенным языком, скрывает в себе столько трусости, лицемерия и наглого беззакония, что может служить в своем роде образцом бюрократического творчества.

Так или иначе, Ч. повезли через леса и тундры на край света, за 700 верст от Якутска. 11 января этот светоч русской научной мысли был сдан, как вещь, под квитанцию вилюйскому исправнику.

По донесениям охраны, Ч. первое время «находился в крайне раздражительном состоянии». Он долго не мог понять причины этой новой кары. Лишь через несколько месяцев он понял, что сделался жертвой произвола III отделения. Вот что доносил об этом осенью 1872 г. унтер-офицер Ижевский, первый и самый худший из всех жандармов, охранявших Ч. за 12 лет вилюйской ссылки, в своем наивном рапорте: [1].

«...с некоторого времени Н. Ч. при разговоре с ним (Ижевским) выражает какие-то непонятные слова, и в это время весь сам трясется, как будто бы подвергнувшись полному умопомешательству, так, например:

1) Н. Ч. говорит, что ему зарезать человека ничего не значит, и это послужит к его же оправданию.

2) Ч. ныне стал сопротивляться тому, чтобы дом, в котором он помещен, был заперт на замок в ночное время... и вынуждает... показать ему письменное приказание, на основании которого дом запирается на ночь.

3) Ч. говорил находящимся при нем урядникам, чтобы... Ижевский делал ему, Ч., при встрече, как начальнику, фронт или отходил от него в сторону.

4) Вообще ныне, замечает... Ижевский, Ч. желает быть каким-то начальником и желает, чтобы все ему повиновались.

5) Во время прогулок Ч. не ходит по прямой дороге, а кидается во все стороны, как умопомешанный.

6) ....

7) Ч. говорит, что ему местное начальство в Вилюйске нипочем и что кроме генерал-губернатора Восточной Сибири никто ничего не может сделать, так что однажды... в 5 ч. утра стал ломать у входных дверей замок железными щипцами и при этом кричал на бывших при нем урядников, как они смели запереть на ночь выходную дверь и кто осмелился приказать им

[1] «Былое». 1924 г. № 25

это сделать, произнося при этом, что не приехал ли сюда государь, или министр, или генерал-губернатор, что урядники осмеливаются запереть дверь во время ночи...».

...в далекой сибирской тайге
Гаснет светоч науки опальной.

«Считаю возможным сказать тебе, мой друг, несколько слов о Вилюйске. Это очень маленький город. В нем нет ни одной лавки... Воздух здесь очень здоровый. Вилюй — большая река; в ней много рыбы; превосходной... Я здесь живу удобно: дом, в котором я помещаюсь, имеет большой зал и пять просторных комнат; все это очень опрятно; совершенно тепло. Почему я расположился так просторно? — Потому что дом стоял пустой, и если бы я не поселился в нем, оставался бы пустым. Это лучший дом в городе, и был бы недурным домом даже и не в таком крошечном городе...».

Город, большой зал, просторные комнаты!.. Как трогательны и наивны эти старания говорить привычными словами культурной жизни об этом затерянном на краю света якутском улусе. Но уже очень скоро пришлось внести осторожные поправки в эту идиллическую картину. Ольга Сократовна написала, что хочет приехать к мужу. В ужасе от одной этой мысли Ч. пишет:

«Для людей из России не с моими привычками здешний климат не хорош. Дело не в морозах... дело в самом климате, в воздухе: он не хорош, кроме как во время сильных морозов. Кругом болота. А земля вечно мерзлая внизу. Все месяцы тепла проходят в том, что она понемножку оттаивает...».

«...а морозы производят здесь действия, вызывающие иной раз даже улыбку. Например, кусок льда, положенный в комнате, очень долго лежит совершенно сухим камнем; и твердость его изумительна: я не поручусь, что нельзя употреблять его вместо кремня для огнива».

«Вилюйск — нечто вроде маленького оазиса среди пустыни, да и сам этот оазис почти ничего не производит. Даже скотоводство в городе ничтожно: кругом города — пески, леса и болота».

«Вилюйск — это по названию город; но в действительности это даже не село, даже не деревня, в русском смысле слова, — это нечто такое пустынное и мелкое, чему подобного в России вовсе нет...».

«...мысль о моей смерти, вовсе не привлекательная для меня, все-таки гораздо менее тяготила бы меня, нежели мысль видеть тебя здесь...».

Каракозовец Шаганов, товарищ Ч. по Александровскому Заводу, посетивший его вместе с П. Ф. Николаевым в Вилюйске через пять месяцев после его поселения, так описывает свои впечатления от этого «оазиса»:

«При приближении к Вилюйску... на земле начинают попадаться налеты песку, и вот прямо из лесу вы буквально упираетесь в какой-то забор. Это и есть город Вилюйск. Проплутавши минут пять между заборами и юртами, вы попадаете на какое-то подобие улицы. Справа церковь, за церковью пустырь, и на конце этого пустыря, над обрывами, ведущими к берегу реки Вилюя, стоит длинная казарма, а за ней — обнесенный частоколом острог».

В Вилюйске не насчитывалось тогда и четырехсот жителей — русских и якутов вместе. Условия жизни были самые первобытные. Даже фальсифицированные любовью факты, сообщаемые в письмах Ч., рисуют достаточно яркую и страшную картину.

Жалкий якутский улус. Несколько домишек вперемежку с якутскими юртами. В маленьких окошечках юрт зимой льдины, летом пузыри. Темный, нищий народ, стоящий на самом низком уровне культуры.

Вот как Майнов, сосланный в Вилюйск через несколько лет после освобождения Ч., описывает земледельческий труд якутов: «Выйдет якут сеять, — захватит с собой турсучек (ведерко) зерна, ходит по пашне, согнувшись, и посыпает зернышки, словно баба курочек кормит. А со жнитвом у этого люда уже прямо комедия: соберутся бабы, мужики, девки, прихватят с собой свои маленькие табуреточки... рассядутся на них и ножичками давай резать по крошечной горсточке...».

Ч. в одном из писем высказывает надежду, что «через несколько времени будут жить и якуты по-человечески. А теперь пока это очень жалкий народ. Я до сих пор не привык равнодушно смотреть на этих несчастных дикарей и стараюсь ходить по таким дорожкам, чтобы не встречались они».

Скотоводство у якутов не в лучшем состоянии, чем земледелие. Удой от трех коров равен двум бутылкам молока. «Мое соперничество в покупке молока, — шутливо пишет Ч., — произвело оскудение этого продукта на здешней бирже. Ищут, ищут молока — нет молока; все куплено и выпито мною».

Единственное занятие местных жителей — это торговля, но ближайший якутский рынок находится в 700 верстах, а сообщение с ним безопасно лишь 3½ месяца в году, да часто и там нельзя достать самых необходимых вещей: тарелки, ножа, ложки. Пользоваться судоходной рекой население не умеет. Все товары и даже с'естные припасы привозятся «из страшной дали, даже рыба с низовьев Лены, из-за тысячи двух или четырех сот верст». «Тот дом, в котором я живу, построен из деревьев, привезенных за 500 верст». Пищей надо запасаться на целый год. Дороговизна необычайная.

«Местный купец, такой богач, что «по всеобщему убеждению, может купить весь город со всем округом... сам ухаживает за своим скотом... и считался бы человеком бедным в каком угодно

русском городе». Питание голодное. Якуты не отучились еще употреблять в пищу сосновую кору. Этой нищенской скудости и убогости материальной культуры соответствует такая же убогость культуры духовной:

«...вся сумма жизни от истоков Лены до океана составляет такую сумму знаний и новостей, которой достанет на полчаса разговора в год...».

В этой-то обстановке первобытной культуры и полного духовного одиночества Ч. предстояло провести 12 долгих лет. Отсутствие материальной культуры не играло для него слишком большой роли. Это был человек изумительно скромный в своих потребностях, настоящий аскет. «Ты помнишь, — писал он жене, — я не только не нуждался никогда в комфортабельной обстановке, я всегда стеснялся и тяготился теми житейскими удобствами, которые необходимы для людей, не снабженных от природы моими телячьими нервами...». «Неудобства здешней жизни ровно ничего не значат для человека, такого равнодушного к житейским пустякам, как я». «Я ни в чем себе не отказываю и живу здесь совершенно хорошо и удобно и даже с комфортом», не уставал он повторять в каждом письме. В устах всякого другого эти слова звучали бы ложью, желанием скрыть истину от близких. Но Ч. был человеком с таким явным преобладанием духа над телом, что ему можно поверить. Правда, в одном он лгал — это относительно своего здоровья, уверяя постоянно, что оно «в самом лучшем состоянии». Но из письма к А. Н. Пыпину мы знаем, что он жестоко страдал от ревматизма и был болен цынгой и зобом. Причиной этих болезней были, конечно, именно те самые «комфортабельные» условия, которые он так расписывал в своих письмах, главным же образом, сырость и скудное питание. Но, скрывая правду, Ч. напрягал все силы, чтобы бороться с недугами, разрушавшими его организм. Он читал и изучал медицинские книги и много думал о болезнях вообще и об их лечении. В отступление от своих привычек и склонностей, он отрывался от книги и шел побродить по опушке леса, в сопровождении своего телохранителя.

Ч. был до смешного домоседом. «Но я ведь не только сижу, голубочка, я тоже и лежу», говорит Волгин жене в романе «Пролог к прологу». «Никогда не мог терпеть прогуливаться, — пишет Ч. — И теперь терпеть не могу». Несмотря на это, «из гигиенических соображений» он принуждает себя выходить на воздух даже зимой, в сильные морозы. А летом он отваживается купаться в реке. Впрочем, только если вода настолько теплая, что в ней можно пробыть очень долго. Тогда он купается «с утра до ночи». «Что-ж, думаю: полезно. И упражняюсь, хоть и скучно». Плавать он, конечно, не умеет. Он не умеет «делать ничего, чего может не уметь делать человек», и даже не постигает, «как могут другие обладать таким мудреным искусством». Этот светлый ум, этот энциклопедист, для которого

почти одинаково доступны все отрасли знания, — как ребенок останавливается перед простыми житейскими навыками и умениями. «В детстве я не мог выучиться ни одному из ребяческих искусств...». «Рубить деревья на дрова я боюсь: я не умею взять топор в руки...». К тому же он близорук «до смешной, редкой степени близорукости...». «Ребенок лет четырех, я не знал в лицо тех из детей, игравших со мной, с которыми не приходилось брать в игре друг друга за руку. — Полтора аршина расстояния... и я уже не различал и тогда черты человека, на которого смотрел». Эта физическая близорукость, совмещавшаяся с большой внутренней дальнозоркостью, делала Ч. крайне ненаблюдательным ко всему, что его окружало. Немало способствовала тому же и постоянная сосредоточенность мысли, отрешенность от всего житейского. Природа не вызывала в нем сочувственных эмоций. Среди лесов и полей он чувствовал себя чуждым пришельцем. Типичный книжник, он сам говорит: «я до сих пор плохо различаю лиственницу от сосны, хоть знаю из книг, чем разнится одна из этих пород дерева от другой». А через 5 лет, уже к концу ссылки, он пишет: «Смех, до какой степени я сумел оставаться всегда незнающим ничего из самых общеизвестных сведений житейского быта... лишь года три тому назад я научился различать лиственницу от хвойных деревьев; и только прошлым летом научился различать ель от сосны... разницы между иглами и шишками я до той поры умудрялся не замечать!».

А ведь в Вилюйске были не только жестокие морозы, были и весны, природа просыпалась и расцветала, река освобождалась от льда. Насколько легче было бы Ч. переносить свою одинокую ссылку, если бы, помимо чисто интеллектуальных эмоций, он был способен и к эмоциям другого рода, если бы он умел радоваться небу, солнцу, движению...

«Все читаю, читаю и читаю. Только в этом и проходит все время», пишет он. «Принуждаю себя бродить по целому часу раза три в день, размышляя о том: А не довольно ли уже? Не лучше ли вернуться домой, взять книгу, лечь и читать?». «...я способен перечитывать по двадцати раз одну и ту же книгу. Благодаря тому, недостатка в чтении у меня нет. А это и все, что мне нужно, чтобы время у меня шло приятно».

Чувствуя себя скучающим гостем среди природы, Ч. старался осмыслить свои вынужденные прогулки. Одно время он не на шутку увлекся собиранием грибов и сам додумался до сушки их. Потом он стал трогательно собирать цветы для своей милой Радости, высушивал их и отправлял в далекую Россию. Было у него еще одно, совсем уже осмысленное занятие — мелиорация почвы. Недалеко от его дома находилась сырая низменность, прорезанная ручейками. И вот что он делал: «беру щепку и прилагаю свои познания в гидростатике к расчистке

этих ручейков... не подумай, что я только смеюсь: нет... я осушил несколько десятков квадратных сажен... моими достопочтенными трудами». «...Не только дети, но и взрослые недоумевали сначала, понявши, стали дивиться и хвалить». Одна знакомая старуха как-то спросила его, почему он копает колом. Ч. ответил ей: «Если буду копать железной лопатой, то скоро прокопаю — и не будет у меня больше такой работы. Жить же мне здесь долго... И прокопал ведь... колом... Больше половины озера воды ушло...» [1]. Якуты, очень любившие Ч., впоследствии называли эти осушенные им места «Николиными».

Так текла жизнь Ч. вне стен его тюрьмы. Внутри же нее была более привычная, более близкая ему атмосфера: книги, книги и книги. Он получал их много, все больше научного содержания. Они давали материал, над которым могла работать его неугомонная мысль. Но был ли Ч. счастлив в эти долгие часы одинокого размышления? Был ли он счастлив, поверяя бумаге свои заветные идеи?

Если бы Ч. был типом кабинетного ученого, и только, на этот вопрос можно было бы ответить утвердительно. Но его совершенный мыслительный аппарат сочетался с слишком высоким строением души. Ч. был социалистом и жил в России — этим все сказано. Человек неумолимой логики и твердости убеждений, он не остановился бы ни перед чем, если бы пришел к заключению, что для русского народа нет иного выхода, кроме революции, хотя бы шансы на успех были минимальны. А к такому выводу он должен был прийти и, повидимому, пришел (о чем свидетельствуют и некоторые намеки в романе «Пролог к прологу»). Есть много оснований думать, что в начале 60-х годов Ч. вступил на поприще нелегальной революционной деятельности и что прокламация «К барским крестьянам», если не вся, то частью была написана им. Таким образом, жизнь Ч. до ссылки, хотя и была с виду тихой кабинетной жизнью, на деле была жизнью непрерывной борьбы и кипучей деятельности.

Что имел он теперь? Россия, крестьяне, молодежь — все это отошло далеко. Сугробы снега и дикая тайга залегли между ним и теми, для кого «сладко было умереть, а не горько»... Что оставалось ему еще, кроме надежды когда-нибудь вернуться в Россию и быть полезным народу? Мысль, перо, книги. Но мысль работала теперь впустую, она не имела того живого источника, из которого раньше богато черпала свой материал. И ей не для кого было работать. Оставалась чисто теоретическая, отвлеченная работа мысли. Она, конечно, скрашивала одинокую жизнь, но и только. Столь же бесплодна была и работа пера. Запрещение печататься, вечная боязнь внезапных обысков тяжелым гнетом ложились на каждое написанное слово.

[1] «Сибирские Вести» (Ирк., 17/X 1912 г., № 51).—Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. Вып. II, стр. XLI.

«Писал он все, батюшка-то мой, — рассказывала старуха, к которой Ч. захаживал в Вилюйске, — пишет, пишет, бывало, а потом начнет жечь: все сожгет. Спрашиваю я его: «зачем это ты, Гаврильевич, пишешь-то, а потом жгешь?». А он только посмотрит на меня, губами поведет, глаза печальные, да так ничего и не скажет...» [1].

Ч. считал себя не ученым, а «мыслителем». Ученые в его глазах были не больше, чем школьными педантами, нагруженными хламом всяких нужных и ненужных знаний. Умение логически мыслить ставил он выше всяких специальных знаний и не уставал твердить об этом своим сыновьям. Ум его, склонный к широким философским обобщениям, стремился к универсальности. В какой области совершала свою логическую работу его мысль, ему было теперь уже почти безразлично. «Для людей, столько работавших головой, как я, уж почти все равно, к какой отрасли науки относится книга... различные отрасли знания почти все одинаково интересны для них». И действительно, в его письмах к семье мы находим длинные трактаты по истории, философии, математике, медицине, климатологии, психологии (теория сновидений) и другим вопросам. Он просит посылать ему только такие ученые книги — новые или старые, безразлично, — которые имеют серьезную важность в науке. «Частности» постепенно перестают его занимать. То, что раньше занимало мысль, становится скучной мелочью. Странно сказать, но та же участь постигает и когда-то так живо волновавший его крестьянский вопрос. По поводу полученной им книги «История землевладения русских крестьян» он пишет: «Дружок мой, надоело мне все подобное» и в другом месте: «...многое из того, чем интересовался я прежде, перестало казаться мне заслуживающим внимания» [2].

Утвердившись раз навсегда в своем мировоззрении, выработав свое отношение к основным вопросам мироздания и социальной жизни, Ч. враждебно встречает все, что врывается в стройную систему его идей. Все свои невысказанные обиды, все свое раздражение за бесплодно гибнущую жизнь он разряжает в этой единственно доступной для него форме — злой и резкой критике против новых авторитетов научной мысли. Только старые корифеи мысли существуют для него: Ньютон, Лаплас, Ламарк, Фейербах. Остальных он уничтожает, не выбирая выражений. Не говоря о таких, как Мальтус, Прудон, он не щадит и Дарвина, страстно обрушиваясь на его принцип борьбы за существование,

[1] «Сибирские Вести» (Ирк., 17/X 1912 г. № 51). — Чернышевский в Сибири. Вып. II, стр. XLI.

[2] В этих и в еще более резких словах Ч., которых мы здесь не приводим, слышится также отголосок столь характерного для него глубоко скептического отношения к крестьянской реформе. Возможно, что им руководили отчасти и соображения конспирации. Но в общем эти слова вполне гармонируют с его умонастроениями времени вилюйской ссылки.

он молча проходит мимо Маркса, «Капитал» которого был прислан ему среди других книг [1]. Последнее поражает особенно больно. Автор примечаний к Миллю, блестящий экономист, отмеченный и оцененный Марксом, он игнорирует книгу, в которой должен был бы вычитать так много собственных своих мыслей, в которой должен был увидеть краеугольный камень будущих социальных движений.

Так, вращаясь в мире знаний и идей, усвоенных и переработанных им в прошлые счастливые годы жизни, постепенно угасал «в далекой сибирской тайге светоч русской науки опальной».

Полутюремное существование не лишало Ч. права общения с вилюйскими обывателями. Но что думали они об этом странном человеке в очках, задумчиво бродившем среди них в сопровождении жандарма? И что могли они ему дать? «Все они, в сущности, добрые люди, но видеться с ними, конечно,—чем реже, тем приятней... Ты знаешь, мой друг, я всегда предпочитал книги людям, даже и таким, которые позанимательнее здешних». Не о чем ему говорить с ними. С легкой иронией он пишет: «...но когда заходишь к кому очень изредка, то оказывается, что в долгий промежуток набралось достаточно материалов для разговора: зимний мороз сменился весенним теплом, мой приятель купил себе новое пальто или износил сапоги, а если у него есть дети, то они заметно подросли. Таким образом, есть о чем поговорить. Для человека не с такими привычками, как у меня, этого было бы мало. Но для меня и это вовсе лишнее. Поддерживаю знакомство исключительно потому, что не хорошо же было бы вовсе никогда не видаться с людьми, в сущности добрыми и пылающими усердием к приятельству со мной». Затем он расценивает себя с их точки зрения: «Не о чем с ними говорить: ни о чем умном — ни о картах, ни о канцелярских делах, ни о водке не умеет он говорить. Скучно с ним».

В другой раз он рассказывает: «Двух здешних священников я уже приучил довольствоваться тем, чтобы обмениваться со мной дружескими чувствами при встрече на улице. Кроме них, есть здесь два чиновника; этих еще не довел я до такого обуздания их дружбы ко мне. Но уже и они довольно мало в тягость мне».

Кроме этой местной аристократии, — русских священников и чиновников,—в Вилюйске имеется простонародье, состоящее из якутов и об'якутившихся русских. «Якуты — неопрятные дикари». «Люди ли это, или хуже забитых собак животные, которым нет имени?.. Жалкие нищие дикари, каких нет жалче на свете: дикари, подобные готтентотам, хуже негров Центральной Африки. И русские среди них стали очень похожи на них». «Первобытные люди, якуты, переделали и русских здешних

[1] Ч. признавал ценность трудов Маркса лишь в их исторической части. (См. Ляцкий. Вступит. статья к кн. «Ч. в Сибири». Вып. III). Поэтому относить его молчание исключительно за счет соображений конспирации вряд ли было бы правильно.

простолюдинов в людей тоже первобытных». «Нет возможности иметь с этими русскими никакого разговора...». «Для меня это все равно. Я не имею надобности ни разговаривать с людьми, ни видеть их: книга заменяет их мне. Но другим жить здесь было бы невыносимо».

Если бы мы ограничились только приведенными выписками из писем Ч., — а их можно было бы умножить до бесконечности,—то у нас составилось бы представление о нем, как о человеке сухом, нелюдимом, всегда готовом принести живого человека в жертву мертвой книге. К счастью, однако, как сама переписка Ч., так и некоторые другие источники рисуют нам его образ в несколько ином освещении.

Верно, конечно, что и до ссылки Ч. мало замечал окружавших его людей, хотя многие из них могли представлять для него большой интерес. Верно, что он не пытался ближе заглянуть в их внутренний мир, вечно поглощенный своей огромной интеллектуальной и общественной работой. Отношения с людьми были у него чаще всего деловые. Однолюб по природе, всю силу своей привязанности он отдал единственной в мире женщине — своей жене. Кроме нее он любил Добролюбова, «как сына». Любил еще Некрасова, Пыпина. Больше, пожалуй, сильных привязанностей у него и не было. Тем более равнодушен был он к посторонним людям. Но что за странное противоречие? Вот он попадает на Александровский Завод — и нет для ссыльных лучшего товарища, более интересного собеседника и рассказчика, более авторитетного судьи, чем он. И это не только для равных ему, интеллигентов, но и для всей массы ссыльных.

А вот некоторые штрихи из его вилюйской жизни: «...даю мудрые советы относительно земледелия, ухода за лошадьми, я, не умеющий отличить соху от плуга, старую лошадь от жеребенка; и все-таки советы мои действительно мудры. Спрашивают, положим: — Отчего это лошадь стала слаба? Я отвечаю: — Должно быть она не кормлена?—Да, уже пять дней не кормлена.—Я в свою очередь спрашиваю:—Почему же так?—Потому что хозяин собирается ехать на ней в дорогу. На сытой лошади нельзя ехать: она не выдержит дороги. — Я пускаюсь толковать, что не мешает, однако же, давать корм лошади. И все здесь так». Или еще: городские жители имеют обыкновение отдавать свой скот на прокорм внегородским якутам. По самому простому расчету — сделка для последних явно убыточная, возможная только при полном отсутствии элементарной сообразительности. «Я об'ясняю.—Мои собеседники изумляются,—это не приходило им в голову: «А правда, ему большой убыток!».

Книги, которые в изобилии получал Ч., он очень охотно раздавал вилюйским обывателям. Разносил он книги тотчас же после свежей получки и на вопрос, почему так мало оставляет себе,— лукаво улыбался и говорил: «А вы не поняли: расчет! Ведь, я обжора: накинусь, сразу и поглощу!».

Вот какую характеристику дает Ч. вилюйский исправник Жуков: «Н. Г. в Вилюйске все знали, особенно якуты, которые его любили и уважали, потому что он нисколько не стеснялся заходить в самые бедные юрты, лечил больных ребятишек простыми средствами, давал всевозможные советы взрослым; и вообще Ч. слыл добрым и справедливым человеком, а потому нередко к нему обращались в качестве третейского судьи: бывало, что Ч. постановил при разбирательстве дела, то беспрекословно и принималось» [1].

Вполне совпадает с этой характеристикой и рассказ жандарма Щепина [2]: «Смешной был старик, но добр бесконечно, всем готов был помочь, особенно в болезни. К Ч. часто приезжали якуты. Любили они его. Приедут, бывало, и спросят: — Есть Никола? — Ч. сейчас ставит им самовар, поит их чаем. По-якутски сам не говорил ни слова. Но урядники-якуты переводили ему».

В самом деле, мог ли Ч., со своей детски-чистой простотой души, со своим ясным «рассудительным» и «основательным» умом, попав в такую первобытную обстановку, оставаться в роли равнодушного зрителя? Мог ли он, этот «просветитель», не учить людей, не понимавших самым элементарных вещей? Мог ли он не лечить их телесных недугов в этом заброшенном улусе, лишенном медицинской помощи, где ближайший врач находился в 700-х верстах, а местный эскулап один был «хуже плохого фельдшера», а другой, сменивший его, — «вовсе идиот, бедняжка...».

«Бывало, если кто заболеет, — рассказывает жандарм Щепин, — случится ли это днем или ночью, хотя бы сам он был болен, летит, расспросит, поможет. Доктор, бывало, постоянно советовался с Ч. о больных и болезнях» [3].

«Как-то заболела жена исправника Жукова, которая была в большой дружбе с Ч. Женщина задыхалась. Внешних признаков болезни никаких не было. Доктор позвал на консилиум фельдшера и Ч. Доктор говорит: — Саркома. — Неправда, несогласен. Это лишь глубокий подкожный нарыв, — возражает Ч. Спорили, спорили; Ч. и говорит уже у постели умирающей женщины: — Режь! — Это было сказано так серьезно, повелительно, что я один только раз в жизни и видел его таким. Наконец, Ч. видимо рассердился на доктора и уже почти кричит: — Режь вот так!—показывает пальцем,—я отвечаю за последствия...» [4]. Диагноз Ч. оказался верным, и женщина была спасена.

Просветитель, врач, судья — этим еще не исчерпывался весь Ч. И здесь, в Вилюйске, он не изменил своей привычной роли моралиста и проповедника. Только аудитория значительно сузи-

[1] М. Овчинников. — Из жизни Н. Г. Чернышевского. «Сибирский Архив». 1912 г. № 4.

[2] В. Короленко. — Случайные заметки. Из воспоминаний о Чернышевском. «Русское Богатство». 1905 г. № 6.

[3] То же

[4] М. Овчинников — Из жизни Н. Г. Чернышевского. «Сибирский Архив», 1912 г. № 4.

лась. Вот он знакомится с местным исправником и, пользуясь сократическим методом рассуждения, доказывает ему, что он взяточник. Раньше и смотреть на него не хотел: «Вы не человек, а чиновник». А теперь: «Я буду с вами говорить, как с человеком, а не как с чиновником» — и прежней иронии в глазах я уже не видел. А потом и дал же он мне нагоняй. Но я, представьте, не мог на него сердиться...». «К людям Ч. относился в одно и то же время и сурово и снисходительно... Недаром якуты говорили: — Хорошо было бы, если бы царский преступник был у нас попом или доктором» [1].

«Когда Ч. придет к кому в гости и увидит на столе бутылку водки или карты, тотчас скажет: «А! Это у вас водка?», или: «А! Это у вас карты? Прощайте, прощайте!». И уйдет тотчас домой» [2].

Жена помощника исправника, в доме которого Ч. бывал, сболтнула ему невзначай, что надула якутку при каком-то хозяйственном расчете. Ч. выслушал ее, помолчал немного и, сказав: «Так вот вы как», надел шапку и ушел из гостеприимного дома, чтоб больше в него никогда не заглядывать [3].

На простолюдинов особенно действовала честность Ч. в денежных расчетах. Они так привыкли надувать друг друга, что человек, который не только платил им за все наличными, но еще и давал им сверх запрошенной цены, если они продавали себе в убыток, должен был казаться им каким-то праведником и святым. И в самом деле, слава о Ч., как о справедливом человеке была велика. «Каждый якут, приезжавший из отдаленных улусов, считал своей обязанностью посмотреть Н. Г. Они видели в нем нравственную и умственную силу, но никак не могли понять, за что он сослан».

Не удивительны после этого постоянные сообщения Ч. в письмах, что все местные жители к нему очень доброжелательны, что он всегда имеет все, что ему нужно, что с ним охотно делятся запасами, оказывают ему всякие услуги.

В будничные заботы Ч. о телах и душах этих жалких темных людей, заброшенных на край света, врывались иногда яркие моменты. Так, он натолкнулся однажды на случай вопиющей административной несправедливости в отношении семьи старообрядцев Чистоплюевых, невинно сосланных в Сибирь. «С редким умением докапываться до истины из ответов темных и забитых людей Ч. вывел на свет божий одно из прискорбнейших дел административной практики». Несколько месяцев посвятил он на расспросы Екатерины Чистоплюевой и затем изложил обстоятельства суда и ссылки Чистоплюевых в особой записке, которую представил властям вместе с просьбой о помиловании на имя государя. «Эта записка представляет собою одно из замечательнейших произведений Ч., как по анализу фактов, так и

[1] То же.
[2] В. Короленко. — Случайные заметки. «Русск. Богатство». 1905 г. № 6.
[3] «Сибирские Вести». Ирк., 17/X 1912 г. № 51.

по силе чувства, сообщающего ей интуицию художественного произведения...» [1]. Практических результатов заступничество Ч., конечно, не имело.

Кроме вилюйских обывателей, и гораздо больше, чем с ними, Ч. приходилось иметь дело с приставленными к нему «наблюдателями». При его характере было бы странно ожидать, чтобы к этим людям, хотя бы и мучившим его своим соглядатайством, он относился с постоянным озлоблением или раздражением. Если не считать некоторых особенно грубых и наглых жандармов, вроде Ижевского или Бродникова (1882 г.), с которыми Ч. совершенно не разговаривал, то к остальным он относился со своей обычной мягкостью и задушевной простотой. Сменялись жандармы погодно, т. к. климат и условия вилюйской жизни считались для них слишком тяжелыми. Некоторые из них горячо привязывались к Ч. и старались, как могли, облегчить его положение. Но далеко не всегда это было в их власти.

Каждого из них Ч. стремился научить чтению, письму и счету. В 1883 г. Короленко столкнулся на Лене с одним жандармом, который поразил его оборотами речи и начитанностью. Оказалось, что он был в течение года приставлен к Ч.

Надзор, стеснявший каждое движение Ч., был ему тягостен не столько за себя, сколько за своего тюремщика. Куда бы он ни зашел, он знал, что жандарм должен издали следить за ним и дожидаться, пока он выйдет. Это отравляло ему всякое удовольствие. «Что его, бедного, заставлять дожидаться... Нет, уж лучше прощайте», говорил он и уходил [2].

Темные дикари-якуты, чиновники-взяточники, грубые жандармы — все подпадали под обаяние личности Ч. И власти сразу почуяли это: «Ч. обладал способностью располагать в свою пользу лиц, приставленных к нему для наблюдения», читаем в одной из инструкций. Эта «способность» значительно ухудшала положение Ч., т. к. все лица, на которых был возложен надзор, должны были одновременно надзирать и друг за другом и доносить друг на друга, что уменьшало возможность поблажек. Впрочем, несмотря на эту систему круговой поруки, Ч. в общем не жаловался на своих тюремщиков, напротив: «Если случается мне какая-нибудь надобность в чем-нибудь,—писал он,—меня снабжают всем, о чем я прошу. И делают это очень охотно, так что нельзя мне не быть искренно признательну за прекрасные, совершенно добрые отношения здешних должностных людей ко мне... Люди очень добрые, очень добрые и хорошие люди, здешние должностные лица».

Бывали, правда, очень тяжелые моменты, всегда в связи с слухами о затеваемом освобождении Ч. Особенно усилен был надзор после неудачной попытки Мышкина в 1875 г. Наблюдение было доведено до абсолютной изоляции Ч. в пределах тюрем-

[1] Е. А. Ляцкий. — Вступительная статья к переписке Ч. — Чернышевский в Сибири. СПБ. 1913 г. Вып. III.
[2] Короленко. — Отошедшие.

ного частокола под присмотром солдатской команды из семи человек. Когда власти перегибали палку, Ч. из гордости сам лишал себя пользования теми или другими льготами. Так, после истории с Мышкиным, в которой он не был виноват ни душой, ни телом, раздраженный нелепой жестокостью применяемых к нему мер, он сам решил прервать всякие сношения с вилюйскими обывателями. По приезде нового, более человечного исправника, он прекратил свое затворничество. Аналогичная история повторилась в 1878 г., когда власти обратили внимание на слишком пространные письма Ч. Губернатор напомнил исправнику, что «на основании правил, Ч. имеет право в письмах своих к родным лишь извещать о своем положении в приличных формах и выражениях, не касаясь рассказов о предметах посторонних». В ответ на это Ч. заявил, что может перестать писать вовсе и действительно не писал семье более полугода.

К концу ссылки (79 — 83 г. г.) отношение администрации к Ч. изменилось к лучшему. Дело дошло даже до того, что ему отремонтировали «квартиру», оклеили стены обоями, обтянули потолок бязью. Эта любезность обошлась казне в 40 р. 88 коп. [1]. Но при всей «любезности» Ч. продолжали беречь очень строго. Были, впрочем, для этого и кое-какие основания.

За 12 лет вилюйской ссылки власти получили целый ряд сообщений о намерении тех или других лиц освободить Ч. Первое из них относится к 1872 г., когда исправнику предложили арестовать швейцарца Бенгара, если он появится в окрестностях Вилюйска. Второе касается вполне реальной попытки Германа Лопатина, взбаламутившей надолго спокойствие сибирских властей. За границей Лопатин, лично не знавший Ч., часто беседовал о нем с Марксом. Маркс не раз говорил ему, что «из всех современных экономистов Ч. представляет единственного действительно оригинального мыслителя, что его сочинения полны оригинальной силы и глубины мысли... что русские должны стыдиться, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем, что политическая смерть Ч. есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы». Эти суждения, наряду с отзывами о личности Ч. лиц, близко знавших его и никогда не могших говорить о нем без глубокого душевного волнения, зажгли в сердце Лопатина жгучее желание вернуть России этого человека, «по справедливости принадлежащего к пантеону русской славы». «Клянусь, — продолжает Лопатин свои признания в замечательном письме к ген.-губ. Вост. Сибири Синельникову, — что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами» [2].

Не зная даже точно, где находится Ч. (это было во время перевода его в Вилюйск), Лопатин поехал в Иркутск, но здесь, благодаря целому ряду промахов и нескромной болтовне загра-

[1] NN.—Чернышевский в Вилюйске. «Минувшие годы». 1908 г. № 3.

[2] Г. А. Лопатин. — Автобиография. Показания. Статья. Собр. А. А. Шилов. Истор. рев. библ. Гос. Изд. Петр. 1921.

ничного товарища, был арестован, бежал из острога, был пойман, выпущен под надзор, снова, с опасностью для жизни, бежал из Иркутска, был пойман в Томске и в третий раз бежал из иркутского окружного суда. Хотя он не сознавался до последнего ареста, что целью его приезда было освобождение Ч., но вся Сибирь была полна слухов об этом. При каждом новом его побеге власти становились на ноги, и петля туже затягивалась на шее Ч.

В 1873 г. Синельников получил длинное анонимное письмо, в котором раскаявшийся автор рассказывал о новом заговоре для освобождения Ч. «Ч., — писал он, — своей плачевной судьбой давно возбуждал сочувствие в русской эмиграционной молодежи за границей, и в особенности в среде членов интернационального общества рабочих и главы их, Карла Маркса... Мысль освободить Ч. постоянно находила себе горячих поклонников между людьми этой корпорации. Известный Нечаев, в бытность свою в Швейцарии, делал отважные предложения в этом смысле, но его проекты, как человека слишком экзальтированного, не были приняты, и решили действовать путем медленным, но зато более верным. Устроить это дело взяли на себя эмигранты Утин и Бакунин». Дальше рассказывалось, что заговорщики снеслись с Лопатиным, который приготовил для них помещение в Вилюйске, куда они и добрались. «С Ч. мы имели постоянные сношения посредством микроскопических шифрованных депеш», которые он поднимал незаметно во время прогулок. «Долго Ч. не соглашался с нашим планом, но наконец уступил. Вот этот план. Когда установится санный путь... зажечь город с четырех концов(!) и, воспользовавшись общей суматохой, вывести Ч... и скрыть его в лесу, где приготовлена землянка». «Для приведения в исполнение этого плана у них имеется запас воспламеняющегося химического состава, шесть револьверов, склянки с разными ядами и пр., и пр.» [1].

Этот явно лживый и глупый донос вызвал целый переполох. Полетели телеграммы в Вилюйск и за границу. Наконец, в Вилюйск был командирован полковник Купенков, который произвел у Ч. обыск и имел с ним беседу, изложенную им в рапорте. Купенков указал Ч., что «те, которые считают себя его друзьями, вредят ему, делая попытки к освобождению его из Сибири». На это Ч. ответил: «Я их друзьями не считаю и никогда никого об этом не просил. Согласитесь, что вы никогда не забудете фамилий Пушкина, Гоголя и Лермонтова; так современная молодежь будет помнить мою фамилию, хотя я этого не ищу, потому что я также передовой человек в русской литературе...». Далее Ч. сказал, что «если бы ему предложили бежать, то он не согласится на это из простого благоразумия, ибо скрываться не умеет и не желает замерзнуть или утонуть в окрестностях Вилюйска; но, разумеется, если бы ему предстояла возможность уехать из

[1] М. Н. Чернышевский. — Чернышевский в Вилюйске. «Былое». 1924 г. № 25.

места ссылки с теми же удобствами, с какими он был доставлен, то он не прочь воспользоваться услугой...». К изложенному Купенков считает нужным добавить, что, по его мнению, «побег Ч. из Вилюйска почти немыслим... Какой бы путь для побега он ни избрал... он одинаково затруднителен и не представляет возможности скрываться долго человеку, не знающему якутского языка и привыкшему к употреблению хлеба» [1].

Несмотря на это и несмотря на категорические заявления Ч. в письмах к жене, что он «не уедет отсюда никаким другим способом, как тот, которым приехал» [2], попытки освобождения Ч. не прекратились.

В письме к Синельникову Лопатин писал: «Едва ли вероятно, чтобы нашелся еще другой такой же сумасброд, который после всех неудач... решился бы пуститься вновь на такое рискованное и безнадежное дело». Однако, «сумасброд» нашелся.

12 июля 1875 г. к вилюйскому исправнику явился поручик корпуса жандармов Мещеринов и, пред'явив документы, потребовал выдачи Ч., переведенного, якобы, в Благовещенск. Исправник сразу сообразил, что дело неладно: прибыл Мещеринов без конвоя, без подорожной, в бумагах не сказано «государственного преступника», имеется чуждое официальному стилю слово «посаженного», вместо «находящегося в заключении», от губернатора из Якутска нет ничего [3]. Выдать Ч. он отказался и к свиданию с ним Мещеринова не допустил. Так снова ряд практических промахов погубил всю романтическую затею. Мышкин (ибо это был он) выразил желание ехать в Якутск за предписанием. К нему были «любезно» приставлены два проводника-казака. На полпути от Якутска он дал по ним четыре выстрела и скрылся, но, едва не увязнув в болотах, должен был выйти на дорогу и здесь был пойман. Ч., отрекавшийся от непрошенных друзей, отягчавших его участь, горько плакал об их загубленных жизнях.

Так уходил год за годом, не принося перемен. Все так же сутулилась спина одинокого человека над письменным столом, все так же бегало перо по бумаге, но уже не тем ровным и четким почерком, как раньше... Но Ч. не жаловался на судьбу. «Мало ли что бывает с людьми!.. Не то, что со мной; то, что было со мной, — мелочь». «Это исторические надобности». «...Что касается собственно до меня, то постоянное расположение моего духа самое хорошее. Было бы мало сказать: довольство всем окружающим меня, надобно сказать: расположение духа приятное,

[1] М. Н. Чернышевский. — Чернышевский в Вилюйске.

[2] Любопытно сопоставить с этим рассказ жандармов которые везли Ч. в Нерчинскую каторгу: «Такого человека одного, без нас, караульных, в каторгу безопасно посылать можно: посади одного в повозку, скажи: поезжай в каторгу! — беспременно поедет...».

[3] NN. — Чернышевский в Вилюйске. «Минувшие Годы». 1908 г. № 3.

веселое...». И тысячи раз подобные заверения. Но Ч. был горд и никогда не показал бы своим врагам, что падает духом. Кроме того, он знал, что родные живут в вечной тоске и тревоге о нем, и должен был рисовать свои настроения в несколько идиллическом свете. Таковы ли они были в действительности?

«За одну ночь, бывало, столько перемен бывает с ним, — рассказывала жена жандарма Щепина, жившего рядом с комнатой Ч., — то он поет, то танцует (бегает по комнате, пояснил муж), то хохочет вслух, громко, то говорит сам с собой, то плачет навзрыд! Горько плачет, громко эдак! Особенно плачет, бывало, после получения писем от семьи. Говорили, он жену свою очень любил... После таких ночей так расстроится, бывало, что не выходит из своей комнаты, печален, ни с кем не говорит ни слова, запрется и сидит безвыходно» [1].

При всей своей стоической выдержке, при всей мощи своего духа, Ч. не мог не страдать глубоко и мучительно. Наглухо, и теперь уже навсегда, захлопнулась перед ним дверь, ведущая на арену широкой общественной деятельности, все произведения, написанные им в бесконечно одинокие дни и ночи, никогда уже не увидят света, в бесплодных усилиях бьется и истощается его мысль, разбита его великая, самоотверженная любовь... Впрочем, нет — любовь эта живет в нем с прежней силой:

«Дружок мой, извини меня: я люблю лишь тебя. Кроме любви к тебе, личных привязанностей у меня нет, с того времени, как я познакомился с тобой...». «Дружочек мой, разумеется, я люблю детей. Но, извини меня, моя милая голубочка. Ты ошибаешься, полагая, что известие об от'езде Саши на войну могло поколебать мое здоровье: извини, в моем сердце очень мало места для личной любви к кому-нибудь, кроме тебя: все занято тобой, мое сердце. И моя любовь к детям — это лишь отражение твоей любви к ним...»

Вечная мысль о ней, о ее здоровье! «Будь здоровенькая и веселенькая — и все будет хорошо», как припев, повторяется в каждом письме. «Только это и нужно мне, чтобы чувствовать себя счастливым».

И, быть может, этот человек, с такой бескорыстной душой, и вправду «чувствовал бы себя счастливым», если бы О. С. не писала ему постоянно о своих болезнях и страданиях и если бы он мог, печатая свои произведения, обеспечить ей веселую и беззаботную жизнь. Но это было не в его власти. Больше того, сам он уже долгие годы был бременем для Пыпиных, которые, поддерживая его семью, посылали деньги и ему, несмотря на вечные его заявления: «Денег и всяких необходимых мне вещей у меня много и ничего мне не нужно. Прошу тебя и детей: не присылайте мне ничего».

[1] В. Короленко. — Случайные заметки. «Русск. Богатство». 1905 г. № 6.

Не видя конца такому положению, Ч. задумывает хитроумный план — оттолкнуть от себя всех — жену, детей, Пыпиных, пусть забудут его, пусть перестанет он быть для них бременем и обузой. Для этого он должен проявить себя грубым, неблагодарным эгоистом, не стоящим их любви и забот. И вот, в одном из писем к жене он намеренно делает ряд грубых выпадов против А. Н. Пыпина и требует, чтобы сыновья перестали бывать у него. Он знает, что они не могут поступить так в отношении к человеку, которому обязаны всем, от которого зависят материально. Но на это-то он и рассчитывает. Однако весь его тонко задуманный план рушится перед великой любовью «Сашеньки», прозорливо разгадавшего истинные движения необычайной души своего друга и учителя.

Тускло и скучно тянутся дни, и только с приходом почты раз в два месяца (не считая случайных оказий) яркий свет жизни врывается в их серое однообразие. Но, может быть, лучше было бы совсем заснуть в этих белых сугробах, забыть о том, что где-то люди еще живут, борются, любят, умирают...

Вот приходит весть о близком конце Некрасова, и Ч. пишет Пыпину захватывающие строки: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем...».

Через три месяца этот страстный крик заживо погребенной души донесся до слуха умирающего поэта: «Скажите Н. Г., — проговорил он едва слышным шопотом,—что я очень благодарю его; я теперь утешен; его слова дороже мне, чем чьи-либо слова».

«О Некрасове я рыдал, — писал позднее Ч. Пыпину, — просто рыдал по целым часам каждый день целый месяц после того, как написал тебе о нем...».

Глухая тайга да жандармы за тюремной стеной были единственными свидетелями этих одиноких рыданий.

В 1874 г. к Ч. был командирован адъютант Синельникова, почитатель Ч., Винников, с секретной и весьма деликатной миссией: предложить Ч. подписать прошение о помиловании, — тогда, мол, ему может быть дана надежда на облегчение его участи. Но Ч. никогда не изменял себе. Каждый его поступок, каждое его слово всегда удивительно отражали весь его внутренний облик. Прочитав внимательно бумагу, он возвратил ее и, привстав на ноги, сказал: «Благодарю. Но, видите ли, в чем же я должен просить помилования?! Это вопрос... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер — а об этом разве можно

просить помилования?! Благодарю вас за труды... От подачи прошения я положительно отказываюсь...».

Жена и сыновья Ч., а также А. Н. Пыпин несколько раз обращались к властям с ходатайством о смягчении участи Ч. Но все их просьбы встречали глухое и упорное сопротивление. Так продолжалось до 1 марта 1881 г. После убийства Александра II терроризованное правительство сделало попытку договориться с виднейшими представителями революционного движения в России и за границей. Посредником в этих переговорах был публицист и общественный деятель Николадзе [1]. Как одно из основных условий прекращения террора, выдвинуто было требование освобождения Ч. То же требование зазвучало тогда и открыто в легальной печати: «Далеко в Восточной Сибири, в Якутской области, есть город, призрак города—Вилюйск,—писала «Страна» 15 января 1881 г.—Он известен тем, что в нем, географически далеко от умственных центров страны, но нравственно им близко, скрывается пример несправедливости, жертва реакции. Там живет, т.-е. едва прозябает, отчужденный от семьи, от товарищей в русской литературе, лишенный почти всех условий человеческого существования — Н. Г. Чернышевский...».

«Мы ставим вопрос практически — простите. Дайте еще один, весьма крупный залог, что в самом деле вы желаете умиротворения».

И правительство Александра III решилось, наконец, вернуть этого полуживого человека, надеясь обеспечить себе спокойствие в дни коронации, предстоявшей в мае 1883 г.

В августе 1883 г. Ч. заявили, что приказано доставит его в Иркутск. Указа о переводе его в Астрахань под негласный надзор ему не сообщили. Обрадовавшись перемене, Ч. выразил желание ехать немедленно. Только в Иркутске он узнал правду.

Переезд Ч. был обставлен строжайшей бюрократической тайной во избежание выражения общественного сочувствия. В Саратове он увидался с женой, но ему не разрешили остановиться, чтобы навестить стариков Пыпиных, любивших его, как сына. Только в Астрахани он вздохнул, наконец, свободно.

Перевод из Вилюйска в Астрахань, благодаря резкой перемене климата, тяжко отразился на здоровье Ч. Желтая лихорадка быстро подтачивала его и без того подорванные силы. Непоправимо надломлена была и его душа, только ум оставался попрежнему ясным и сильным. Душевный надлом чувствовался во всем его поведении, в нервной торопливости речи, в быстрых, не вполне уравновешенных движениях, в грустной, слегка саркастической усмешке. «Садился (он) в кресло, задумывался и молчал, — рассказывает Ек. Н. Пыпина. — И такое при этом было у него скорбное, изможденное лицо, что сердце надрывалось, глядя на него» [2].

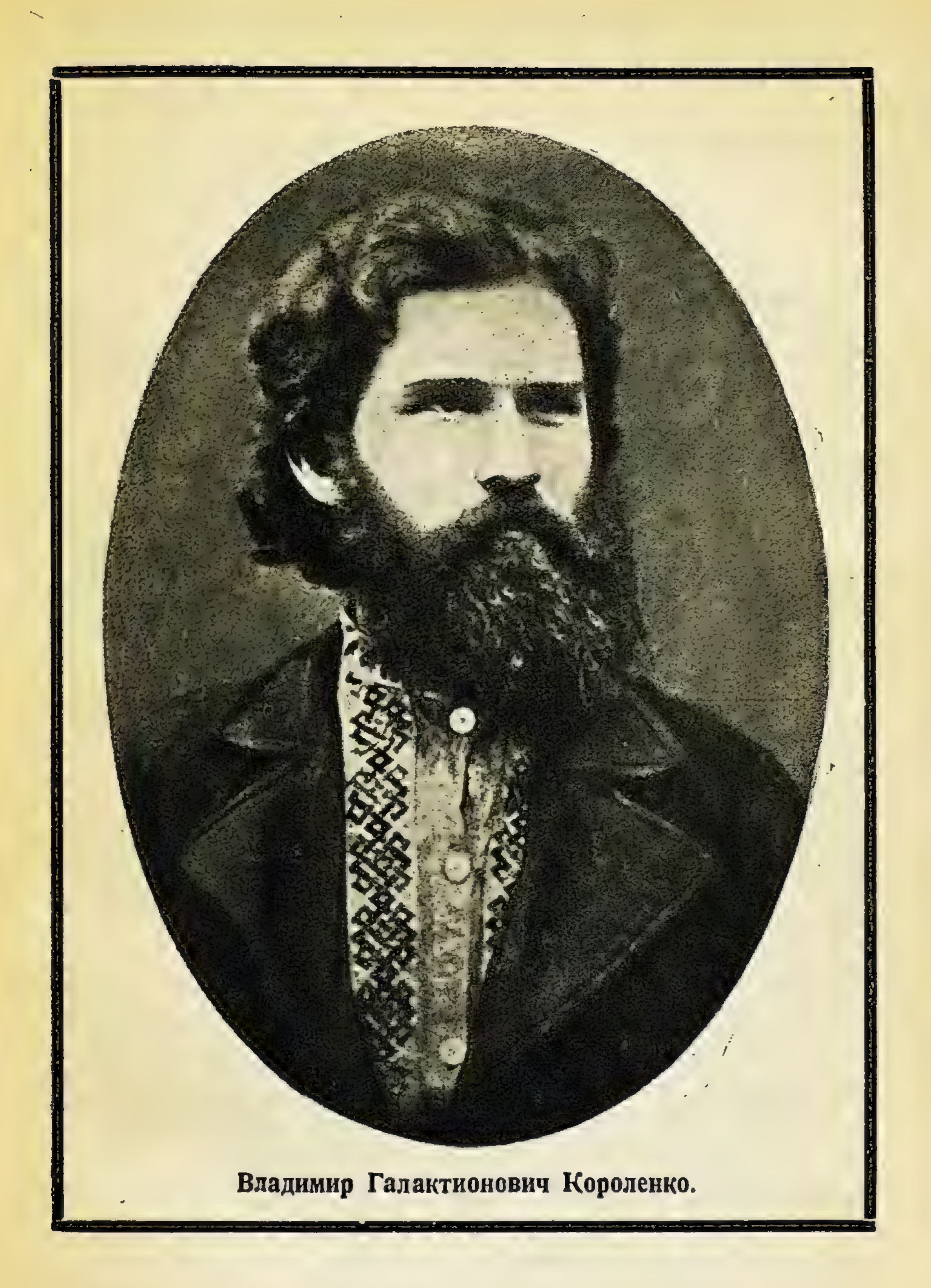
[1] Н. Николадзе. — Освобождение Чернышевского. «Былое». 1906 г. № 9.
[2] В. А. Пыпина. — Любовь в жизни Чернышевского. Петр. 1923.

А в это время неусыпные астраханские власти продолжали строчить свои доносы: «Ч. ведет себя безукоризненно, занимаясь переводом «Всеобщей истории» Вебера, доведенным им почти до конца; что же касается до политической благонадежности Ч., то я нахожу его совершенно безопасным в политическом отношении, в виду очевидного падения или притупления(!) его умственных способностей» [1].

Наконец-то! Теперь уже можно было разрешить Ч. переехать в Саратов. Двадцатипятилетняя борьба подходила к концу. Уже через полгода после возвращения Ч. на родину саратовский губернатор мог с полным удовлетворением послать в департамент полиции успокоительное извещение:

«Бывший титулярный советник Николай Гаврилович Чернышевский 17 сего октября (1889 г.) умер, а 20 числа погребен на Воскресенском кладбище г. Саратова».

[1] Чернышевский после Сибири. «Былое». 1917 г. № 4.

Владимир Галактионович Короленко.

Н. Пиксанов.

Владимир Галактионович Короленко и якутская ссылка 1881—1884 г.г.

В истории русской каторги и ссылки, конечно, имеются эпизоды более яркие, чем обстоятельства ссылки В. Г. Короленко. Но и ссылка Короленко выразительно рисует все бесправие и насильнические порядки царских времен.

Двадцати трех лет, за открытый, донкихотски прямой письменный протест против недостойных действий администрации Петровско-Разумовской Академии студента Короленко отрывают от научного образования, ссылают в Вологодскую губернию, потом держат под надзором полиции в Кронштадте. Еле освободившись от полицейской опеки и возобновив ученье, Короленко вновь подвергается аресту с пред'явлением нелепого обвинения в авторстве террористического письма, которого он, однако, не писал. Продержав несколько месяцев в заключении, его высылают в глухой, «ненастоящий» городишко Вятской губернии, Глазов. Отсюда, за заявления против злоупотреблений исправника и губернатора, вполне обоснованные и потом самой властью признанные основательными, Короленко высылается в отдаленные Березовые Починки, где никогда не бывал даже становой. Из Березовых Починков, по новому наглому клеветническому доносу, Владимира Галактионовича, продержав пять месяцев в тюрьме в Вышнем Волочке, высылают еще дальше, в Якутскую область, — за «побег из ссылки», чего он и не думал совершать. Правда, с пути его возвращают — в Пермь, но здесь ждет новое испытание: за мужественный отказ принести присягу новому царю, Александру III, его ссылают в далекую Восточную Сибирь, за Якутск, и держат в гиблых местах три года.

Короленко не принадлежал ни к какой политической партии, не участвовал ни в какой революционной организации, не совершил никакого революционного деяния. И все-таки с 1876 г. по 1884 год, с небольшими передышками, он скитался из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку, с возрастающей суровостью обстановки.

Из этой летописи тюрьмы и ссылки, куда ушла вся молодость писателя, мне придется рассказать только о последнем периоде, якутском.

Прежние биографы Короленко (Н. Шаховская, Ф. Батюшков, Т. Богданович) рассказывали об этом периоде его жизни необычайно скупо, на нескольких страничках. Новейший биограф, Раф. Григорьев, о пребывании Короленко в Амге говорит еще скупее. Между тем, в настоящее время мы располагаем материалами, проливающими яркий свет и на личную жизнь Короленко в Якутии и на быт многих русских революционеров, отбывавших якутскую ссылку в первой половине восьмидесятых годов. Это прежде и больше всего — собственные писания Короленко: его «Дневник», т. I (Государственное Издательство Украины, Полтава, 1925), его «Письма», т. I (в составе полного собрания сочинений, т. L, то же издательство, Полтава, 1923) и «История моего современника», часть 4 (в том же собрании сочинений, т. IV, Харьков, 1922). Затем — многочисленные новейшие работы о якутской ссылке и по истории революционных движений и среди них прежде всего — книга М. Кротова: «Якутская ссылка 70—80 г.г.» (издание журн. «Каторга и ссылка», М., 1925), а в ней — «Материалы к биографическому словарю якутской политической ссылки». В дальнейшем изложении использованы и неизданные материалы: письма В. Г. Короленко к Т. А. Афанасьевой и ее детям.

1.

Когда в Перми Короленко, уже готовившийся к возврату из ссылки, получил присяжный лист, который должен был подписать с засвидетельствованием приходского священника, он отказался это сделать и написал губернатору мотивированное заявление, где указал все беззакония, какие испытывал за последние годы. Короленко сделал это по личному побуждению, без соглашений с другими ссыльными. Но одинаковая моральная дисциплина, в какой жили русские революционеры и поднадзорные в те годы, и без предварительных совещаний приводила многих к одинаковому решению. Отказались дать присягу многие лица, совершенно не знавшие друг друга и разбросанные в далеких ссылочных захолустьях. Так, отвергли присягу: А. С. Орлов, М. А. Ромась, О. В. Аптекман, А. П. Павлов, П. Н. Буриот. Замечательно, что всем им пришлось, расплачиваясь за мужественный поступок, отправиться в якутскую ссылку и там встречаться (одновременно в самой Якутии отказались присягать 14 человек).

Для Короленко было ясно, что ждет его за отказ от присяги: вместо близкого возвращения к родным, к невесте, к литературной деятельности — новая, худшая ссылка. Но он исполнил долг гражданской совести твердо, с глубоким внутренним удо-

влетворением. «11 августа 1881 года решение, наконец, последовало», пишет Короленко в «Истории моего современника».— «В этот день ранним утром ко мне явился мрачный полицеймейстер с городовым и об'явил, что я арестован. Могу сходить на службу, покончить там свои дела, но всюду меня будет сопровождать городовой. А к вечернему поезду я должен собраться в путь. За мной явятся жандармы, которые будут сопровождать меня. Куда? Это ему неизвестно... Далек ли был путь, какая судьба ждала меня — я не знал...».

Путь лежал в Восточную Сибирь, в Якутскую область. И вот началось долгое странствие, в сопровождении двух жандармов, с задержками по тюрьмам в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске (здесь больше чем на месяц), по Оби еще на пароходе, по Лене уже в возке. Только через четыре с половиною месяца кончился этот путь, пересекший всю Сибирь и приведший изгнанника в Якутск. Короленко надеялся, что его оставят в городе. Но в канцелярии губернатора сообщили, что он «назначен в слободу Амгу, расположенную около трехсот верст от Якутска, в пределах Батурусского улуса», — «большая слобода», добавил чиновник, — «есть церковь, две лавочки и почтовая контора»... 1 декабря 1881 г. Короленко, под конвоем казака, прибыл в эту слободу.

Года полтора спустя, сидя на утесе над рекой Амгой, Короленко передумывал свое положение. «Мое положение встало передо мною с какой-то роковой ясностью. От Петербурга до Москвы 600 верст, которые я проехал с братом. От Москвы до Перми 1.500 верст. Это уже без брата. Здесь на пути величавая Волга и суровая, порой мрачная Кама. От Перми 7.000 верст до Иркутска... Громадная река, порой вдали снеговые вершины. От Иркутска почти три тысячи верст до Якутска... Широкая Лена, каменные уступы, туманы в ущельях, низкие облака на скалистых вершинах, тунгусская пустыня по обеим сторонам и убогие юрты ямщиков... Затем около 275 верст на восток от Якутска. Узкая дорога, то тайгой, то Яммалахским ущельем... Убогая слобода об'якутившихся поселенцев... Почта приходит сюда раз в две недели и не идет дальше. Телеграф остался за три тысячи верст, а известия из России приходят приблизительно через два месяца». — Жуткие расстояния и обстановка... Но мы ошиблись бы, если бы ждали вслед за этими строками слов об отчаянии, тоске. Этого не было. Короленко ехал в гиблый край в удивительно бодром настроении духа, и это настроение сохранил до конца. Сильный душой и телом, закаленный тяжелыми испытаниями, владевший многими практическими навыками, Короленко быстро осмотрелся и приспособился на новом месте.

Приспособляться, впрочем, пришлось усиленно. Короленко жил в обыкновенной якутской юрте, с неугасимым зимой камельком, с льдиной в окне вместо стекла. Обстановка была так

скудна, что через два года, получив от Натансона в подарок лампу, Короленко хвалится в письме к сестре: «Теперь к прочим культурным удобствам моей квартиры присоединилась керосиновая лампа, возбуждающая здесь всеобщее удивление и любопытство». Приходилось самому готовить пищу, напр., печь хлеб. В Амге ссыльные занимались земледелием, и Короленко отдался этому с увлечением. Брату Иллариону, через год по прибытии в Амгу, он пишет: «Не шутя, право я себя чувствую превосходно, да ты и легко себе это представишь. Работа, особенно летом, здоровая. Иногда целые недели живем на покосе, верст за 5 над рекой, в «балагане» из травы и тальника. Правда, иногда приходится тяжеленько, ну да это не беда. Самая тяжелая работа— жатва. Пахать не трудно (особенно если кони приучены). Косьба утомляет очень сильно. Себе мы, положим, косили с прохладцей и притом поочередно, один ежедневно под вечер отправлялся верхом домой ночевать и запасать провизию (стряпаем мы сами, я теперь пеку, даже весьма изрядно, хлебы). Но когда приходилось косить на крестьянских полях, то домой мы приходили совершенно разбитые. Зато эта усталость, распределяясь по всему телу, не так несносна, как, напр., боль спины при жатве. Кроме этих занятий, промышляем еще слегка в тайге зайцев, посредством так назыв. «плашек». Это бревна, пристроенные посредством системы рычажков, как западня. Промысел этот, впрочем, идет больше осенью. Весною ставим в реке «морды» для ловли рыбы. К сожалению, их чаще осматривают татаре (которых здесь очень много), чем мы». Не всегда полевые работы были безопасны. В том же письме Короленко сообщает: «Правда, я падал раза два с лошади, раз сгоряча сунулся верхом вплавь, догоняя убежавшую с покоса лошадь, и мне пришлось возвращаться обратно уже самому вплавь в одежде, держа лошадь за повод. Раз в грозу, когда я городил сено, лошадь испугалась и подмяла меня под телегу, после чего недели две я не мог свободно согнуть спину».

И все же физический труд был для Короленко увлекателен.

Однажды, сообщая родным (10 сентября 1883) о переходе с осени от полевых работ к зимней жизни, «чисто интеллигентной», Короленко признается: «Все тянет вон из избы на гумно или в огород, или к коням».

Кроме земледелия, Владимир Галактионович занимался в Амге (по зимам) также сапожным ремеслом, работая как на местных жителей, так и на ссыльных поселенцев. Нужды он не терпел. Земледелие, чеботарство, небольшое казенное пособие, выдаваемое ему как ссыльному, — доставляли ему скромный житейский минимум. Вместе с сожителями-ссыльными, о которых речь ниже, Короленко имел двух лошадей и набор сельскохозяйственных орудий, даже — плужок.

С населением у него установились отличные отношения. Население Амги слагалось из русских крестьян, сильно об'якутившихся, из якутов и из татар, выселенных сюда с юга целой деревней. Трудовая жизнь Короленко и его сотоварищей по ссылке, их народнический демократизм (между прочим, они избегали наемного труда и в необходимых случаях устраивали «помочь» в сельских спешных и сложных работах, помогая таким же образом и односельчанам), их готовность помочь и трудом, и знанием забитым и темным людям, их уважение к чужой личности, отстаивание справедливости, — все это создавало им уважение и сочувствие в населении. Из дневников Короленко, из «Истории моего современника», из его писем видно, сколько внимания, сердечной чуткости проявлял он к хозяевам тех юрт, где живал в Амге, вообще — к амгинским старожилам. Их правозаступником явился он в лирическом «Сне Макара». К слову сказать, герой этого произведения и его жена списаны с хозяев той юрты, где Короленко одно время жил в Амге. В письме к сестре, Эвелине Галактионовне, от 26 декабря 1883 года, Короленко дал точное и почти художественное описание убогого жилища, горького быта и песен-диалогов этого Захара Цикунова и его жены-якутки: превосходный этюд к «Сну Макара».

Даже татары, практиковавшие воровство и прямые грабежи, с уважением относились к политическим ссыльным, и слово «сударской», т.-е. государственный преступник, было в Амге символом хорошего, справедливого человека.

Помимо татар, якутов и об'якутившихся русских «пашенных», в Амге были еще «амгинские культурные слои», как их шутливо обозначил Короленко в одной из глав «Истории современника». Он повествует: «В Амге было два «магазина». Один из них принадлежал Татьяне Андреевне Афанасьевой, с которой я вскоре познакомился чрез товарищей, у которой учил детей и с семьей которой до сих пор поддерживаю дружеские отношения. Другая лавка принадлежала поляку Врембовскому. Это был честный и добрый человек, попавший на каторгу за восстание и отбывавший ее также в Нерчинске с Чернышевским. Казалось, теперь у него не было ничего общего с прежними молодыми увлечениями... Все знали при этом, что Врембовский — человек глубоко честный, никого не обидит, на слово которого можно было положиться, как на каменную гору... Если упомянуть еще об одном торговце, который, однако, своей лавки не имел и вел какие-то дела с тунгусами из тайги, то затем мне придется отметить еще мельника, у которого на противоположном конце слободы была деревянная мельница с конным приводом. Он считался у якутов представителем особой мудрости, дававшей ему возможность перемалывать невероятное количество муки... Затем, в качестве представителей культурного общества, мне придется упомянуть

только о священниках. Их было два. Один был местный уроженец, сын попика Ивана, о котором мне приходилось упомянуть в «Сне Макара». Этот поп Иван был необыкновенно добрый человек, о нем в Амге сохранилась наилучшая память. Но у него был один недостаток: он был горький пьяница. Раз в пьяном виде он свалился в пылающий камелек и сгорел. Сын его был необыкновенно благообразен, но и необыкновенно туп... Другой священник, настоятель церкви, был человек худощавый, желчный, нездоровый. Волосы у него были жидкие, при чем рассказывали, что их значительно разредил какой-то дьячок в церкви, где он служил ранее, подравшись со своим настоятелем в пьяном виде... Порой духовенство, по случаю, например, именин, устраивало у одного из священников попойки, и нам случалось бывать на таких празднествах. От татарской водки, настоянной вдобавок на табаке, все быстро пьянели. Особенно слаб бывал сам настоятель. Подобрав полы своей рясы, он пускался в пляс, выделывая ногами удивительные курбеты. Младший священник Николай играл при этом на скрипке, сохраняя то же невозмутимое выражение на своем благообразном лице... В общем такие вечеринки наводили на нас тоску, пока не наступал единственный номер, действительно яркий, характерный и колоритный. Это был приход двух настоящих артистов из уголовных ссыльных. Один был глубокий бас, другой высочайший тенор. Они были неразлучны, и когда бывали в Амге, то приходили на вечеринки вместе. Я тогда же зарисовал обоих. Бас был необыкновенно лохмат и плотен, тенор — худой, с маленькой головкой на тонкой шее. Особенный эффект производил в их исполнении какой-то старинный романс нравоучительного свойства. Начинался он словами:

Среди игры, среди забавы,
Среди благо... благо... благополучных дней.

Начало это выводил тенор на самых высоких нотах. Потом рокотал бас:

Среди богатства, чести, славы
К полной ра... ра... радости свое-е-ей...

И это «ра... ра... дости» звучало, как гром, заполняя всю комнату, отдаваясь во всех углах. После этого вмешивался опять тенор, и оба голоса вместе гремели, далеко вырываясь за пределы поповского дома на морозный воздух... После игры и забавы наступали превратности: судьба преследовала человека все грознее, бас становился все могущественнее и глубже, тенор вскрикивал все отчаяннее. Казалось, не оставалось места ни малейшему утешению... Но вдруг мотив опять смягчался, и тенор мягко и утешительно выводил первоначальные ноты: «Среди игры, среди забавы». Буря постепенно гармоничными нотами

сходила опять на игры и забавы, и все звуки из бездны отчаяния взбирались опять на высоты гармонии. Я уже сказал, что певцы были настоящие артисты, и это была их любимая песня. Было очевидно, что они сами увлекались и увлекали слушателей. Слава их гремела далеко за пределами Амги...»

Чтобы дорисовать скудный быт и развлечения Амги, в какие невольно вовлекался и Короленко, приведу еще цитату из его письма к родным от 10 сентября 1883 г.: «Что же еще? У нас тут — свадьбы за свадьбами. То и дело гремят по слободе колокольцы свадебных поездов, в церкви раздается: «гряди невеста от Сиона», — все как следует вплоть до выпивки, которая составляет альфу и омегу всяких здешних «начинаний». Кажется, я писал вам зимой, что мы с Папиным были шаферами на одной из подобных свадеб. В нашей маленькой юрте, — согласно здешнему обычаю, — тоже шел по этому случаю пляс и ликование (здесь на второй день после свадьбы ездят со всем поездом по гостям. Мы, как холостежь, конечно, могли бы быть от этого избавлены, но здешней публике, особенно женской половине, повидимому, так интересно повидать нашу обстановку, что мы решились доставить им это удовольствие). Теперь, повидимому, входит в обычай — иметь нас шаферами. Не более недели, как я исполнял эту обязанность, и вот, сегодня, как снег на голову, еще одна свадьба. Правду сказать, меня это немного тяготит, тем более, что свадьбе предшествует всегда и следует за ней некоторое (довольно значительное) количество выпивок, с плясом и т. д. Пить я, положим, не пью (т.-е. почти не пью, — но прикасаюсь, — уступка общественному мнению), но что касается плясу, то общественное мнение решительно не допускает в этом отношении никаких послаблений, и в виду этого я слегка (в пределах моей тридцатилетней солидности) все же приплясываю. Вот как у нас! Даже кадрильная культура процветает. Если сказать правду, особенного удовольствия мне это не доставляет...»

Через четыре месяца (5 января 1884 г.) Короленко рассказывает еще сестре: «Вот прошли и праздники. Завтра крещение, а там стало быть обыкновенная будничная колея. Впрочем для нас и самые праздники не особенно выделяются из обычной колеи. Два-три посещения знакомых, да частые появления «маскированных» — вот и все. Здесь в обычае с самого Рождества и до наступления поста — маскироваться. Костюмы, понятно, незатейливые: вывороченные вверх шубы, якутские «соны» (верхняя одежда) и какие-нибудь занавески, скрывающие лицо, — вот и все. Маскируются как здешняя «интелигенция», так и крестьяне. Даже татаре, для которых нет никакого праздника, наряжаются как можно диковиннее и ездят из дома в дом. Главный интерес при этом — не быть узнанными, ввести в заблуждение. Особенного веселья, конечно, не замечается».

Мягкая натура Короленко, его терпимость и деликатность не позволяли ему отказывать амгинским жителям в участии в их скудных развлечениях. Зоркий художник и отсюда сумел выхватить и увековечить образ пьяненького, но доброго попика Ивана.

Упомянутая выше Татьяна Андреевна Афанасьева с семьей должна быть выделена из «амгинских культурных слоев». О самой Татьяне Андреевне мы не имеем прямых сведений. Знаем только, что она, сама русская, была замужем за якутом; о муже ее нет никаких упоминаний, и, надо думать, ко времени знакомства с Короленко Татьяна Андреевна была уже вдовой. Получила ли она какое образование и как попала в Амгу, неизвестно. Но наверно это была умная и отзывчивая женщина. Сбереглись некоторые письма к ней Короленко, и они удостоверяют, что Владимир Галактионович навсегда сохранил к ней уважение и симпатию. Вернувшись в Россию, он посылал ей книги, журналы и газеты и писал к ней, как к человеку вполне интеллигентному. Отношения начались с того, что Короленко стал обучать детей Т. А. Афанасьевой — дочку Таню и сыновей Ганю и Колю. И к детям он на всю жизнь сохранил теплое чувство. В письмах он называет их «дорогими учениками», первое время по выезде из ссылки шлет им книжки, расспрашивает о ходе ученья. Вот например: «Милые мои детки Ганя, Таня и Коля. Спасибо, что не забываете своего учителя. Я тоже часто вспоминаю и рассказываю своим маленьким племянникам, как вы ко мне приезжали, и как Таня и Коля носили ведрами воду, вдвоем, когда я был болен лихорадкою и не мог сам стряпать. Учитесь хорошенько и не забывайте меня, напишите, какие вы получили книжки отсюда. Я хочу знать, все ли дошли, какие я посылал. Скоро еще пошлю. Пока крепко вас всех целую, милые мои детки. Ваш учитель Владимир Короленко» (1887). Надо думать, из учеников Короленко вышел толк. Сохранилось письмо Владимира Галактионовича к Николаю Егоровичу Афанасьеву, уже от 1917 года, вскоре после Февральской революции (от 10 июня). Из письма видно, что Н. Е. Афанасьев был членом комитета по постройке памятника Чернышевскому в Якутске и хлопотал о широком оповещении русского общества об этом начинании. Трогательно это единение ученика и учителя, через тридцать два года после их разлуки, в заботах о памяти славного изгнанника.

Самой Т. А. Афанасьевой Короленко писал из Нижнего в первые годы по приезде туда: «Вы не представляете себе, какое удовольствие доставляют мне ваши письма. Право, об Амге, когда я из нее выехал, у меня осталось самое приятное воспоминание, а из амгинских жителей о ком же мне и вспоминать, как не об вас, Татьяна Андреевна, и ваших детках... Нередко, сидя со своими за столом, рассказываю о вашей маленькой столовой и о том, как мы коротали в ней длинные вечера

в ссылке. Еще раз спасибо вам, что своими письмами вы оживляете эти приятные воспоминания, приятные потому, что в самые суровые минуты жизни все-таки доводилось встречать хороших и душевных людей».

Дом Т. А. Афанасьевой для нас интересен не только ради Короленко, но и ради других ссыльных якутян того времени. По письмам видно, что в маленькой столовой Афанасьевой бывали многие политические ссыльные. Она всех знала, привечала и потом писала о них Владимиру Галактионовичу, а он — ей, если общие знакомые возвращались в Россию и встречались с Короленко.

3.

Кто же разделял с ним амгинскую ссылку?

Амга и окрестные улусы и наслеги стали усиленно заселяться политическими ссыльными недавно, года за два до прибытия Короленко. Зато с 1881 года в ней и около нее собирается много таких изгнанников, и в истории русской ссылки Амга 1881—1884 годов играет заметную роль. Особенно много ссыльных прибыло именно в 1881 г., в одно время с Владимиром Галактионовичем. С большинством из этих невольных жителей амгинской округи Короленко был близок, и рассказывать о его знакомствах и встречах значит охарактеризовать всю приамгинскую ссылку первой половины 80-х годов.

Тотчас по приезде в Амгу, в «мирской избе», куда привезли и сдали Короленко, ему отрекомендовался «политический ссыльный и вместе здешний писарь» — Николай Васильевич Васильев. Н. В. Васильев в 1863 г., вместе с Волковым, Вороновым и Емельяновым, обвинялся в «злоумышлении на жизнь государя императора, выраженном в составлении и распространении им, Васильевым, возмутительного воззвания и в других сочинениях». После Нерчинской каторги Васильев был доставлен на поселение в Амгу в 1872 г., вскоре женился на крестьянке и занялся хлебопашеством. Ко времени встречи с Короленко ему было 36 лет, и он был самым давним из ссыльных в Амге. Васильев сейчас же повел Короленко к амгинским товарищам: Ивану Ивановичу Папину и Осипу Яковлевичу Вайнштейну. И. И. Папин принадлежал к Долгушинскому кружку, который в 1873 г. призывал крестьян Московской губернии к восстанию. Отбыв шесть лет каторжных работ, Папин, после краткого поселения в Иркутской губ., был водворен в Амге с 1881 г., когда ему было 32 года. О. Я. Вайнштейн, студент III курса Медико-хирургич. академии, был аттестован весьма важным преступником, обвинялся по нескольким делам (не очень крупным), в Амге жил с 1880 года, когда ему исполнилось 26 лет. Купив юрту, он и Папин занялись земледелием. Короленко сразу поселился с ними и примкнул к их сельскохозяйственным работам.

Об обоих Короленко сохранил теплые воспоминания; впоследствии они встречались в России. В Амге тогда еще жил Александр Алексеевич Ахаткин, поселенный в том же 1881 году, бывший офицер — по словам Короленко, а по официальным данным — бывший чиновник, 33 лет, сослан за сношения с архангельким кружком Берви-Флеровского, по документам — «за дерзкие слова против его величества». Ахаткин запивал и ближе держался к местным жителям, чем к политическим ссыльным; в 1883 году он оставил Якутскую область, и позднее Короленко встречался с ним в России, сообщая Т. А. Афанасьевой о его неизменной страсти к вину.

Кроме названных четырех лиц, живших в самой Амге, Владимиру Галактионовичу вскоре же пришлось познакомиться еще с «улусниками», т.-е. политическими ссыльными, расселенными по соседним, иногда и отдаленным улусам, тяготевшим административно и хозяйственно к Амге. Первым из таких улусников явился в слободу Ананий Семенович Орлов. Крестьянин по происхождению, телеграфист по специальности, Орлов в 1877 г. за политическую пропаганду был выслан в Архангельскую губернию; за распространение книг антиправительственного содержания отсюда подлежал пересылке в Восточную Сибирь. Содержась в Вышневолоцкой пересыльной тюрьме, отказался от присяги Александру III и в виду такого «враждебного настроения» попал в Якутию — с конца 1881 года, когда ему было 30 лет. Здесь, в верстах двадцати от Амги, засевал хлеб и прекрасно поставил огородничество. За Орловым вскоре, в 1882 году, прибыли Павлов и Ромась. Александр Павлович Павлов, рабочий-слесарь, в 1880 г. обвинялся в устройстве типографии «Северного Рабочего Союза» и принял близкое участие в создании «Рабочей Газеты»; в год прибытия в ссылку ему было всего 24 года. Михаил Антонович Ромась, мещанин Черниговской губернии, «за принадлежность к социально-революционной партии» попал под надзор полиции в Вологодскую губернию, при пересылке в В. Сибирь в Вышневолоцкой тюрьме отказался от присяги, вместе с Орловым и Аптекманом, по мотивам, формулированным так же, как и в заявлении Короленко; в окрестности Амги поселился вместе с Павловым. О нем Короленко пишет: «Не получив никакого образования, он, однако, производил впечатление образованного человека и мог поддерживать самый сложный интеллигентный разговор. Всего этого он добился упорным самостоятельным чтением».

В 1881 году в с. Усть-Майское, а в 1882 г. в Амгу прибыл Осип Васильевич Аптекман. С последнего курса Медико-хирургической академии он пошел в народ, затем участвовал в организации «Земли и Воли»; в Питере работал вместе с Плехановым. После раскола «Земли и Воли» примкнул к «Черному Переделу» и редактировал его орган. После провала организа-

ции был сослан в Якутию с квалификацией «весьма опасного революционного деятеля»; в 1881 г. ему было 32 года.

Вскоре в Амге стал бывать, а иногда и подолгу живать, другой крупный революционный деятель — Марк Андреевич Натансон. Бывший студент Медико-хирургич. академии, один из организаторов кружка «Чайковцев», установившего связи с рабочими Москвы, Петербурга, Одессы и др. городов, Натансон в 1873 г. был выслан в Архангельскую губернию; по возвращении из ссылки, в 1878 году, за организацию революционных кружков в разных городах и участие в «Обществе друзей» высылается в Верхоленск, а оттуда — в один из наслегов Якутской губернии.

«Однажды, — повествует Короленко, — взойдя в светлый день ранней весны на нашу крышу, я увидел на лугах, в стороне Чинчалгана, сани, сопровождаемые всадниками. Сначала мне показалось, что это едет какое-то начальство. Оказалось, однако, что это к нам в гости приехали еще новые товарищи, которых мы до сих пор не видали. Скоро наша юрта наполнилась веселым гамом и суетой». Приехали Шамарин, Кизер, Доллер, Линев и Тютчев, поселенные тоже в окрестностях Амги. Кизер и Доллер были петербургские рабочие, осужденные по делу «Южно-Русского Рабочего Союза». Шамарин — бывший студент, арестованный по своим связям с участниками процесса 193-х. Иван Логинович Линев, бывший студент Горы-Горецкого сел.-хоз. института, учился потом в Германии, потом уехал в Америку, где тоже изучал сельское хозяйство, — жил физическим трудом, бедствовал. Потом он вернулся в Россию с паспортом американца Филипса и в Нижегородской губ. арендовал именье. Вокруг него стали группироваться народники-пропагандисты, будущие террористы, как Баранников, Квятковский. Филипс-Линев был арестован и в конце-концов попал в Якутию, в сорокалетнем возрасте. Николай Сергеевич Тютчев был гораздо моложе Линева (ко времени прибытия в якутскую ссылку ему было 25 лет), бывший студент Петербургского университета, в 1878 г. был арестован за организацию забастовки на петербургской бумагопрядильной мануфактуре, потом, по обвинению в убийстве Белавина, подозреваемого в шпионстве, был выслан в Баргузин; после неудачного побега вместе с Е. Брешковской, Линевым и Шамариным выслан в Якутскую область. Нередко бывал в Амге Петр Давыдович Баллод; он был арестован в 1862 году, в связи с делом Д. И. Писарева, которого склонил написать резкий памфлет против брошюры Шедо-Феротти; ему вменялось в вину заведение тайной типографии, печатание и распространение прокламаций. Ко времени встреч с Короленко Баллоду было за сорок, он был широко известен во всей округе, как деятель на алданских приисках, дававший заработок местному населению.

Были и другие ссыльные поселенцы, встречавшиеся с Короленко в 1881—1884 году в Амге и окрестностях, как, напр.,

Э. К. Пекарский, будущий издатель якутско-русского словаря, супруги Чернявские и др. Но встречи с ними были менее значительны.

4.

Итак, можно насчитать до двадцати лиц из круга политических ссыльных, с которыми Короленко приходилось бывать в общении за эти три года жизни в Амге. Это были люди разного возраста, разного социального происхождения, разного уровня образования, разных политических группировок. Не все они имели одинаковое значение для Короленко. К Ахаткину, напр., он не скрывает некоторого добродушного пренебрежения. Васильев, Шамарин, Орлов, Кизер, Доллер, Павлов — не могли оказать на него сильного интеллектуального влияния; они не были заметными революционными теоретиками или организаторами. Но среди амгинских ссыльных были выдающиеся люди, с богатым революционным и культурным прошлым, с обширной теоретической подготовкой, с выдающимися организаторскими способностями. Таковы, напр., Натансон, Аптекман, Тютчев, Баллод. Общение с ними было существенно для Короленко. Здесь он восполнял то, чего не мог иметь в силу невольного отрыва от политической жизни страны. Иногда из этого общения он получал познания и возбуждения, каких не вынес бы из чтения книг или общения с иными людьми. В амгинских встречах, беседах и спорах Короленко созревал духовно. Это делает из ссылочных лет крупный этап в духовном развитии Короленко, и просто удивительно, как на это не обращали внимания его биографы.

Но беседы в Амге были существенны и для других крупных людей, там собиравшихся. Они потом раз'ехались оттуда в разные концы России и вновь приняли участие в идеологическом и организационном творчестве революции. Но в него они вложили итоги размышлений и совещаний в далекой ссылке в 1881—1884 г.г. Историкам революционных движений необходимо это учесть.

В «Истории моего современника» Короленко пишет: «Я с удовольствием вспоминаю о многих вечерах, проведенных мною за разговором с Баллодом во время его приездов в Амгу... Было какое-то соответствие между его богатырской силой и тем спокойствием, с которым он встречал наши порой страстные возражения на свои взгляды. Я был тогда еще страстный народник, и рассказы Баллода о его жизни среди сибирской общины, проникнутые взглядами индивидуалиста-латыша, часто встречали во мне горячий отпор». Каковы были в точности «свои взгляды» Баллода, Короленко не сообщает, к сожалению. Вообще, изложение четвертой части «Истории современника» страдает неясностями, отрывочностью, недоговоренностью; эта

часть работы писалась, как известно, в последние годы жизни Короленко, среди тяжелой болезни.

Не излагает Короленко и других споров в Амге. Пробел восполняет до некоторой степени О. В. Аптекман в своей книге: «Общество «Земля и Воля» 70-х г.г.» (2-е изд., П., 1924). Сообщив о приезде в Амгу М. А. Натансона с его женой, Аптекман продолжает: «Вот с этого-то времени и потянулись к нам товарищи беспрерывно, — кто в одиночку и парами, а то группами, в 10-15 человек. Гостили у нас по нескольку дней подряд. Эти периодические с'езды имели для нас, ссыльных, громадное революционно-воспитательное значение; они отвлекали нас от серых, докучливых будней и сосредоточивали наше внимание на высших интересах. Эти «ассамблеи» заменяли нам семью: тут мы находили отдых, мир, отраду душе, тут мы делились своими мыслями, чаяниями и стремлениями, проверяя себя, черпая силу, поддержку в предстоящей многим из нас долгой еще жизни в неволе. Тут же выступали мы с первыми своими литературными опытами. Короленко прочел нам «Сон Макара» и «Соколинца», Серошевский — свои первые якутские очерки, Виташевский познакомил нас с своими интересными записками по обычному праву. Я читал свои воспоминания об обществе «Земля и Воля». Натансон дополнял их своими важными указаниями. Среди нас Натансон был живым хранителем революционных традиций, живым аккумулятором революционных настроений, дел и предприятий... Натансона слушали с большим интересом, ибо он знал то, чего другие или совсем не знали, или знали лишь из вторых рук. Он все освещал с определенной точки зрения: слышалась прямота, не знающая уступок, слышалась твердость, не терпящая уклонений в сторону. От частных вопросов, как водится, переходили к общим: поднимались вопросы «идеологии», «программы и тактики» (тогда мы этих терминов не употребляли еще, а говорили: «доктрина», «учение», «методы и приемы борьбы»). Много времени было потрачено, много копий поломано о роли и значении в революционной борьбе сектантства, современной общины, капитализма у нас в России. Ведь по всем этим вопросам появились тогда капитальные исследования. Но особенно дебатировались злободневные, так сказать, вопросы: вопрос о терроре, систематическом терроре и о политической борьбе, в самом широком об'еме этого слова. Ведь она, эта политическая борьба, была выдвинута тогда, как реальный элемент, на первый план революционного действия. Думаю, что буду совершенно об'ективным, если формулирую окончательный вывод из нашего многократного обмена мыслей так: в нашей старой, народнической, бунтарской и аполитической идеологии произошел решительный сдвиг в сторону народовольчества, с неизбежными в таких случаях отклонениями и оттенками, несущественного, впрочем, характера. Это относится исключительно к «старикам»: Натансону, Тютчеву, Линеву, пишущему

эти строки и некоторым каракозовцам и многим, многим другим. «Молодые» же, которые только что появились в Якутии, как, например, Подбельский, Коган-Бернштейн, Рубинок и проч., пылали, само собою, чистым, ничем не прикрашенным, идеальным народовольчеством. Они не нуждались ни в каких сдвигах и высоко держали знамя народовольчества».

Итак, Аптекман признает громадное воспитательное влияние амгинских собеседований. Он даже настаивает, что они создали перелом в революционной идеологии собеседников: от старого народничества — к народовольчеству. Таким образом, в Амге совершался тот же идеологический процесс, какой в России приводил одновременно к деятельности партии «Народной Воли», недавно (1879 г.) основанной и в начале восьмидесятых годов развивавшей террористическую борьбу.

Характерно, что, несмотря на такой кризис идеологии, на отталкивание от старого народничества, мысль все-таки двигалась в замкнутом круге народнических идей. Среди собеседников были рабочие, как Кизер и Доллер, были революционеры, организовывавшие рабочие стачки, как Тютчев, участвовавшие в создании рабочей газеты, как Павлов. И все же — ни один из них не выступил в качестве марксиста. Даже Аптекман, которому в будущем предстояла эволюция к марксизму, в те годы двигался в русле революционного народничества. Что же касается Короленко, он на всю жизнь остался верен народническо-идеалистическим принципам и впоследствии сопротивлялся марксизму.

Перечисляя амгинских «стариков», эволюционировавших от народничества к народовольчеству, Аптекман не называет Короленко. И это — не случайность. Для тех значение амгинских бесед было «революционно-воспитательным». В Амге зрела их готовность вновь ринуться в революционную борьбу. Сам Аптекман, по освобождении из ссылки, ведет революционно-пропагандистскую работу, в 1905 году попадает в тюрьму за призыв к вооруженному восстанию и за организацию боевой дружины. Натансон, отбыв якутскую ссылку, начинает в Саратове собирать рассеянные революционные силы, организует революционное общество «Народное Право», попадает на два года в Петропавловскую крепость и опять высылается — на пять лет — в В. Сибирь; по возвращении в Россию опять принимается за политическую борьбу и участвует в организации революционных сил за границей (куда переезжает в 1907 году), как представитель заграничного Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. Тютчев, после ссылки, тоже примыкает к партии социалистов-революционеров и одно время состоит членом ее Центрального Комитета. Ромась, по освобождении из ссылки, ведет вновь революционную пропаганду в Казанской, потом в Вятской губернии среди крестьян, и едва ли многим известно, что в 1888 году вместе с ним жил и работал в деревне Максим

Горький, тогда еще юноша; в «Моих университетах» Горький говорит о нем с горячей благодарностью; за принадлежность к «партии Народного Права», как организатор тайной типографии, Ромась вторично отбывает якутскую ссылку в 1897—1902 г.г.

Таковы были товарищи Короленко по ссылке. В их обществе Короленко необходимо должен был как-то самоопределиться. Его ссылки, начиная с вологодской и кончая теперешней якутской, были вопиющим беззаконием: ни к какой революционной партии или организации он не принадлежал. Но со студенческих лет, однако, он вращался среди «неблагонадежных». Одновременно с ним ссылке подверглись его родной брат, двоюродный брат, зять, невеста и сестра невесты. В тюрьмах и ссылках он бывал в близком общении с выдающимися революционерами: Долгушин, М. П. Сажин, Войнаральский, Ковалик, Ип. Мышкин, Петр Алексеев и мн. др. Юрий Богданович (Кобозев) в Перми тайно являлся к нему, чтобы склонить к террористической деятельности. И, наконец, теперь, в Амге, в вынужденном бездействии, среди последовательных и непреклонных революционеров, Короленко должен был раз навсегда определить себя. Этот решающий момент не был осознан ни одним биографом Короленко. Между тем сам он в «Истории современника» говорит, что в Амге «пережил одну из решающих минут своей жизни».

5.

Эту минуту Короленко пережил в 1882 году.

Однажды в уединении, на Яммалахском утесе над рекой Амгой, он подводил итоги своему прошлому и намечал вехи будущего. В «Истории современника» он записал: «Теперь передо мною долгий путь, туманный, мглистый, из которого мне, пожалуй, не выбраться... Наконец, честность перед собой требует поставить еще один вопрос: действительно ли я революционер? Вот Юрий Богданович звал меня на революционное дело. Я отказался. Отказался ли бы настоящий революционер при этих условиях? Я подумал, что было уже несколько случаев, когда настоящий революционер на моем месте уже погиб бы или запутался бы гораздо больше, чем я». И Короленко начинает припоминать случаи, когда ему представлялись возможности побега, и он ими не воспользовался. И он твердил себе: «У настоящего революционера было бы не то»... «Я не революционер, а наблюдатель». Ярко припомнился ему еще один эпизод. Известие о цареубийстве 1 марта застало Короленко в Перми, до выезда в якутскую ссылку. Короленко понимал всю историческую логику этого террористического акта, но ему царь «вспоминался только жалким, затравленным и несчастным». Дальше читаем: «Когда вскоре после этого судьба опять увлекала меня на далекий север, среди пустынных и хо-

лодных берегов Лены в моем воображении стояли два образа и зарисовывались черты поэмы в прозе. Александр II, молодой, одушевленный освободительными планами, и Желябов, его убийца, смотрят с далекой высоты на свою холодную родину и беседуют о далекой трагедии, обратившей их лучшие стремления друг против друга... Когда-то одна правда, хоть в разное время, светила им обоим, но она затерялась во мгле и туманах... И две тени говорят о том, как разыскать ее»... «Это было очень наивно», сознается сам Короленко, и на рукописи «поэмы» он сам сделал ироническую приписку от имени какого-то революционера Волка: «Какая ерунда. Очевидно, эти мечты — результат странной умственной болезни когда-то столь трезвого нашего покойного друга. Ему, наконец, стал мерещиться образ фантастического царя, «сильного державой и мечтающего о свободе». Можно же додуматься до такой маниловщины». Теперь, в беседе с самим собой, Короленко понял этот литературный эпизод еще острее: «мои ленские мечты... Могли ли они быть у настоящего революционера, а не мечтателя?» И вот созрел окончательный вывод: «Одним словом, честность перед собой заставила меня сознаться, что я не революционер».

Этот вывод был решающим на всю жизнь. Когда кончились годы ссылки, и Короленко вернулся к общественной деятельности, он не чуждался личного общения с революционерами, поддерживал связи с старыми товарищами, посылал в Амгу книги и журналы, помогал материально. В его семье были лица, близкие к революционным партиям, напр. — зять. Но никогда он не входил в революционную работу, как то сделали Ромась, Натансон, Аптекман, Тютчев. Короленко не вступил ни в партию, ни в какую-либо революционную организацию. Даже когда в 1906 г. около «Русского Богатства» организовалась близкая ему по духу партия народных социалистов, он не вошел в нее.

В чем же дело? Отказываясь от революционного пути, Короленко вовсе не боялся «запутаться гораздо больше» и «погибнуть». Это был смелый, мужественный человек, способный на величайшее самопожертвование и героизм. Причины отказа были иные. Прежде всего — психологические. Их определил сам Короленко: «не активный революционер, а скорее созерцатель и художник». Но были и мотивы идеологические. Революционная борьба в те годы сводилась к террористическим актам со стороны малолюдных конспиративных организаций или даже революционеров-одиночек. У Короленко же «не было веры ни в террор, ни в его последствия». Борьбы иной, классовой, он тогда не учитывал и впоследствии не признавал.

Впрочем, в Амге был момент, когда Короленко мог сделаться, так сказать, революционером поневоле. Короленко был выслан в Якутию без установленного срока. Два других ссыльных, Ромась и Павлов, с которыми он тесно сдружился, задумали общий побег, и Короленко к ним присоединился. «Мы намеревались,

пройдя около тысячи верст гольцами (так называются вершины пролегающих этими местами гор), пробраться к Охотскому морю и там, если бы удалось, сесть на какой-нибудь американский пароход. Но это могло быть только случайно. Иначе же нам пришлось бы спуститься вдоль Охотского моря до устьев Амура и затем подыматься по Амуру обычными бродяжьими путями...». «Но в это время из России стали приходить известия о назначении сроков ссылки. Мы поневоле охладели к своему плану; брести по Амуру, на это понадобилось бы не менее трех лет. Поэтому мы с Ромасем скоро отказались от побега. Верен плану остался только Павлов, который как-то страстно на нем настаивал». Впрочем, Павлов вскоре покончил самоубийством.

Побег, эмиграция, нелегальное положение могли бы сделать Короленко революционером. Но судьба устроила иначе, — ближе к личным особенностям и склонностям писателя. Он, действительно, не был революционером, и его амгинские товарищи, наверно, это хорошо понимали. «Не революционер по всему складу натуры и взглядов» — так определил Владимира Галактионовича Н. С. Тютчев («Былое», 1923, № 23, стр. 284).

Но если не революционер, так кто же?

В поисках ответа на этот вопрос Короленко в тот достопамятный день покончил еще с одной неясностью. С ранней юности он был «народником», народником в широком, расплывчатом смысле. В 70-х годах он собирался «итти в народ». «Я строил планы переустройства своей жизни, связанные с более или менее туманными планами переустройства всего общества... Очень вероятно, что через некоторое время мы с братом кинули бы жребий, и один из нас отправился бы «в народ» (другой должен был остаться поддерживать семью — *Н. П.*), — я с Григорьевым в качестве странствующих сапожников, брат — слесарным мастером». Нельзя понимать этого ухода в народ как революционный шаг. Аптекман это раз'ясняет: «Весной 1874 г. в народ ушли, как оказалось потом, многие отнюдь не с революционными целями: ушли, чтобы узнать народ, испытать свои силы, научиться работать и проч.». Именно за этим собирался итти в народ Короленко. В его народничестве была одна особенность, которая типична для многих его современников-интеллигентов: идеализация народа, крестьянства, вера в особую «народную правду», «народную мудрость», в то, что в народе «уже созрело какое-то слово, которое разрешит все сомнения». Это было особое сентиментальное народничество типа Златовратского. Замечательно, что именно Златовратский оказал влияние на народнические взгляды Короленко; на это до сих пор как-то не обращали внимания. В день знаменательных размышлений Короленко думал так: «Вот я, во имя народной мудрости, таинственной, неопределенной, отказался от литературы, быть может моего истинного призвания. Эта неопределенная «народная мудрость» привела меня к туманностям Златовратского, а теперь приводит к тому,

против чего возмущается все мое непосредственное чувство: к смирению, к покорности». Между тем за последние годы Короленко пережил большой идеологический кризис. Революционное движение, идеалам коего он сочувствовал, обнаружило раз'единение революционеров и народа. «Народ признает то, против чего возмущается, против чего борется интеллигенция. Где же правда? И непосредственное чувство, и все, что я передумал, говорили мне ясно, что правда на стороне интеллигенции. Чувство смирения, к которому звал Златовратский, вызывало во мне одно возмущение. Если понадобится, то нужно восстать против целого народа. Я уверен, что правда в этом и только в этом». Короленко покончил с народничеством Златовратского, с идеализациями «шоколадного мужика». Впоследствии он с иронией отзывался о таком народничестве.

Но случилось, что именно в этот час раздумий к нему подошел амгинский якут, и они душевно поговорили. «Я чувствовал,— пишет Короленко,— что от этого разговора что-то у меня повернулось в душе. Любить этот народ — не в этом ли задача?» Любовь к народу, таким образом, сбереглась. Но она сильно видоизменилась. Короленко от сентиментального народничества перешел к народничеству критическому, от идеализации к изучению. И в этом он мог примкнуть к целому новому течению: «потребность узнать тот именно народ, для которого мы работаем, пробудилась тогда в интеллигенции с неодолимой силой». Вся дальнейшая деятельность Короленко была таким изучением народа, мужика — сибирского, волжского, ветлужского, уральского, украинского, румынского. Изучение через любовь оказалось связанным и с заступничеством, и Короленко прославился потом как народный правозаступник.

В этот же день Короленко бесповоротно осознал и еще одно: свое «истинное призвание». Как осуществить задачу любви к народу? «Если верен тот голос, который так ясно говорит во мне, у меня есть для этого орудие: литература. Но я одно время подавлял ее в себе во имя пресловутой народной мудрости».

Теперь с чистой совестью он мог дать простор своему огромному таланту. В Амге были написаны: «Сон Макара», «Убивец» и некоторые другие произведения. О чтении их в кругу ссыльных упоминает Аптекман. Сам Короленко рассказывает, как он читал «Сон Макара» в один из приездов из Амги в Якутск — в присутствии польского писателя Шиманского (тоже ссыльного), как это взволновало Шиманского и побудило его писать сибирские рассказы, доставившие ему потом известность. Осознавши себя в Сибири писателем, Короленко из Сибири же почерпнул свои многие вдохновения, давшие ему первую славу. Амге, Якутии и Сибири он обязан вереницей замечательных произведений: «Сон Макара», «Убивец», «Соколинец», «Черкес», «Государевы ямщики», «Последний луч», «Мороз», «Марусина заимка» и др.

Так протекли три года амгинской ссылки — в тяжелом физическом труде, в общении с местным населением, в дружеском единении с политическими ссыльными, в размышлениях о судьбах своей родины и о себе самом, в художественном творчестве. Впоследствии Короленко с удовольствием вспоминал эти годы и считал их «самым здоровым периодом» своей жизни. Судьба охранила его от многих опасностей, каким подверглись другие. Он удержался от побега, который мог бы кончиться гибелью в тайге или новой тюрьмой и ссылкой. Он не впал в отчаяние, какое привело к самоубийству Павлова и, несколько позже, Васильева. Не пришлось ему участвовать ни в одной из мрачных якутских трагедий, какова, напр., Монастыревская трагедия 1889 г., когда в Якутии были убиты многие ссыльные, оказавшие властям вооруженное сопротивление.

В 1884 году окончился срок ссылки нескольким приамгинским ссыльным. Сначала уехал Папин, потом Вайнштейн, Орлов. Потом подошла очередь и Короленко. «10-го сентября у Яммалахской пади, под большим деревом, все знакомые из Амги и ближайших улусов устроили мне проводы. Тут, помню, было все семейство Афанасьевых, Н. С. Тютчев, и еще кое-кто из амгинских... Помню легкую смесь веселья и грусти, которая царила в нашем настроении при этих проводах под развесистым деревом. Наконец они кончились, товарищи и знакомые усадили меня со старшиной Артемьевым в повозку, и я тронулся в обратный путь». Наверно при прощании Короленко наслушался благодарностей и похвал. Его очень любили в Амге. Аптекман рассказывает, что Папин, сдержанный человек, прощаясь с Короленко обливался слезами и признавался в горячей любви к нему.

М. Брагинский.

Политическая каторга в Якутской области [1].

Светлой памяти отошедших вилюйцев—М. Р. Гоца, М. М. Фундаминского, А. С. Гуревича, М. А. Уфлянда и Р. Ф. Франк-Якубович.

На докладе по делу о вооруженном сопротивлении властям 22-го марта (ст. ст.) 1889 г. в г. Якутске Александр III положил резолюцию: «Наказать примерно».

Этим росчерком пера была предрешена участь 27 политических ссыльных. Военный суд, назначенный иркутским генерал-губернатором для расправы над ними, с чисто верноподданническою свирепостью выполнил «предначертание» своего «августейшего повелителя». Сделать это было тем легче, что судьи прибыли в Якутск для исполнения возложенной на них миссии с заранее заготовленными приговорами.

Если на этот счет раньше можно было делать лишь догадки, в достаточной, впрочем, мере правдоподобные, то теперь, как это мы сейчас увидим из нижеприведенного документа, мы можем утверждать это с полною определенностью. Так, еще до окончания суда над участниками дела 22 марта 1889 г. иркутский генерал-губернатор в секретном отношении на имя исполняющего должность якутского губернатора Осташкина, между прочим, писал: «...вероятным исходом военного суда, назначенного мною для суждения государственных преступников, участвовавших в производстве 21 и 22 марта беспорядков в г. Якутске, окончившихся вооруженным сопротивлением требованиям начальства, будет присуждение значительного числа из них к пожизненным и долгосрочным каторжным работам...» [2].

С таким откровенным цинизмом представитель высшей административной власти заранее диктовал приговор, который должны были вынести облеченные им судебными полномочиями три армейских офицера, предварительно разыграв, однако, позорную комедию суда.

[1] При составлении этого очерка существенную помощь оказал мне мой друг и товарищ по каторге и ссылке М. В. Брамсон, напомнивший мне ряд фактов, изгладившихся из моей памяти.

[2] М. Кротов.—Якутская ссылка, стр. 135.

ЯКУТСКАЯ БОЙНЯ

22 марта (3 апреля) 1889 г. в г. Якутске произошло вооруженное столкновение с местными властями группы политических ссыльных народовольцев, собравшихся в числе свыше 30 человек в квартире одного из товарищей (Ноткина) в д. Монастырева. В результате столкновения со стороны полиции убит один полицейский и ранен и. д. губернатора г. Карамзин; со стороны ссыльных 6 убито (Софья Гуревич, Муханов, Ноткин, Пик, Подбельский и Шур) и несколько ранено. Согласно резолюции Александра III „наказать примерно" в июне того же года военный суд приговорил троих к смертной казни, 20 чел. к каторге и нескольких к более легким наказаниям. Утром с 6 на 7 августа смертный приговор над Альбертом Львовичем Гаусманом, Николаем Львовичем Зотовым и Львом Матвеевичем Коган-Бернштейном был приведен в исполнение, причем последний был поднесен к виселице на кровати, так как он был сильно ранен в ногу во время столкновения.

Но заботы иркутского генерал-губернатора на этом еще не кончились. Он не только снабдил судей заранее составленным по указанию свыше «примерным» приговором, но уже задолго до суда был озабочен и о создании для будущих политических каторжан соответствующего тяжести наказания тюремного режима. По этому поводу он в только что цитированном отношении к Осташкину пишет: «Признав крайне неудобным отправление этих преступников (т.-е. арестованных в день 22 марта. *М. Б.*) в числе приблизительно до 25 человек из Якутска в Забайкальскую область для отбывания каторжных работ в Карийской каторжной тюрьме, в виду сопряженных с отправкой их на столь дальнее расстояние значительных расходов, вероятности манифестаций и выражения им сочувствия со стороны расположенных по их пути следования административно-ссыльных, сравнительной легкости содержания их на Каре и, наконец, необходимости, чтобы наказание, которому будут подвергнуты лица, участвовавшие в беспорядках 21 и 22 марта, послужило примером для остальных государственных ссыльных» [1] — в виду всех этих соображений генерал-губернатор и ходатайствовал в высших правительственных сферах о разрешении водворить «преступников» для отбывания каторжных работ в вилюйскую тюрьму. Таким образом, все осужденные по якутскому процессу 1889 года и очутились в той самой вилюйской тюрьме, которая в истории русской политической каторги навсегда останется памятной, как место, где царское самодержавие более 12 лет (1871—1883) держало в заключении Н. Г. Чернышевского [2]. После освобождения Николая Гавриловича тюрьма пустовала шесть лет, и о ней вспомнили лишь тогда, когда правительство, по вышеприведенным соображениям, нашло необходимым изолировать осужденных по делу 22-го марта 1889 г. от остального мира сибирской каторги и ссылки. Эта изоляция проводилась настолько строго, что еще до прибытия осужденных в Вилюйск все политические ссыльные, находившиеся в то время на поселении в Вилюйском округе, были переведены в Якутский округ.

Таким образом, власти серьезно проектировали создание нового центра политической каторги, где, как это видно из цитированного нами выше документа, они рассчитывали установить для политических заключенных примерно-суровый режим. Но, как мы увидим дальше, все эти расчеты и предположения высшей администрации совершенно не оправдались.

* *
*

Между конфирмацией судебного приговора и отправкой осужденных в вилюйскую тюрьму прошло более четырех месяцев, которые они, уже закованные в кандалы, провели в якутской тюрьме. Отсюда в течение декабря 1889 г. все они отдельными

[1] М. Кротов.—Якутская ссылка, стр. 135—136.

[2] О пребывании Чернышевского в вилюйской тюрьме см. помещенную в этом же сборнике статью Е. С. Коц: «Чернышевский в Вилюйске».

партиями по пяти человек под конвоем казаков были отправлены в санях (в кошевах) в Вилюйск. Путь от Якутска до Вилюйска около 700 верст на лошадях (один перегон пришлось сделать на оленях) продолжался около полутора недель. Выезжая ранним утром, мы обыкновенно прибывали на ночлег поздно вечером. Полузамерзшие, мы быстро втаскивали в юрту свои постельные принадлежности и мешки с провизией, торопливо разогревали замороженные щи и молоко, поджаривали замороженные рубленые котлеты на весело потрескивавшем огне ярко пылавшего камелька, ставили самовар и, в ожидании обеда, сами располагались у самого огня на кошмах и цыновках, отогревая и расправляя свои закоченевшие на 50-60-градусном морозе руки и ноги, растирая замороженные уши и носы, освобождая ресницы, усы и бороды от облепивших их ледяных наростов. Ни на минуту не давали мы замирать благодатному пламени нашего очага, служившего нам драгоценным источником и тепла и света. Все сильнее и ярче разгорался он от беспрерывно подкидываемых ему в пасть сухих веток и полешек заранее собранного в тайге бурелома. С шумом и треском взвивался огонь по трубе камелька, откуда затем он вырывался сверкающим вихрем искр, сплетавшихся и кружившихся в каком-то причудливом, веселом танце. С какой жадностью, бывало, мы, усталые невольные путники, после целого дня утомительной езды тайгой, по замерзшей тундре, закоченевшие от холода, с наступлением ночи нетерпеливо вглядывались в темную морозную даль, подстерегая снопы высоко взлетающих над юртой искр, ярким заревом освещающих на большом пространстве окутанную морозною мглою снежную равнину. Как счастливых вестников, встречали мы эти кружившиеся вдали искры, манившие нас близким отдыхом и теплом. И часто, в нетерпеливом ожидании появления этих красных вестников света и тепла, с напряжением всматриваясь пронизывающим взглядом в сгущающуюся тьму, мы видели их там, где их не было, принимая обман зрения за желанную действительность.

Постепенно, группу за группой, перевезли нас из якутской тюрьмы в Вилюйск, и к самому началу 1890 г. мы все уже были в сборе на нашем тюремном новоселье. Нас было двадцать человек [1], не считая оставшегося после казненного Л. М. Когана-Бернштейна трехлетнего сына, которому суждено было вместе с матерью и ее товарищами коротать дни под замком каторжной тюрьмы.

Многие из собравшихся под общей тюремной кровлей лишь впервые встретились в Якутске, куда все они, в качестве административно-ссыльных, отдельными партиями с'ехались к концу

[1] Вот имена этих двадцати новых обитателей вилюйской тюрьмы: О. С. Минор, М. Р. Гоц (умер), М. П. Орлов, М. А. Брагинский, М. М. Фундаминский (умер), А. С. Гуревич (умер), М. В. Брамсон, М. А. Уфланд (ум.), С. Ратин (вскоре увезенный из тюрьмы и скрывшийся с нашего горизонта), О. Б. Эстрович, М. Б. Эстрович, К. М. Терешкович, Л. Л. Берман; женщины: А. Д. Болотина, Н. О. Коган-Бернштейн, Е. Я. Гуревич-Фрейфельд, Р. Ф. Франк-Якубович (ум.), П. И. Перли-Брагинская, В. С. Гассох-Гоц, А. Н. Шехтер-Минор.

1888 и началу 1889 годов. За исключением немногих отдельных товарищей, принадлежавших к крупным буржуазным семьям, осужденные по делу 22-го марта 1889 г. по своему социальному составу и политическому направлению представляли из себя довольно однородную группу молодых интеллигентов-революционеров средне и мелкобуржуазного происхождения. Все они, большей частью учащиеся высших и средних учебных заведений, входившие в состав подпольных народовольческих кружков, до административной ссылки в Якутскую область занимались организационной и пропагандистской работой среди молодежи и рабочих.

Такова была по своему социальному составу и политическому направлению группа товарищей, которым впервые, вдали от обычного района сибирской политической каторги, приходилось создавать первую тюремную общину политических каторжан в Якутской области.

* * *

Трагические события мартовских и августовских дней сплотили всех осужденных на каторгу в крепкую и дружную семью. Им предстояло жить. Казненные товарищи в своих предсмертных письмах завещали им мужественно итти навстречу новым испытаниям, оставаться верными своему революционному знамени и продолжать то дело, за которое они отдали свои молодые жизни.

Время шло. Почти пять месяцев протекло от начала кровавых событий до того момента, когда все осужденные собрались вместе в стенах вилюйской тюрьмы. Острая боль мучительных переживаний несколько улеглась. Хлопотливые сборы в дорогу, длительное путешествие в разгар суровой якутской зимы, догадки и предположения насчет вилюйских каторжных перспектив — все это невольно направляло мысль в сторону повседневных житейских забот. Перед нами стояла серьезная и ответственная задача — строить на девственной почве новую политическую каторжную коммуну, закладывать основы нового тюремно-политического общежития. Но прежде, чем перейти к этой основной части своих воспоминаний, я скажу несколько слов о том, что представляла из себя вилюйская тюрьма в годы пребывания в ней осужденных по делу 22 марта 1889 года.

Вилюйская тюрьма, расположенная на высоком берегу реки Вилюя, занимала довольно обширную площидь в 25 с лишним саж. в длину и 19 саж. в ширину, отгороженную со всех четырех сторон от внешнего мира высокими палями. Одноэтажное деревянное здание в 9 саж. длины, в 7 саж. ширины и 2 саж. вышины [1], предназначенное для жилья заключенных, можно было принять за обыкновенный, несколько растянувшийся, большой жилой дом. Как мало это здание походило на обычную тюрьму, видно уже из одного того, что даже большие окна его не были забраны железными решетками и свободно раскрывались, как во всяком жилом помещении.

[1] Все приведенные здесь цифры заимствованы нами из цитированной уже книги тов. Кротова.

По трем ступенькам невысокого крыльца, находившегося как раз против тюремных ворот, мы через одностворчатую дверь попадали в светлую переднюю в два окна. В правом переднем углу ее стояла бочка с водой, несколько поодаль от нее был приколочен к стене умывальник, под которым стоял большой чугунный котел. Из передней первая дверь налево вела в комнату старшего надзирателя, вторая—в комнату-одиночку, куда временно помещались отдельные товарищи, по состоянию своего здоровья нуждавшиеся в полном покое. Дверь с правой стороны вела в первую мужскую камеру—довольно просторную комнату в два окна. Вдоль правой стены ее тянулись деревянные нары, на которых были в ряд разложены постели ее обитателей, прикрытые собственными домашними одеялами, с собственными пуховыми подушками.

Из передней мы входили в обширный выбеленный зал, вдоль которого посредине тянулся ряд (4—5) деревянных колонн, подпиравших потолок. У задней стены этой просторной и достаточно светлой комнаты стояла длинная деревянная скамья и соответствующего размера стол, за которым мы совершали свои ежедневные трапезы. Правая часть стены почти до самого верха была занята полками с книгами.

Две двери из нашего зала вели: первая — во вторую мужскую камеру; вторая—в женскую камеру—комнату, в которой некогда жил Н. Г. Чернышевский. Это была обыкновенная жилая комната, довольно просторная, светлая, в два окна. Стены ее были оклеены обоями, потолок был обтянут белым полотном. Вдоль обеих боковых стен стояли семь (по числу обитательниц) железных коек с набитыми сеном матрацами, чисто и аккуратно застланными собственными простынями, одеялами и подушками. У каждой койки — деревянная табуретка и самодельная тумбочка. Словом, комната наших каторжанок скорее всего напоминала помещение для общежития, где царили, однако, порядок, чистота и даже домашний уют.

Позади главного здания, в конце двора, стояли две надворные хозяйственные постройки; в одной помещались кухня и пекарня, а в другой — баня, служившая также прачечной, в которой заключенные стирали свое белье. Внешняя стража, окарауливавшая тюрьму, состояла из казачьей команды в 20 человек; внутренний же надзор над заключенными был вверен трем надзирателям, из которых старший почти постоянно жил в тюрьме, а два младших — сменялись через день, дежуря по ночам. Ночью на стук заключенных дежурный отпирал камеры, которые запирались лишь на ночь, зимой — часов в 10, летом — не раньше 12 часов. В соответствии с общим характером режима, установившегося в вилюйской тюрьме с первых же дней нашего пребывания в ней, отношение к нам со стороны обоих младших надзирателей было очень дружелюбное. Они, между прочим, оказывали нам немаловажные услуги в качестве посредников в наших сношениях с вольным миром, переправляя родным и товарищам наши кон-

спиративные письма. Только старший надзиратель, старый казак Большаков, держался более или менее официально, стараясь не забывать, что и он в некотором роде начальство. Роль начальника ему, однако, плохо удавалась. Равнодушный ко всему окружающему, почти весь день спавший в своей комнате, старик, повидимому составил себе представление о нас, как о людях, хотя и подневольных, но все же живущих под попечительным оком начальства в тепле и сытости, без забот и печалей. Вспоминается по этому поводу курьезная беседа с этим туповатым, пассивным стариком. Разговаривая о житье - бытье вилюйском в тюрьме и за ее стенами и характеризуя образ жизни заключенных, наш старый надзиратель однажды заметил:

— Вам-то жаловаться не приходится... Ваша жизнь — одна пишша...

И в тоне, каким были произнесены эти слова, не было ни малейшей иронии или шутки. Напротив, они были сказаны с полною искренностью, и слышалось в них чувство нескрываемой зависти.

Словом — не житье, а масленица! — такой казалась старому казаку под его особым углом зрения наша подневольная жизнь. В условиях того своеобразного режима, который установился в вилюйской тюрьме, таким близоруким и ограниченным тупицам, как Большаков, наше каторжное существование, не возмущаемое никакими специфическими тюремными «инцидентами», протекавшее с внешней стороны спокойно и мирно, пожалуй, и могло казаться жизнью людей, вполне довольных своей судьбой. Присмотревшись же к ней поближе, не трудно было бы заметить, что жизнь заключенных в вилюйской тюрьме далеко, конечно, не сводилась только к одной «пишше».

* * *

Материальной базой нашего тюремного хозяйства служил почти исключительно казенный паек, правда, может быть, несколько более обильный по сравнению с обычным тюремным пайком, но все же недостаточный для нормального питания здорового человека. На каждого из заключенных выдавалось по 150 золотников ржаной муки, 1 фунт мяса и для приварка — ячневая крупа. Это — все. Денег от родных никто не мог получать, так как все денежные поступления на имя заключенных подвергались конфискации и шли на покрытие судебных издержек по нашему делу. Раз или два одним из товарищей были получены деньги конспиративным путем в книжных переплетах. Лишь позднее изыскали мы новый источник, из которого мы извлекали небольшие денежные суммы, когда начали продавать излишки муки, остававшиеся у нас от пайка. Эту муку, обычная цена которой в городе была 5—6 руб пуд, мы продавали по 3 рубля.

Таким образом, у нас составлялся небольшой денежный фонд, из которого часть выделялась на нужды больных товарищей, остальная сумма шла частью на улучшение общего котла, частью

же распределялась равными долями («эквивалент») между всеми членами нашей тюремной коммуны.

Наша коммуна была построена на началах полного равенства. Кроме необходимой одежды и обуви, никакой другой частной собственности у членов коммуны не было. Весь казенный паек, поступавший в наше бесконтрольное распоряжение, как и другие продукты, получавшиеся со стороны кем-либо из товарищей, шли в общий котел. Тот же принцип безусловного равенства соблюдался, как указано выше, и при распределении денежных сумм (система «эквивалента» была введена нами по образцу наших старших товарищей, политзаключенных карийской каторжной тюрьмы).

Размеры «эквивалента», достававшегося на долю каждого члена вилюйской коммуны, были ничтожны и никогда не превышали рубля в месяц. Продуктовые посылки, получавшиеся иногда некоторыми товарищами, принадлежавшими к более богатым семьям, были довольно редки. Поэтому наша «пища» (ели мы только один раз в день) не блистала ни обилием, ни разнообразием. И сплошь и рядом случалось, что мы сидели без сахара, и кирпичный чай с ржаным хлебом утром и вечером заменял нам утренний завтрак и вечерний ужин. Между этим завтраком и ужином наша основная еда — обед — состояла из баланды (суп с ячневой крупой) и очень небольшого куска вареного мяса. Курили мы, за крайне редкими исключениями, махорку, крутя «собачью ножку».

Для управления хозяйством тюремная коммуна избирала из своей среды старосту на неопределенный срок. Но когда на опыте выяснилось, что исполнение довольно сложных и хлопотливых обязанностей старосты было делом далеко нелегким, коммуна выделила из себя группу товарищей, которые по своим хозяйственным способностям были признаны наиболее подходящими кандидатами для занятия этой ответственной должности. Эти товарищи поочередно (каждый в течение двух месяцев) и исполняли обязанности старосты нашей коммуны.

Обязанности эти заключались в сношениях со смотрителем тюрьмы, от которого староста получал продукты; в переговорах с поваром об обеденном меню для здоровых и больных (для которых мы покупали пшеничный хлеб и молоко) и т. д.

Кроме старосты, наша коммуна, которая существовала на началах самого широкого самоуправления, никогда не нарушавшегося вмешательством со стороны тюремного начальства, назначила из своей среды целый ряд других должностных лиц, между которыми и делились разнообразные работы, связанные с ведением нашего тюремного хозяйства и с поддержанием заведенных нами в нашем общежитии порядков. Все эти работы исполнялись исключительно силами самих членов коммуны на началах коллективного самообслуживания. Впрочем, при тюрьме состоял якут-рабочий, возивший из-за ограды тюрьмы воду и дрова. Кро-

ме того, от времени до времени появлялся в тюрьме и другой якут для чистки нашей уборной.

В процессе исполнения необходимых по хозяйству работ мало-по-малу установился порядок, по которому каждый член коммуны последовательно переходил от одной работы к другой, поочередно исполняя обязанности повара, самоварщика, уборщика. Только пекари у нас были постоянные, работа же судомоек лежала на обязанности женщин, убиравших обеденную и чайную посуду.

Тюремный день в Вилюйске начинался с 8-9 ч. утра. К этому часу самовар уже стоял на столе, и все мы собирались к чаю. Как уже сказано было, чай мы пили кирпичный и обыкновенно без сахару, с одним ржаным хлебом. После чая дежурные принимались за очередные работы: повар отправлялся на кухню с полученными от старосты продуктами; пекарь отправлялся в хлебопекарню, уборщик подметал комнаты и т. д. Все остальные товарищи, свободные от очередных работ, усаживались за книги.

* * *

Книги — вот что наполняло содержанием жизнь нашей коммуны! И, перефразируя известные уже читателю слова нашего старшего надзирателя, можно было бы сказать и, разумеется, с гораздо большим основанием: «Наша жизнь—одни книги!».

Чтению, книжным занятиям большинство товарищей предавалось с необычайным усердием и отнюдь не для того, чтобы как-нибудь заполнить свои досуги и, таким образом, незаметнее скоротать монотонный и однообразный тюремный день. Нет, эти занятия, которыми наиболее ретивые порою увлекались до самозабвения, отличались всеми признаками самой серьезной, настойчивой и систематической учебы. Точно подхлестываемые неутомимою жаждою знания, осужденные на долгосрочную и на пожизненную каторгу вилюйцы с каким-то остервенением набрасывались на книги, стараясь извлечь из них максимум того, что они могли дать. Занимающиеся спешили использовать для учебы каждую свободную минуту короткого зимнего дня, тем более, что длинные зимние вечера в тюрьме не благоприятствовали серьезным занятиям: на всю тюрьму выдавали всего одну сальную свечу для общего зала и по полсвечки на каждую из трех камер; самим же покупать свечи не на что было.

Зимой заключенные расходились по своим камерам к 10 часам. Поэтому от общей свечи на следующий день оставался более или менее значительный огарок. Вот этот-то огарок и старались использовать те 5—6 товарищей, которые с непобедимым упорством «грызли молодыми зубами гранит науки». Они поднимались с своих постелей задолго до рассвета, часов в 5 утра, и один за другим, кутаясь в свои серые халаты, неслышными шагами, чтобы не разбудить спящих, выходили из своих камер с книгой, учебником, с тетрадью в руках, спеша захватить наи-

более удобное место за столом у заветного сального огарка. Получалась любопытная картина: суровая зимняя ночь глядит в окна обширной тюремной комнаты, наполняя тьмою ее простор. Только в отдаленном углу ее заметна светящаяся точка, отбрасывающая свой бледный колеблющийся отблеск на силуэты столпившихся вокруг нее людей. Все они тесно сгрудились, стараясь быть ближе к тусклому неровному пламени свечи. Сидящим по сторонам счастливца, успевшего опередить других и примоститься у самой свечи, приходится тянуться к свету. Но вот, наконец, все уселись на своих местах, и свеча устанавливается в такой точке стола, чтобы свет ее с максимальной справедливостью распределялся между всеми читающими; после этого пришедшие «на огонек», приняв более или менее удобные позы, раскладывают перед собою свои книги и погружаются в глубоко сосредоточенное и молчаливое чтение. Воцарялась полная тишина, нарушавшаяся только потрескиванием нагоравшей и оплывавшей сальной свечи, шелестом переворачиваемых страниц да движением карандаша по бумаге, на которую тот или иной из читающих заносил какую-либо цитату из книги или какую-либо заметку по поводу прочитанного.

Это было настоящее священнодействие, которому молодые политкаторжане вилюйской тюрьмы предавались напряженно и настойчиво, со всей энергией, на какую способна только пытливая мысль, движимая непобедимым стремлением к научному знанию. С особенной страстью отдавался книжным занятиям покойный М. Р. Гоц. Он всегда первый приходил «на огонек» и захватывал самое лучшее место за столом. Несмотря на сильную болезнь глаз, он, кажется, не пропустил ни одного дня и в урочный час он сидел у сального огарка, не отрываясь от книги до полного рассвета, когда камеры отпирались, и пробудившаяся тюрьма своим шумом и движением напоминала о переходе к очередным повседневным делам.

Для остальных членов коммуны, не участвоваших в этих ночных предутренних бдениях, книги, журналы, газеты также представляли огромный интерес и заполняли все их досуги. И тут надо опять-таки отметить, что в деле снабжения книгами вилюйская тюрьма была поставлена в исключительно благоприятные условия. Благодаря литературным связям установившимся еще на воле, а также заботам родных и друзей заключенных, некоторые лучшие издательства того времени—Павленкова, Пантелеева, Панафидиной и др., а также редакции почти всех прогрессивных журналов охотно и бескорыстно откликнулись на просьбу снабжать заключенных вилюйской тюрьмы их изданиями. Таким путем в вилюйской тюрьме с течением времени составилась довольно богатая библиотека по самым разнообразным отраслям науки и литературы.

У меня в руках имеется несколько писем одного из заключенных в вилюйской тюрьме, относящихся к лету 1890 и к весне 1891 года, адресованных им своим родным. О чем же он сообщает

в этих письмах? Почти исключительно о книгах, журналах, газетах. Я позволю себе привести некоторые выписки из этих писем, которые знакомят нас с научно-литературными склонностями и вкусами вилюйских пленников и лучше всего характеризуют те настроения и те духовные интересы, которые их волновали и помогли им сохранить крепкую идейную связь со всем, что было лучшего в мире мысли и борьбы и от которых их отделяли необозримые пространства сибирской тундры и тайги.

«Желательно было бы,—сообщается в одном из этих писем,—получить несколько серьезных монографий по истории, особенно по истории средних веков и новой. Желательно было бы также получить еще некоторые издания Павленкова и Пантелеева, как напр., Герцена, Физиология души; Хэк-Тьюка, Влияние души на тело; Спинозы, Этика; также популярные книжки по философии естествознания: Тэта, Максуэля, Тиндаля, Гельмгольца, Гершеля и др. Хотелось бы иметь Сеченова, Психологические этюды и т. п. «Вестник Европы» № 11 и одиннадцать книжек «Рус. Старины» получены».

«Дорогие мои, заранее извиняюсь за нескладность моего письма, — читаем мы в другом месте. — Я очень взволнован небывалым обилием полученного газетного материала (60 номеров «Русских Ведомостей» и столько же нумеров «Temps»), разнообразием их содержания и поэтому ни на чем другом не могу сосредоточиться».

Говоря о вынужденном бездействии, об оторванности от жизни, автор цитируемых нами писем, отражая интересы и настроения всех своих товарищей, пишет, что «в беспредельной области теоретической мысли» он находит «то высокое нравственное удовлетворение, которое одно только и может скрасить мрачные стороны жизни нашего брата». «Но по газетам и журналам нашим, — продолжает он дальше, — насколько это возможно, я слежу за развитием жизни с прежним неослабевающим интересом».

«Книги и книги — они один источник моего умственного и нравственного удовлетворения! — с пафосом восклицает тот же товарищ в другом письме к сестре.—Теперь ты можешь понять, как велика моя и всех моих товарищей благодарность тебе и всем лицам, содействовавшим этому делу, за тот богатый книжный подарок, который принесла последняя почта. И с прошлой почтой нами получены «Русские Ведомости», «Русская Мысль», «Наблюдатель», «Юридический Вестник», «Вопросы философии и психологии», «Вестник Воспитания»; кроме того, некоторыми другими товарищами получены «Журнал Гражданского и Уголовного права» и несколько немецких изданий»... «Достань два новых интересных сочинения: «История XIX века» Файфа и «Сущность исторического процесса» Кареева».

Сообщая там же об увлечении вилюйцев книгами, он пишет в новом письме: «У нас, за исключением двух-трех человек,

все занимаются довольно серьезно, и наша тюрьма образует теперь настоящую школу... все располагаются по разным закоулкам — во дворе на траве, в кухне и даже на чердаке, или же просто прохаживаясь по двору — повсюду с книгами в руках... Особенно налегли у нас на изучение языков; почти все без исключения изучают или французский, или немецкий, или английский, или несколько языков сразу... Я теперь довольно порядочно читаю такие книги, как Гейне, Шекспира (во французском переводе). Почти свободно без словаря читаю «Temps», которую мы изредка получаем из Парижа. В этой газете я прочитал выдержку из английской газеты «Standart», которая в фантастическом виде изобразила историю 22 марта, и о таком выдающемся событии, как отставка Бисмарка. В «Русских Ведомостях» я с захватывающим интересом читаю такие сообщения, как замечательная победа немецких социал-демократов, Берлинская конференция по рабочему вопросу и т. п.».

Мы видим, таким образом, что наукой, литературой (включая беллетристику, занимавшую солидное место в вилюйской библиотеке) вилюйские политкаторжане интересовались очень сильно. События на западе и в России, хотя и с большим запозданием приходившие, для них все же сохраняли всю привлекательность свежести и новизны. Немудрено, поэтому, если день прибытия почты, приходившей только раз в месяц, а в пору осенней и весенней распутицы — раз в два - три месяца, был поистине большим днем в тюрьме, вызывавшим чрезвычайный под'ем настроения среди ее обитателей.

Иной из особенно нетерпеливых товарищей в этот долгожданный день с утра по лестнице, ведущей на чердак, взбирался на крышу тюрьмы, с напряженным вниманием всматриваясь в сторону, откуда должен был показаться почтовый караван. И как только он замечал вдали появление верховых с переметными почтовыми сумами у седла, из уст его вырывался громкий радостный крик: «Почта! Почта!..».

Только люди, отрезанные от живого внешнего мира, на десятки тысяч верст от него заброшенные в тайгу и тундры Сибири, целыми месяцами дожидавшиеся вестей от друзей и родных, могут понять все непобедимое очарование этих магических слов. Как по сигналу срывались с своих мест обитатели тюрьмы, бросая все работы, и шумной толпой собирались у ворот в ожидании, когда смотритель вызовет старосту в контору за получением почты. Наступал, наконец, и этот счастливый момент, а четверть часа спустя мы уже встречали возвращающегося старосту, принимая у него из рук пакет с письмами и помогая тащить мешки с книгами, которыми он был нагружен. После прочтения полученных писем, мы, «волнуясь и спеша», начинали разбирать книги, газеты и журналы, которые быстро расходились по рукам товарищей и целиком овладевали их вниманием. На несколько дней жизнь нашей коммуны выходила из своей обычной колеи. Письма, газеты и журналы приносили кучу интересных новостей

из родных далеких краев; целый рой мыслей и чувств поднимали они в душе каждого заключенного; вызывали живой, порою бурный обмен мнениями; возбуждали непреодолимую потребность высказаться и на темы, которые трудно было исчерпать в случайной повседневной беседе. Словом, почта приводила всю тюрьму в состояние чрезвычайно повышенного идейного возбуждения.

* * *

В этой-то идейно-насыщенной атмосфере и зародилась мысль об издании тюремного (разумеется, рукописного) журнала, в котором можно было бы использовать богатый материал, для многих остававшийся скрытым в необозримом ворохе газет, в изобилии скоплявшихся в нашей библиотеке. От слов скоро перешли к делу. Было решено приступить к изданию непериодического «Вилюйского Сборника». Редакция его состояла из двух лиц — М. Р. Гоца и О. С. Минора. Определился и состав сотрудников, в числе которых, кроме двух редакторов, насколько помнится, были М. И. Фундаминский, Терешкович, Анастасия Н. Шехтер, Брагинский. Энергично принялись сотрудники за работу, и вскоре наше литературное детище, в виде довольно толстой тетрадки, увидело свет.

Теперь, по прошествии более 36 лет, очень трудно восстановить в памяти, хотя бы приблизительно, содержание нашего «Вилюйского Сборника». В номере, кажется, были помещены статьи всех перечисленных выше сотрудников. Помнится, что моя статья (составленная по газетным и журнальным материалам) давала общий очерк рабочего движения на Западе, при чем ее центральным пунктом была первомайская демонстрация, впервые тогда (1890 г.) организованная по постановлению Международного Социалистического Конгресса в Париже 1889 г. Статья Минора представляла из себя обзор внутренней жизни России; в статье Терешковича дана была критическая оценка статей, помещенных в «Сборнике». Содержания остальных работ не помню.

Выход «Сборника» в свет был крупным событием в жизни нашей коммуны. Все члены ее, и особенно авторы, которые должны были предстать на суд товарищей, прониклись важностью и ответственностью момента. В день появления «Сборника» вся тюрьма собралась в женской камере на общее собрание, специально созванное для чтения статей. Статьи читались самими авторами. Собрание прошло довольно оживленно и в общем публика и авторы остались, кажется, довольны друг другом. Наш первый литературный опыт имел несомненный успех.

Несколько месяцев спустя был выпущен второй номер «Вилюйского Сборника», на котором и закончилась наша литературная деятельность. Вероятно, на прекращение нашего издания повлияло предстоявшее нам в близком будущем переселение в подлинно каторжные тюрьмы — карийскую и акатуевскую, о чем у нас уже ходили слухи.

Бывали у нас в тюрьме и другие большие дни. Это прежде всего дни, отмеченные какими-либо выдающимися событиями в истории революционного движения. Однако, эти празднества у нас не получили широкого распространения, так как, насколько помнится, мы начали их вводить уже в последний период нашего пребывания в Вилюйске, и потому они у нас не успели привиться. Все же мы торжественно проводили в тюрьме день рождения П. Л. Лаврова, учителя и вождя «Народной Воли», сторонниками которой считали себя почти все члены нашей коммуны.

В этот день в нашем колонном зале выставлялся, на высоком мольберте, на видном месте, превосходно написанный тушью нашей же каторжанкой Болотиной, художницей по образованию, большой портрет Лаврова, украшенный красной материей и зеленью. Наш староста, жиловатый в обычное время, в этот день не скупился — готовился улучшенный обед с третьим сладким блюдом (особой изобретательностью в этих случаях отличался А. С. Гуревич, прославившийся приготовлением сладкого рисового пудинга с особым соусом, под названием «сабайон»). Вечером устраивались танцы, дружным хором пели песни, революционные и общенародные (были и солисты) и все беспечно предавались самому искреннему веселью, сопровождавшемуся играми, шутками, декламацией. Праздник наш затягивался за полночь.

Из других революционных праздников, проводившихся в вилюйской тюрьме, вспоминаю торжественные поминки, устроенные у нас в годовщину 1-го марта 1881 года.

Помимо этих больших революционных праздников, мы «праздновали» в тюрьме традиционные дни Рождества и Пасхи, которыми мы пользовались исключительно как поводом, чтобы полакомиться вкусными яствами в виде пирогов с превкусной сибирской нельмой, пасок, куличей и т. п., которые изготовлялись нашими собственными поварами. Праздновали мы также и дни рождения каждого из членов нашей Вилюйской коммуны.

* * *

Наши книжные занятия (учеба) в тюрьме шли круглый год почти без перерыва. Но летом нам поневоле приходилось месяца на два (20 мая — 20 июля), если не совсем приостанавливать их, то во всяком случае довольно сильно ими манкировать. Это была бедственная и мучительная пора появления комаров, мошкары, и всякого «гнуса», как называют в Сибири назойливо и звонко жужжащую, до крови жалящую и колющую тварь, которая тучами носилась по всему пространству нашего обширного двора, заполняла все наши жилые помещения, сплошной массой облепляла стены, потолки, окна. Оставить их на ночь в камерах значило обречь себя на бессонную мучительную ночь и отдать им себя на с'едение. И вот каждый вечер, перед отходом ко сну, против набившихся за день в нашей камере маленьких крово-

жадных хищников предпринималась сложная кампания для изгнания их оттуда. С этой целью в каждой камере мы разводили «дымокур», т.-е. брали кучу сухого навоза и, сложив на железный лист посреди камеры, поджигали его. Навоз тлел, не разгораясь, но пуская клубы густого и едкого дыма, который наполнял собою все комнаты. Спасаясь от дыма, комары широкими черными потоками летели вон, через настежь раскрытые окна наших трех камер, во двор. Эта процедура изгнания врага длилась не менее часа, и когда, наконец, стремительные потоки улетавших комаров иссякали, дымокуры выносились из камер, окна и двери их плотно закрывались, и хотя запах дыма долго еще давал себя чувствовать, но зато можно было себя считать более или менее обеспеченными от нападения комаров ночью.

Днем от комаров, конечно, не было отбою. Поэтому мы и днем разводили в наших помещениях «дымокуры», особенно в зале во время обеда. Искали мы, правда, без особенного успеха, убежища от преследовавших нас хищников в наших летних палатках. Эти палатки, которые сооружались из простынь, мы раскидывали на тюремном дворе, как бы располагаясь в них на лето лагерем. И тут каждый раз, прежде, чем скрыться под полотном палатки, и в ней предварительно разводили «дымокур», чтобы выкурить забравшихся туда комаров. Это удавалось впрочем лишь на короткое время, так как назойливые твари проникали к нам через все преграды. Насколько, однако, было возможно, мы в этих палатках продолжали свои занятия, читая свои книги или занимаясь иностранными языками. Площадь двора между задней стеной главного здания, кухней и баней оставалась свободной и была предназначена для игры в крокет, которою многие товарищи сильно увлекались. Все необходимые для игры принадлежности—молотки, шары, ворота — сделаны были все тем же нашим незаменимым мастером на все руки Сашей-ангелом, как мы называли А. С. Гуревича, общего любимца всей Вилюйской коммуны.

* * *

Мне остается еще несколько остановиться на отношениях, существовавших между заключенными и смотрителем тюрьмы. И здесь приходится также сказать, что отношения эти были весьма далеки от обычного типа отношений, создававшихся между тюремщиками и их жертвами. Начать с того, что наш смотритель, хорунжий Свешников, никогда не вмешивался во внутренний распорядок нашей тюремной жизни, предоставив нам широкое право самоуправления. Он даже вообще редко показывался у нас в тюрьме; если ему нужно было по какому-нибудь поводу переговорить с нашим старостой, то он обыкновенно приглашал его к себе в контору.

Но обязательно и не без торжественности появлялся он у нас в праздники Рождества и Пасхи. Облаченный в свой парадный офицерский мундир, он в сопровождении своего помощника появлялся в нашем колонном зале и, подходя к каждому из нас

и пожимая руки, поздравлял с праздником. Мы, как гостеприимные «хозяева», приглашали его к столу отведать наших яств. После непринужденной беседы, продолжавшейся минут 10, «гости» поднимались со своих мест и, откланиваясь и благодаря за гостеприимство, так же торжественно удалялись. В праздники (да и не только в праздники) мы меняли свои серые бушлаты на собственные косоворотки и даже снимали кандалы. Свешников на это не обращал ни малейшего внимания, не замечал этого или делал вид, что не замечает того, как либерально обращались заключенные с кандалами, снимая их всегда на ночь и редко надевая их днем. Во всяком случае Свешников по этому поводу никогда никаких разговоров не поднимал. Надо сказать, что хотя наш смотритель был в офицерском чине, но происходил из простых казаков. Дальше этого первого чина хорунжего он не шел, хотя ему было уже лет 45. Несмотря на это, Свешников, этот простой казак, оказавшийся в чести, все время оставался в высшей степени скромным и, повидимому, не злым человеком. Ни тени высокомерия, никаких начальственных повадок, по крайней мере по отношению к нам, он никогда не обнаруживал. Всегда удивительно ровный, никогда не повышавший тона, он относился к нам в высшей степени корректно и просто, без всякой рисовки и позы. Это, повидимому, был человек, совершенно лишенный специфических свойств профессионального тюремщика.

Совершенно иным был его молодой помощник Казанцев, пустой мальчишка, лет 19. Конечно, и он относился к заключенным с большой учтивостью, никогда не позволяя себе ни малейшей грубости. Но все же в нем чувствовался карьерист, и в интересах своей будущей карьеры он полагал более благоразумным держать себя на некотором расстоянии от каторжан и соблюдать ту официальность, в которой так и сквозило горделивое сознание своего начальственного превосходства. Разумеется, он никогда ничем не осмеливался обнаруживать это перед нами. Наоборот, Казанцев старался иногда порисоваться искренним нашим доброжелателем. Например, когда после смерти Свешникова Казанцев вступил в исполнение должности смотрителя тюрьмы, то, желая на своем новом посту завоевать наши симпатии, дал нам понять, что при нем нам будет житься лучше, что он будет нам выдавать продукты лучшего качества, чем при покойном смотрителе, и т. п. Мы, конечно, к этим авансам бестактного мальчишки отнеслись достаточно холодно.

Кроме нашего непосредственного начальства к нам в гости жаловал и представитель высшей административной власти в Вилюйске, пан исправник Антонович, поляк по происхождению, тип в своем роде весьма любопытный. При свойственном ему, как всякому поляку, патриотизме, который, как это было почти неизбежно при царском режиме, содержал в себе некоторую примесь оппозиционного душка, исправник не прочь был полиберальничать и прослыть в наших глазах передовым человеком. Являясь к нам в тюрьму, он направлялся к женской камере

и просил разрешения войти. Это ему разрешалось. Раскланявшись со всеми присутствующими, он присаживался к столу, и у нас с ним завязывалась оживленная беседа, преимущественно по вопросам высокой внешней политики. При этом он не боялся показать себя явным противником тогдашней внешней политики в самых основах ее, особенно резко выступая против франко-русского союза. С большим ожесточением набрасывался он на «этого негодяя Деруледа», а заодно и на российского барда франко-русской дружбы М. Н. Каткова и его «Московские Ведомости».

Помню, в одно из своих очередных посещений Антонович в припадке либерализма до того разоткровенничался с нами, что после обычной трепки, заданной им ненавистному Деруледу, сделал нам «конфиденциальное» сообщение, затрагивающее уже область чисто внутренней политики правительства.

— Могу вам сообщить,—таинственно начал Антонович,—что сюда ко мне прислан под надзор полиции один политический. И можете себе представить, за что человека сослали? — тоном благородного негодования спросил он, обводя всех нас своим испытующим взором и как бы стараясь прочесть на наших лицах нужный ему ответ.

И так как мы молчали, то наш собеседник, заранее предвкушая необыкновенный эффект, который должны были произвести его слова, после минутной паузы произнес с расстановкой, отчеканивая каждое свое слово:

— За то, что он пролетарий!..

Мы знали, что речь идет о «пролетариатце» т. Лонцком, с которым мы уже успели войти, при помощи наших надзирателей, в конспиративную переписку. Он был выслан за принадлежность к польской революционной организации «Пролетариат». В этом слове и скрыт был источник курьезного недоразумения, жертвой которого, по своему политическому невежеству, стал наш либеральный исправник. Мы, конечно, оставили нашего собеседника в его забавном заблуждении и ясно дали ему понять, что разделяем его возмущение по поводу варварской политики русского правительства, подвергающего человека ссылке только за то, что он пролетарий.

* * *

Жизнь жестоко насмеялась над проектом иркутского генерал-губернатора — создать в Вилюйске для осужденных по делу 22 марта 1889 года каторжную тюрьму, которая наводила бы смертельный страх на всех остальных политических заключенных и ссыльных Сибири. В действительности создалось положение прямо противоположное тому, какое рисовалось творческой фантазии представителя высшей административной власти в крае. Вопреки всем его расчетам, дружной, крепко сплоченной семье молодых якутских политкаторжан, умышленно изолированных не только от вольного мира, но и от мира общесибир-

-ской каторги и ссылки, удалось создать в вилюйской тюрьме коммуну, примера которой не было, думается, во всей истории русской политической каторги.

Сквозь кровавый туман средневековых пыток, бесчеловечных истязаний, жестоких издевательств, ареной которых были царские каторжные казематы и застенки в эпоху мрачной реакции 1905 — 1917 годов, вилюйская тюрьма вырисовывается какой-то сказочной мирной идиллией. Мы решаемся даже утверждать, что и в ту отдаленную эпоху более умеренной, не совсем еще разнуздавшейся реакции 80 — 90-х годов прошлого века, когда революционное движение не приобретало еще широкого массового размаха, а чувствовавшее себя еще достаточно прочным самодержавие не знало еще того чисто животного страха, который толкал правительство кровавого Николая последнего на путь слепой мести и свирепой расправы над своими политическими противниками, — даже в эту эпоху, говорим мы, вилюйская каторжная тюрьма с ее своеобразным режимом была и осталась явлением исключительным.

В конце-концов и высшая администрация поняла, как жестоко она ошиблась в своих расчетах. Уже в мае 1891 года, как рассказывает, на основании архивных документов, т. М. Кротов в своей книге «Якутская ссылка» [1], иркутский генерал-губернатор, боясь, что заключенные в вилюйской каторжной тюрьме «находились в слишком хороших условиях», не соответствующих «тяжести совершонного ими 22 марта 1889 г. преступления — по условиям производимых ими работ, тюремной дисциплины и вообще содержания их в тюрьме», — запросил губернатора, не признает ли тот «полезным» перевести их в другое место». Запросили исправника.

В своем ответе исправник, который, как читатель мог выше убедиться, был весьма расположен к обитателям вилюйской тюрьмы и, быть может, не желая лишиться интересного для него общества, описал все работы, исполняемые в тюрьме заключенными, их «безукоризненное во всех отношениях» поведение и их «совершенную неспособность... к каким-либо физическим работам». По этим основаниям исправник находил, что нет смысла переводить их в другое место.

Однако, по мнению губернатора, — рассказывает дальше тов. Кротов, — их все-таки нужно было перевести в «более удобное место». Это мнение и одержало верх, тем более, что самая мысль о переводе вилюйских политкаторжан в карийскую тюрьму (женщин) и в акатуевскую тюрьму (мужчин), чтобы поставить их в условия, «более соответственные тяжести совершонного ими преступления», исходила из министерства внутренних дел.

Эта мысль была приведена в исполнение в марте — апреле 1892 года, и наша своеобразная коммуна была ликвидирована.

Отдельными партиями нас перевезли в якутскую тюрьму. В конце мая пришел в Якутск пароход «Витим»; к нему была

[1] М. Кротов — Якутская ссылка. стр. 137—138.

прибуксирована баржа, на которой и были увезены все осужденные по делу 22 марта 1889 г. Три женщины-политкаторжанки — Н. О. Коган-Бернштейн, Р. Ф. Франк-Якубович и К. Н. Шехтер-Минор — были отправлены на поселение; остальные четыре женщины — Болотина, Перли-Брагинская, Е. Я. Гуревич и В. С. Гассох-Гоц — были отправлены на Кару доканчивать срок каторжных работ.

Мужчины все были отправлены в акатуевскую каторжную тюрьму, где их ожидала настоящая каторга — систематическое бритье половины головы, обязательное (днем и ночью) ношение кандалов, ежедневные работы в рудниках...

Л. Ергина.

Год в Средне-Колымске.

(Дело А. Ергина).

I.

Яркий февральский день сменился густыми сумерками, когда наши нарты выехали из тощего лиственного лесочка и перед нами открылся вид на Ср.-Колымск. Это был унылый поселок. Крошечные избушки без крыш и без дворов были разбросаны одна от другой на большом расстоянии и в беспорядке. Они казались утонувшими в сугробах снега. Обмороженные снегом с водой для тепла они имели чистенький, опрятный вид. В окнах вместо стекол весело сияли льдины, освещенные изнутри ярким пламенем камельков. Над каждой трубой высоко взвивался столб искр. Обычно печальная картина вечером принимала вид фантастически иллюминованного ледяного городка, каким открылся нам Колымск в первый вечер нашего приезда. Я с жадным любопытством всматривалась в окружающую обстановку, стараясь предугадать по ней—как сложится здесь наша жизнь?

Появление наших нарт в городе было тотчас замечено. По улицам забегали и засуетились фигуры местных жителей, а вскоре к нам подошли и остановили два молодых человека, которых мы по наружности сразу же определили как товарищей. Это были тов. Строжецкий [1] и Калашников. Познакомившись, они предложили нам следовать за ними к избе т. Цыперовича, где нас предполагали поместить на первое время. Юрта Ц. была типичным жилищем колымского ссыльного: замороженная снаружи, со льдинами вместо стекол, с плоской крышей, она и внутри не отличалась благоустройством. Дверь, обитая коровьей шкурой, вела прямо с улицы в единственную комнату небольших размеров. Всю стену против входной двери занимал большой стол, на котором в порядке были сложены книги и тетради. На стене полка с книгами, в углу кровать, сколоченная из досок, скамейка у стола, один-два табурета. Вот и вся обстановка. В углу избы, близ входной двери, ярко пылал большой камелек.

[1] Тов. Строжецкого нет уже в живых. После ссылки вскоре ему пришлось эмигрировать за границу. Он жил в Париже в 1918 году и погиб смертью смелых, спасая товарища, тонувшего в Сене.

Не успели мы раздеться и познакомиться с хозяином квартиры, как изба наполнилась ссыльными, которые торопливо сбегались со всех концов Колымска, чтобы познакомиться с новыми товарищами, узнать от них — что делается на свете, получить письма и газеты. Мы стали знакомиться с колымчанами. Пошли расспросы о революционном движении, об общих знакомых, о деле, по которому мы привлекались, хотелось знать — кто каких убеждений и к какой принадлежит организации

Юрта политического ссыльного в Средне-Колымске.

Ведь то было время переоценки идейных ценностей, переоценки, подчас суровой и несправедливой. Слова: «марксизм», «народничество», «бернштейнианство» повисли в воздухе.

Мы оживленно разговаривали, отвечая на град вопросов, предлагаемых нам со всех сторон. «А вот и Янович!» [1] — сказал кто-то. Я уже в Якутске слышала о Яновиче, как о человеке выдающемся, и его личность возбуждала во мне интерес.

В дверь вошел человек выше среднего роста, худощавый, в коротком романовском полушубке и высоких валеных сапогах. Когда он снял шапку с наушниками и длинный шарф, я увидела бледное нежное лицо, обрамленное темной бородой,

[1] Людвиг Фомич Янович судился по делу польской партии «Пролетариат», имевшей постоянные сношения с «Народной Волей» и даже определенный договор о совместной работе. Тов. Варынского (умершего в Шлиссельбурге), Куницкого и др. известных членов «Пролетариата», он отбыл 11 лет каторги в Шлиссельбурге, а в 1891 г. был отправлен в Средне-Колымск на поселение.

с большими карими глазами, необыкновенно печальными и добрыми. Лицо это поражало полной своей одухотворенностью. Печать трагизма лежала на нем. Голос и манеры гармонировали с наружностью. На всем лежал отпечаток духовной культурности. Мы познакомились с ним и повторили то немногое, что уже раньше рассказали другим товарищам. Вечер прошел незаметно. Общее впечатление от колымской колонии получилось хорошее. Чувствовалось, что между отдельными членами колонии есть духовная спайка. Заметен был высокий уровень умственных интересов.

Обмениваясь потом своими впечатлениями о колонии, мы с мужем сошлись на том, что самое лучшее и сильное впечатление из всей колонии оставляет личность Яновича.

Эту первую ночь в Колымске я провела плохо. Меня разбудили среди ночи какие-то заунывные дикие звуки, которые все росли, ширились, сливались в один страшный хор, наводящий тоску и жуть. Это были сотни собак, затянувших в светлую морозную ночь свою песню голода и холода. Впоследствии я привыкла к их завыванию, но первое впечатление было удручающее. На следующий день мы с мужем стали ближе знакомиться с товарищами-колымчанами. Мы побывали у каждого на дому, познакомились с образом жизни и интересами каждого. В то время колымская колония состояла из следующих членов: супруги Берейшо, супруги Палинские, д-р Мицкевич с женой, Егоров, Акимова, Цыперович, Калашников, Строжецкий, Янович, Суровцев, Циммерман, Орлов, Милейковский и мы двое — Ергины.

Жилища ссыльных были в высшей степени убоги и лишены минимальных удобств. У семейных еще чувствовался некоторый уют, забота о чистоте, но избы холостых поражали своей неприглядностью.

Мы навестили и Яновича у него на квартире. Он жил в библиотеке, которой в то время заведывал. Библиотека помещалась в доме, выстроенном ссыльным Богоразом-Таном. Этот дом на свой счет купил Янович и подарил его колонии под библиотеку. С тех пор выборный библиотекарь имел право на квартиру при библиотеке.

Колымская библиотека помещалась в довольно просторной с низким потолком избе, которая была перегорожена на две комнаты — переднюю с камельком, предназначенную для квартиры библиотекаря, и заднюю — библиотеку. Эта последняя была почти сплошь заставлена полками с книгами, стоявшими вдоль стен и среди комнаты и перегораживавшими ее на два узкие коридорчика.

Переднюю комнату с камельком занимал Янович. В ней бросался в глаза большой стол, заваленный множеством книг на русском и иностранных языках, преимущественно по экономическим вопросам. Множество рукописного материала, таблицы, диаграммы и картограммы лежали грудами на столе. Казалось,

разобраться в таком бумажном хаосе нет возможности. Но так казалось лишь постороннему наблюдателю. Сам хозяин прекрасно ориентировался в этом бумажном море и моментально находил нужный ему материал. Беспорядок царил не только на столе, но и во всей комнате. Видно было, что здесь совсем не заботятся ни об удобствах жизни, ни о внешнем виде, совсем не уделяя на это времени. Я спросила Людвига Фомича, чем он занимается, и узнала, что любимые его науки: история, география и статистика. «Статистика — моя слабость»,—сказал он, застенчиво улыбнувшись, и тут же показал нам свои материалы: толстые тетради, исписанные мелким четким почерком; мелкие изящные цифры, расположенные таблицами, покрывали целые страницы. Мне этот материал показался сухим, но для Л. Ф. эти цифры и факты жили, для него они освещались одной руководящей идеей — борьбы за социализм. Они рисовали ему положение каждой страны в настоящем и открывали перспективы ее исторического развития. По ним он всегда мог учесть соотношения сил армии трудящихся и их угнетателей. Его мечтой было — организовать в одном из центров Европы «Революционное Центральное Статистическое Бюро», куда стекались бы все данные о рабочем движении всего мира. Каждый участник социалистического движения знал бы, что в каждый данный момент делают его братья во всех странах. Это развило бы дух солидарности среди пролетариата всех стран и усилило бы его активность.

Через несколько дней мы получили квартиру и начали устраиваться. Это произошло так. Янович заявил, что продолжительное заведывание библиотекой его утомило, и предложил произвести новые выборы. В результате их единогласно избранным оказался мой муж А. А. Ергин, и мы получили квартиру по колымскому масштабу хорошую. Зная, как высоко было развито чувство товарищества у Яновича, я не сомневаюсь, что он отказался от должности библиотекаря только затем, чтобы предоставить нам хорошую квартиру.

II.

Муж горячо принялся за свои новые обязанности. Всю свободную наличность колонии он засадил писать карточки, и через некоторое время наша библиотека получила подвижной каталог. К тому времени в ней было более 2.000 томов, а так как книги еще раньше были подклеены, сшиты, переплетены по инициативе Яновича им самим и другими товарищами, то библиотека была в полном порядке.

Итак, мы вступили в новую жизнь. Она была мало привлекательна. Мы были оторваны от всего, чем жили раньше, что составляло ее смысл и давало ей содержание. Нам предстояло существование без цели, без живого дела и впечатлений, в условиях примитивного хозяйства.

Единственной связью с далеким живым миром являлась для нас почта. Она приходила в то время 8—9 раз в году. С ней получалась груда газет и журналов, выписываемых колонией, и письма для некоторых счастливцев, еще не забытых на родине. С каким страстным нетерпением ждали мы каждый раз ее прихода, как волновались, доходя почти до галлюцинаций, и какое горькое разочарование и уныние испытывали те несчастливцы, которым она не приносила никакой весточки.

Так предстояло прожить долгие годы; и если мы легко и бодро вступили в эту жизнь, не обещавшую нам ничего хорошего, то этим мы в значительной степени были обязаны дружескому участию, с каким нас встретили наши новые товарищи в Колымске.

Мы все жили тесным дружным кружком, взаимно поддерживая и помогая друг другу. Каждый из нас в отдельности был слаб и беспомощен в этих условиях, а потому простой инстинкт самосохранения требовал от нас сплоченности. Коммуны у нас не было. Каждый имел свое индивидуальное хозяйство, но кроме индивидуального было общее кооперативное хозяйство по самоснабжению всем необходимым. Им заведывал артельный староста Г. В. Цыперович. Благодаря его неиссякаемой энергии, находчивости и выработавшейся с годами предприимчивости, наша колония не голодала: все имели черный хлеб, рис и мясо, — а, ведь, там это роскошь, которую далеко не каждый колымчанин, даже получающий паек, может себе позволить. Староста закупал для всех колонистов мясо, рыбу, керосин, словом, все продукты первой необходимости. Он же получал все наши пособия и из них рассчитывался с торговцами, а также и с казаками, у которых покупались пайки: мука, соль и рис. Само собою, что даже при умеренных ценах в то время (мука и рис 4—5 р. за пуд) казенного пособия, т.-е. 18 руб. в месяц, нехватало, и колония не выходила из долгов. Если бы не подсобные заработки, то приходилось бы буквально голодать. Единственная отрасль труда, находившая себе применение в Колымске, была медицина. Трое ссыльных с медицинским образованием занимали должности: врача (Мицкевич), фельдшерицы (Борейша), акушерки (Акимова). Знавшие ремесла тоже имели некоторый заработок. Калашников (штурман дальнего плавания) занялся неводьбой рыбы и завел полное хозяйство с рыболовными принадлежностями и собаками. Но что оставалось делать нам, остальным, не знакомым ни с каким ремеслом и обладающим лишь знаниями, там не применимыми? Давать уроки в наше время было строжайше запрещено. За этим следили ревностно, и не столько полиция, сколько духовенство. Колымские «батюшки» изощрялись в писании доносов. Благодаря их усердию население оставалось неграмотным, а ссыльные лишались возможности заработать уроками.

Мы с мужем оказались в весьма неблестящем положении: 19 р. 16 коп. пособия в месяц на двоих. Случилось так, что на

нашу беду иркутское начальство стало наводить экономию на ссылке: ссыльные женщины, живущие вместе с мужьями, были приравнены к добровольноследующим, т.-е. лишены пособия. В силу этой новой политики «экономии» на мое содержание отпускалось ровно 1 р. 16 к. в месяц.

Я написала резкое заявление-протест на имя генерал-губернатора без всякой, конечно, надежды на благоприятный для себя исход (через полгода был получен ответ — «оставить без последствий»). Нам необходим был заработок. Муж, посоветовавшись с товарищами, решил заняться несложной, но довольно тяжелой работой: месить ногами из глины кирпичи и, высушивши их, складывать из них камельки и печи по заказу местных жителей. Этой работой он занялся совместно с тов. Милейковским, трубочистом по профессии. Они построили кирпичный сарай, выравняли площадку, сделали формы для кирпичей, носилки и приступили к работе летом, лишь только оттаяла земля. Я со своей стороны усердно занялась хозяйством. Так за налаживанием жизни прошел конец зимы.

III.

Наступило короткое полярное лето.

Для всех нас, уставших от холода и мрака зимы, оно имело невыразимую прелесть. Яркий свет летнего солнца, не скрывающегося за горизонтом, ослепительно-блестящий в ночные часы, зелень разнообразных мягких оттенков, бледные полярные цветы без запаха, — все это было холодно и сурово, но своеобразно красиво.

Все мы после зимы спешили насладиться теплом и светом, а потому все свободное время проводили на воздухе.

Иногда устраивали прогулки, катанье по Колыме с парусом, не считались даже с тучами комаров, которые там положительно отравляют жизнь всякого живого существа.

Мне больше всего нравился яркий неперемежающийся солнечный свет. Я готова была не спать целыми ночами, чтобы использовать его целиком. Нередко ночью я уходила за город одна. Выйти за город ничего не стоило. Лес врезался клиньями в нескольких местах в поселок, расположенный на берегу Колымска. Почва в окрестностях Колымска и частью даже в нем самом представляет сплошное кочковатое болото, поросшее мохом да брусничной травой. Лес однообразный, тощая лиственница, и ходить по нему можно только балансируя с кочки на кочку. Единственным местом, где можно было ходить по-человечески, была узкая сухая тропинка, тянувшаяся по гребню довольно высокого берега Колымы. Эта-то полоска и была излюбленным местом прогулки всех нас. Скоро мне стал знаком здесь каждый кустик. К югу от города, на берегу реки стоял вновь построенный кирпичный сарай Ергина и Милейковского, а в нескольких десятках саженях от него находилась единственная еще в то время могила т. Гуковского, застрелившегося в 1899 г. Место

глухое и суровое. С могилы открывался широкий горизонт с видом на Колыму и ее противоположный берег. Здесь нередко можно было застать Яновича, когда он, окончивши свои дневные занятия, отправлялся на прогулку. Он очень заботился о могиле, постоянно убирая ее цветами. — «Не правда ли, — спросил он как-то, — ведь это местоположение и природа так гармонируют с нашим положением в этом краю?» Он был прав. Но все же я, при моем в то время еще жизнерадостном миросозерцании, не могла проникнуться его настроением: меня тянуло к жизни, к свету—холод и мрак могилы не привлекали меня. Я старалась поскорее уйти и увести Яновича из этого мрачного уголка на более открытые веселые места.

В июне двое наших товарищей, Цыперович и Строжецкий, стали собираться в экскурсию вниз по Колыме до Ледовитого океана. Они предпринимали эту поездку уже не в первый раз. Потребность отдохнуть от однообразной, гнетущей обстановки, уйти на простор, подальше от постылого места, к которому прикован, была очень велика. Ни громадное расстояние, ни целый ряд лишений и трудностей в пути не могли остановить наших товарищей.

После от'езда самых веселых и живых колонистов наша жизнь сделалась еще монотоннее. Все разбрелись по своим углам. Калашников еще раньше перебрался на заимку для неводьбы; Д. Я. Суровцев был занят исключительно своим огородом, работая на нем и день и ночь; Янович писал статью «Очерк промышленного развития Польши», напечатанный потом в «Научном Обозрении» под псевдонимом Я. Иллинич; муж уходил с утра на завод делать кирпичи, я же хозяйничала и дважды в день носила ему еду на работу. Остальные члены колонии были заняты своей обычной ежедневной работой — кто в больнице, кто дома. В дождливую погоду наши избы немилосердно протекали: в них становилось грязно, холодно, мрачно, и негде было укрыться от дождя. Было безразлично — сидеть дома или быть под открытым небом. Убедившись в этом, мы решили, что сидеть дома положительно не стоит, потому что делать ничего невозможно, а одевались, как могли, и уходили в лес собирать грибы и бруснику. Так собиралась нас целая компания, и мы бродили под дождем, пока не набирали себе грибов и ягод на ужин и даже в запас.

— —

Лето кончалось. В двадцатых числах июля выпал густой снег: он тотчас растаял, но это было первое напоминание о приближении долгой суровой зимы. Как раз в эти дни старик ссыльный Орлов собрался ехать на построенной собственными руками лодке в Нижний-Колымск за запасом рыбы на зиму, что он делал ежегодно. Он предложил нам с мужем и Яновичу прокатиться с ним до заимки «Среднее», где неводил Калашников. Этот план очень понравился моему мужу, но сам он не мог принять участия в прогулке из-за спешной работы. Тем не менее

ему очень хотелось доставить мне развлечение, и он настоял, чтобы я поехала с Яновичем и Орловым. Орлов был в высшей степени оригинальная личность. Это был уже глубокий старик, не менее 60 лет, высокого роста, высохший, но могучий и кряжистый, как дуб, с длинной седой бородой и волосами, всегда покрытыми маленькой кожаной шапочкой. Молчаливый, угрюмого характера, нелюдим, он резко выделялся из молодой в большинстве и жизнерадостной компании нашей колонии. По убеждениям он был последователь и ученик Нечаева, но, благодаря его молчаливости, не удалось ничего ценного узнать от него о Нечаеве. Единственное воспоминание, сохранившееся у меня из его кратких рассказов о Нечаеве, было любимое стихотворение Нечаева, которое тот часто распевал, как песенку. Это известное стихотворение Омулевского «О Труде», характеризующее Нечаева.

Светает, товарищ,
Работать давай:
Работы усиленной
Требует край!
Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем!

24 июля мы трое — Янович, я и Орлов со своими двумя собаками — сели в большую лодку и, напутствуемые пожеланиями оставшихся, весело поплыли вниз по Колыме. Поездка оказалась довольно утомительной (лодка была тяжела и неповоротлива), но и очень интересной. Мы плыли по течению, прибегая то к веслам, то к парусу; на заимках, попадавшихся по пути, мы выходили, знакомились с жителями, везде встречали самый приветливый прием; от времени до времени устраивали привалы на берегу: раскладывали костер, варили чай, уху из рыбы, которой запасались на заимках. Приятно было сидеть у пылающего костра и любоваться высокими обрывистыми скалами, поросшими хвойным лесом, которые так причудливо возвышались над нашими головами. В лесу было много ягод и грибов. Мы собирали их и пополняли ими наш стол. Было хотя и прохладно, но сухо и ясно. Мы были в отличном настроении. Янович был весел, что бывало с ним не часто, и мило шутил над Орловым и его нежной привязанностью к двум грязным, противным собакам. Первую ночь мы провели в лодке — это было трудно, вторую переночевали на какой-то заимке, а в полдень 26 июля мы приехали на заимку «Среднее». Здесь обычно рыбачил Калашников, но теперь его здесь не оказалось — он недавно перекочевал на заимку «Жирково», лежавшую еще ниже, где, по его соображениям, промысел был в это время еще лучше. «Среднее» находится в 80 верстах от Колымска. Мы с Яновичем нашли, что заехали уже достаточно далеко, и решили, переночевавши здесь, на утро взять почтовую лодку и вернуться домой.

Только что мы расположились в избе знакомого колымчанина

за чаем, как вошел кто-то из его семьи и об'явил, что к заимке под'езжает Калашников. Мы, обрадованные, тотчас вышли встретить товарища. Действительно, вдали, на противоположном берегу реки видна была лодка, которую тащили собаки бечевой. Мы сами совершенно не в состоянии были определить, кто сидит в лодке и чьи впряжены собаки, а потому нам оставалось положиться на опытность местных жителей, обладающих великолепным зрением и большой наблюдательностью. Мы весело разговаривали между собой, представляя себе удивление К. по поводу неожиданной встречи с нами. Наконец, лодка начала перегребать с противоположного берега, и мы увидели К. На наше приветствие он почти не ответил, и наше присутствие, видимо, его не удивило. Такое странное поведение К. нас озадачило, и мы почувствовали, что с ним случилось что-то недоброе. Когда К. вышел из лодки, мы были поражены переменой, происшедшей в нем. Обыкновенно цветущий и жизнерадостный, он был бледен и растерян. На лице у него были ссадины и синяки. Один висок был рассечен. «Что с вами?»—спросили мы его.—«Я болен, меня избил заседатель Иванов»,—ответил К. и рассказал нам следующее: два дня назад (24 июля) он взял заряженную берданку и, сев в лодку, начал подниматься вверх по течению из «Жиркова» в «Среднее». Ружье он взял на случай—не встретится ли ему лось или олень, которые в эту пору часто переправляются вплавь через реку и нередко делаются добычей колымских охотников. Страстный охотник, К. мечтал убить лося. Поднявшись вверх по течению на несколько верст, он увидел казенный паузок, плывший ему навстречу; на нем под начальством заседателя Иванова сплавлялись казенная мука, крупа и соль для продовольствия служилого населения Нижне-Колымска. Увидав паузок, К. обрадовался. Он догадался, что там есть письма и газеты для него. Получив все, что было, он вступил в разговор с одним знакомым казаком, стоявшим у весла, и спросил между прочим: «Разве ты нанялся работать на паузке?». Вопрос этот показался заседателю дерзким и возмутительным. Ему почудилась агитация. «Не твое дело, как ты смеешь разговаривать!»,—сразу, переходя на ты, оборвал он Калашникова .«Я не с вами разговариваю», спокойно ответил К.—«Молчать, жид!»,—завопил пришедший в ярость заседатель и разразился бранью. Завязалась перебранка, которая окончилась вызовом со стороны заседателя: «Иди сюда, я тебя проучу!». Всегда вспыльчивый, К., не помня себя от обиды, под'ехал к паузку, держа ружье в руках, и, выскочивши из лодки, бросился на паузок к Иванову. Никто из присутствовавших на паузке казаков и рабочих не препятствовал ему высадиться; наоборот, помогли ему выйти из лодки и дали дорогу, когда он, вступивши на паузок без ружья, бросился на верхнюю палубу, где у руля стоял заседатель. К. подбежал к заседателю и хотел толкнуть его, но на него сразу бросились и заседатель и казаки, стоявшие возле. Завязалась неравная борьба. Скоро К. был по-

вален на пол, и тогда началась дикая расправа и издевательство. Пришедший в ярость, заседатель бил и топтал его ногами, стараясь наносить удары по лицу. Казаки не давали Калашникову подняться с полу, и он был совершенно беспомощен. Ярость заседателя была так велика, что нагнала страх на всех окружающих, и многие попрятались, чтобы не быть свидетелями жестокой расправы и самим не пострадать от побоев. Как долго продолжалось истязание — трудно сказать. Удовлетворивши чувство мести и торжества над врагом, заседатель оставил свою жертву. По его приказанию К. связали, а сам он сел сочинять протокол о покушении на его жизнь, сделанном политическим ссыльным Иваном Калашниковым.

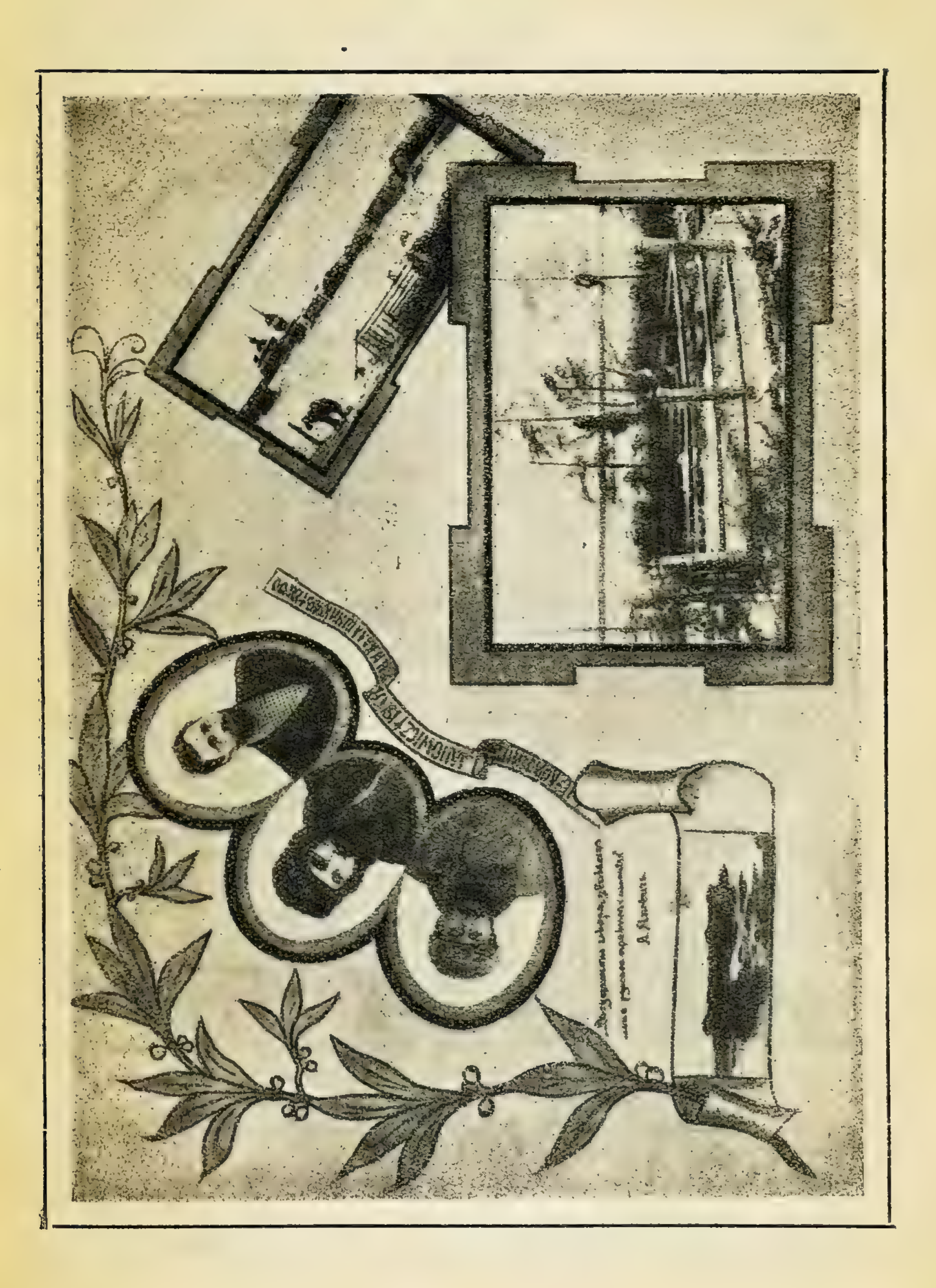
Свидетелями выставлялись казаки и рабочие. Все эти люди из страха перед заседателем подписали заведомо ложный протокол. Когда протокол предложили подписать К., он отказался это сделать, заявив, что все, что в нем изложено,—ложь. На самом деле, К., как он сам говорил нам, вовсе не хотел убить Иванова. Если бы у него было это намерение, он прекрасно мог бы привести его в исполнение, не выходя из лодки, лишь прицелившись из ружья. Он хотел только проучить грубого самодура, забыв в момент возбуждения, что сила не на его стороне. После составления протокола заседатель приказал развязать К. Его, избитого и больного, бросили в лодку и оставили на реке. С трудом добрался он до своей заимки и тотчас стал собираться в Ср.-Колымск к товарищам. Душевное состояние его было ужасно. Он мучился тем, что дал себя провоцировать, что позволил безнаказанно совершить над собой надругательство. Все, кто видел его за это время, рассказывали, что он был страшно подавлен и ни разу не ел за два дня, протекшие со времени случившегося с ним несчастья.

Личность заседателя Иванова заслуживает того, чтобы на ней несколько остановиться. Якут по происхождению, человек совершенно некультурный, он начал карьеру с должности маленького писца в якутском областном правлении. Угодивши чем-то вице-губернатору Миллеру, известному в свое время провокаторской политикой в отношении ссыльных, он получил назначение на место заседателя в Н.-Колымск. На этом посту он получил громадную власть над жалким населением выморочного края; он сделался его неограниченным и грозным властелином и скоро вошел во вкус самодержавного образа правления. Полудикое, вечно голодающее население трепетало перед грозным «тойоном» (по-якутски — господин). Он заушал направо и налево, дико крича и ругаясь даже тогда, когда изголодавшиеся жители приходили к нему с мольбой о выдаче пособия во время голода. Было немало случаев увечий, причиненных этим «тойоном». Все были покорны ему, все перед ним трепетали, кроме дерзких пришельцев — политических ссыльных. Эти люди были ему ненавистны. Они вносили разрушительные начала в тот уклад жизни, в котором так привольно жилось большим и малым самодерж-

цам. Они не признавали его власти. Они защищали свое достоинство. В их отношениях к себе он чувствовал снисходительное пренебрежение.

Ссыльные были для него людьми какой-то другой, чуждой культуры, совершенно ему непонятной и ненавистной. Жалуясь в одном из своих доносов на заносчивость ссыльных, он об'яснял ее тем, что у них есть свои писатели — Короленко, Серошевский, Тан и др. и что их даже печатают и читают. Короче говоря, это был весьма в то время распространенный в нашем отечестве тип самодура и насильника.

Случай с товарищем произвел на нас удручающее впечатление. Что делать? Как реагировать на это оскорбление? Мы хорошо понимали, что это столкновение не есть частное дело Калашникова с заседателем. В лице К. заседатель видел представителя ненавистной ему политической ссылки. Оскорбляя и унижая его, он имел в виду оскорбить и унизить всех политических. С другой стороны, и мы видели в нем не частное лицо, а представителя ненавистного всем нам режима, надругавшегося в лице товарища над всеми нами. Ничего не предрешая, мы все согласились в тот же день ехать в Ср.-Колымск. Настроение сразу упало. Нас пригласили обедать. Мы втроем пошли в избу, но нам было не до обеда. К. вскоре поднялся из-за стола, сказав, что ему не хочется есть и вышел из избы. Мы с Яновичем сидели, задумавшись. Не знаю — сколько прошло времени, вероятно не больше 10 минут, как вдруг раздался выстрел. Он прозвучал необыкновенно отчетливо и громко в тишине, царившей вокруг. У нас обоих мелькнула одна и та же страшная догадка. «Это Калашников!»,—невольно вырвалось у меня. Мы выбежали из избы и бросились искать в лесу и па берегу. Жители заимки тоже выбежали на выстрел и стали искать — кто и где стрелял. Через несколько минут поисков Орлов догадался посмотреть в пустой поварне и нашел там К. Когда мы вошли в поварню, нашим глазам представилась следующая картина: на полу, навзничь, головой к двери лежал К., возле него валялось ружье, к собачке которого была привязана веревка; другой конец веревки был привязан за ножку кровати, стоявшей в углу. Мы бросились к нему. На груди еще тлелась рубашка от выстрела, тело было теплое, но дыхания уже не было заметно и яркие краски молодого свежего лица понемногу сменялись могильной бледностью и холодом. Пуля прошла через сердце и вышла в спину. Смерть была моментальная. Я была страшно поражена и все еще не верила, что он мертв. «Нет уже его, ушел уж он», сказал наш хозяин-колымчанин, заметивши, что я все еще как будто не верю в факт смерти. Это выражение, такое простое, поразило меня верностью и глубиной определения. На самом деле то, что лежало перед нами, было уже не К. Его, энергичного, порывистого, пылкого, не было — перед нами лежал холодный труп—и только. Осматривая поварню, мы заметили клочок бумажки, лежавший на кровати. Это была записка К. к Яновичу. Привожу ее на па-

мять: «Людвиг Фомич, прошу товарищей взять Борьку [1] (маленький сын К.) на воспитание. Кровь моя падет на голову прохвоста Иванова. Умираю с верой в лучшее будущее. И. Калашников. Пусть Борька отомстит за меня».

Трудно передать чувства, которые мы переживали тогда. Смерть товарища обрушилась на нас совершенно неожиданно; обстоятельства ее были так трагичны. Казалось невероятным, что молодого, полного жизни и сил человека нет, и только потому, что дикое насилие ворвалось в его жизнь и, как вихрь, смело его. Янович был потрясен. Он сразу осунулся и потемнел. Был момент, когда он не мог совладать с собой и разрыдался. Однако, он тотчас оправился и вполне овладел собой. Что касается меня, я до того была подавлена, что ни плакать, ни говорить первое время не могла: горло сжимала спазма, голова была налита, как свинцом. Это было первое серьезное испытание, обрушившееся на меня, и я трудно переживала его. Однако, надо было подумать о том, что делать с мертвым товарищем. Обитатели заимки, взволнованные происшествием, хотели отрядить гонца к исправнику в Ср.-Колымск с извещением о несчастии и ждать его дальнейших распоряжений, но мы заявили самым решительным образом, что берем тело товарища с собой, чтобы похоронить его в Колымске, и никто не осмелился нам противоречить. Оказалось, что только на следующий день утром можно будет двинуться в путь. Предстояло весь вечер и ночь провести на роковой заимке. Мы ходили по пустынному берегу Колымы. Перед нами открывалась картина суровой и величественной северной реки. Кругом было так мирно, спокойно, так нетронуто-чисто. Ничто в этой природе не говорило о ненависти, о вражде людей друг к другу. И этот контраст между обстановкой и только что разыгравшейся на фоне ее драмой еще резче подчеркивал бессмысленность и жестокость последней. Мы не говорили. Мы молча понимали друг друга. «Этого нельзя так оставить», сказал внезапно Янович: «Я должен немедленно ехать в Нижний-Колымск». Я невольно вздрогнула. Я сама думала об этом и ждала, что он это скажет. Я стала протестовать, как только могла. «Ведь у вас ничто не подготовлено, нет даже никакого оружия. Заседатель убьет вас». Мы долго спорили. Наконец, ему пришлось со мной согласиться, что это общее дело, без совещания с товарищами он не должен ничего предпринимать. Помню, во время этого нашего разговора он бросил с легким раздражением: «Да разве уж так страшно умереть». — «Да,—ответила я,—когда в этом нет необходимости». Он грустно улыбнулся. Стало темнеть. Спустились бледные сумерки июльской ночи, показался месяц и голубым светом облил поварню, в которой лежал мертвый К. Мы сидели на берегу и не думали о сне. Перед нами в причудливом освещении вырисовывались высокие

[1] Борька—маленький, в то время трехлетний, сын Калашникова. После смерти Калашникова он взят был на воспитание т. Цыперовичем. Вывезен из Колымска. Получил образование. По слухам, покончил самоубийством.

очертания противоположного берега реки. Мы говорили о посторонних предметах, чтобы отвлечься от тяжести, давившей нас. Так провели мы время до утра. С восходом солнца стали готовиться в путь. Нам дали большую «ветку» (легкая лодка из тонких досок, связанных тальником), в нее мы положили тело товарища, завернутое в парус, и засыпали его цветами с зеленью. «Ветку» привязали на буксир к большой лодке; в лодке поместились я с Яновичем, гребцы и собаки Калашникова, которые должны были тянуть лодку бечевой, где для этого был удобный берег. Это была мучительная поездка. Мы медленно подвигались вперед против течения. Тело товарища было тут же возле нас и все время напоминало о случившемся. Попрежнему мы делали привалы на берегу, но какая была разница! Теперь я старалась на привалах уйти подальше от берега и пловучего гроба, чтобы хоть ненадолго избавиться от гнетущего впечатления. Так мы ехали больше суток. Утром 28 июля мы под'езжали к Колымску. Мой муж и несколько товарищей, увидя нашу лодку, переезжавшую с противоположного берега, вышли встретить нас. Они весело нас приветствовали издалека, ничего не зная о случившемся, но когда лодка причалила и они увидели наши лица, то сразу поняли, что случилось какое-то несчастье. Наш рассказ и вид мертвого К. произвели на всех потрясающее впечатление. В глубоком молчании, бледные, сосредоточенные, товарищи вынули из лодки тело К. и отнесли его на руках в пустую квартиру Ц. В тот же день рядом с могилой Гуковского ссыльные начали рыть другую могилу. Работа была тяжелая и подвигалась медленно; приходилось кайлами рубить мерзлую почву. Через день все было готово; 30 июля мы похоронили Калашникова.

IV.

Колымская ссылка вступила в новый период жизни. До этого времени мы так или иначе мирились со своим положением. У нас отняли настоящую жизнь, но мы взамен ее создали себе иллюзию жизни. Мы не унывали и старались выдавать ее за настоящую жизнь. Мы по временам довольно успешно боролись с гнетущим нас чувством тоски и сознанием бесцельности существования, но теперь, когда то единственное, что у нас оставалось и что мы считали неприкосновенным, — наше личное достоинство и честь были попраны, мы почувствовали весь самообман, в котором жили до того времени, мы увидели, что у нас нет ничего, на что бы ни осмелился посягнуть грубый произвол и насилие людей, во власть которых мы были отданы. Все, чем мы жили до того времени, стало казаться ненужным и жалким. Внешне мы старались проводить жизнь попрежнему, но прежнего уже не было и наша жизнь приняла мрачный оттенок.

Однако, подчиниться безропотно, покорно снести оскорбление мы не могли. У наиболее активной части колонии немедленно возникла, как и у Яновича, мысль о возмездии. После перенесения тела Калашникова с берега, часть колонии, ничего не пред-

решая, отправилась к исправнику с требованием немедленно вызвать заседателя Иванова для расследования дела и отдачи заседателя под суд. Увидя серьезное настроение ссыльных, исправник согласился на это и немедленно отправил к заседателю нарочного с предписанием безотлагательно выехать в Ср.-Колымск.

Между тем, настроение части колонии определенно вылилось в постановление убить заседателя и этим навсегда показать администрации, что с нами нельзя так поступать. После похорон Калашникова колымские ссыльные собрались в избе Цыперовича и решили немедленно бросить жребий, не дожидаясь возвращения отсутствующих товарищей Строжецкого и Цыперовича, а просто вынуть за них жребий: настолько были уверены в их солидарности с другими членами колонии в этом вопросе.

Всех участников заговора было семь человек: Янович, Ергин, Борейшо, Егоров, Палинский, Строжецкий и Цыперович (последние двое отсутствовали). Первый жребий достался А. Ергину, второй — Яновичу.

Т. Мицкевич был устранен от участия в этом деле, как врач, которому, быть может, пришлось бы оказать медицинскую помощь другим товарищам, при возможном столкновении с администрацией. Во время этого собрания произошел характерный диалог. — «Уступите мне этот выстрел», — обратился Янович к Ергину. —«Ни в каком случае не уступлю,—ответил Ергин.— Жребий мой, и я сам выполню свой долг».

Но Янович, повидимому, не мог примириться с мыслью, что не он, а кто-то другой выполнит этот акт и понесет за него ответственность и просил разрешить ему только «помогать» в этом деле, но и это предложение Ергин отклонил и просил всецело ему одному предоставить это дело. «Вместо одного арестованного и подсудимого будут два, нужно ли это?» — сказал он.

На этом же собрании было решено, что покушение будет сделано из револьвера. У колонии был старый много раз чиненный револьвер.

С того дня Ергин начал ежедневно переезжать в лодке на противоположную сторону Колымы и там, на свободе, упражняться в стрельбе из револьвера, чтобы в нужный момент не сделать промаха. Каждый раз во время его упражнений ломалась пружина у револьвера, и каждый день нашему механику Палинскому приходилось ставить новую. Наконец, он заявил, что поставил последнюю сталь и что если еще и эта сломается, то придется совсем оставить затею с револьвером, а обратиться к другому оружию.

По счастью для А. Ергина лопнула и последняя пружина, и тогда он решил прибегнуть к своему охотничьему ружью. Говорю, по счастью, потому что, если бы Ергин вздумал стрелять из старого, негодного револьвера, то покушение, конечно, не удалось бы. Но этого мало: он сам был бы убит или ранен заседателем, у которого был новый прекрасный револьвер.

Перед от'ездом из Нижнего-Колымска заседатель Иванов откровенничал с обывателями: «Я знаю, что политические мне не простят Калашникова. Пусть попробуют напасть. Я приготовил для них хорошую закуску». При этом он показывал новенький никкелированный револьвер.

Приняв решение стрелять из своего охотничьего ружья, Ергин позаботился о картечи; ее пришлось сделать самому из свинца. В этом помог все тот же товарищ механик, имевший все инструменты. С тех пор Ергин начал постоянно и на работу, и всюду ходить с ружьем. Это не могло вызвать никаких подозрений, потому что август-сентябрь время перелета гусей и уток, а в это время все колымчане ходят с ружьями и нередко стреляют здесь же близ своих изб. В это время Ергин работал в качестве печника в городе. Кажется, они с Милейковским клали тогда печи в городской больнице. Теперь он ежедневно приходил домой на обед. Долго ему не представлялось удобного случая для выполнения приговора над заседателем. Время тянулось мучительно медленно. Нервы были крайне напряжены. Наступило 4 сентября. Как всегда, к двум часам дня Ергин пришел обедать; к этому времени подошли Строжецкий и Янович, которые обедали с нами в то время постоянно. Мы отобедали своей маленькой компанией, и муж ушел, но не на работу, а в полицейское управление, куда его пригласил исправник для переговоров о ремонте печей в управлении. Там он увидал заседателя в соседней комнате и тут же решил, что наступило время развязки. Вернувшись домой, он предупредил об этом Яновича, а также просил его остаться со мной и отвлечь чем-нибудь мое внимание, а сам взял ружье, висевшее в сенях, и пошел встретить заседателя, уже вышедшего в это время из полицейского управления. Я же в это время была занята другим делом и не подозревала, что развязка так близка.

Янович взял из библиотеки «Пана Тадеуша» Мицкевича на польском языке и предложил мне почитать вслух. Мы все, ссыльные колымчане, изучали языки, и польский в числе других. Я начала читать вслух по-польски и переводить. Янович давал дополнительные об'яснения, что делало чтение еще интереснее. Яркие, красочные образы старой дворянской Польши, юмористически выведенные талантливым поэтом, завладели моим воображением. Я забыла о Колымске и о всех злоключениях нашей жизни. Громкий выстрел прорезал тишину. Я вспомнила смерть Калашникова, обязательство мужа отомстить за его смерть, припомнила, что, уходя из дому, он о чем-то шептался с Яновичем, и, сопоставивши все это, поняла смысл выстрела. «Это Александр стреляет!», крикнула я Яновичу, и, далеко отбросивши «Пана Тадеуша», выскочила за дверь на улицу. Я побежала по направлению выстрелов. «Да, это он», подтвердил Янович и тоже побежал вслед за мной.

На мертвых обычно улицах Колымска замечалось небывалое оживление: со всех сторон бежали колымские обыватели, на-

правляясь к месту происшествия. Слышалось: «Убили... убили заседателя государственные», а навстречу нам спешили бледные, взволнованные товарищи. От них мы узнали, что Ергин уже арестован и уведен в караульный дом.

Первым же выстрелом он тяжело ранил Иванова (тот умер через сутки). Падая на землю, Иванов закричал: «Что вы делаете, не стреляйте!», но в то же время сам успел выхватить револьвер и выстрелить. На выстрелы и крики раненого заседателя прибежали живший рядом помощник исправника и несколько казаков. Они увидели у забора взволнованного Ергина с ружьем в руках и лежавшего раненого заседателя. На вопрос—кто стрелял и зачем, Ергин заявил, что стрелял он в заседателя за Калашникова. Помощник исправника тотчас распорядился арестовать его и казаки, окружившие его, увели в караульный дом, бывший поблизости. Как раз к моменту ареста подошли ссыльные тт. Цыперович, Борейшо, Палинский и предупредили, что не допустят никаких насилий над товарищем. И, действительно, настроение ссылки было таково, что малейшее неуважение к личности арестованного товарища могло вызвать кровавый отпор со стороны других ссыльных. Но администрация и казаки (особенно участники избиения Калашникова) сами до того перетрусили и растерялись в то время, что с трепетом ждали дальнейшей расправы со стороны политических.

Узнавши, что муж арестован и сидит в «караульном доме», я пустилась бегом через весь Колымск к полицейскому управлению, где в то время был исправник. Меня сопровождал Янович и еще кто-то. Влетевши в управление, я направилась прямо к столу исправника и остановилась, изумленная: почтенный администратор был белее бумаги, глаза его остановились, а все его большое грузное тело дрожало мелкой дрожью.

Уж не думал ли он, что мы пришли уничтожить его, что в Колымске начинается поголовное избиение администрации «закоренелыми злодеями»—ссыльными социалистами?

Мне было далеко не до смеха в ту минуту, но и я не могла не подметить всего комизма положения. С трудом мне удалось втолковать ему, что я хочу немедленно видеть арестованного мужа и прошу у него пропуск. Еще дрожащими руками он написал мне постоянный пропуск на свидание с мужем.

Я нашла Ергина в «караулке» вполне спокойного наружно. Он просил и меня не волноваться, так как нового и неожиданного в том, что случилось, для нас с ним ничего не было. Между тем, участники заговора устроили совещание, на котором решили, что арестованный товарищ должен отрицать преднамеренное убийство. Суду должно быть известно только то, что в момент встречи с заседателем он почувствовал порыв неудержимой злобы и обиды за Калашникова и под влиянием этого чувства выстрелил в заседателя.

Тот энтузиазм, с которым колымская ссылка в целом приветствовала выстрел Ергина, не оставлял у администрации и ме-

стных жителей сомнения в том, что убийство заседателя — дело коллективное, а не единоличное дело одного Ергина.

Обычно, рассказывая об этой драме, колымские обыватели говорили: «когда государственные убили заседателя», подчеркивая этим солидарность всей колонии в этом акте. И действительно, солидарны были почти все и не принимавшие участия в заговоре. Если они не были привлечены к делу, то только потому, что инициаторы находили, что и без них число участников достаточно велико для такого дела.

Живший в Верхнем-Колымске тов. В. А. Данилов прислал нам с мужем горячее приветственное письмо по поводу выстрела мужа. Под ним стояла подпись: «гражданин земного шара В. Данилов». Душа старого борца революции и вечного протестанта, каким был Данилов, еще раз вздрогнула, зачуяв запах пороха.

Совсем иное настроение и отношение к факту убийства заседателя проявил всеми нами любимый и уважаемый шлиссельбуржец Д. Я. Суровцев. В революционном прошлом сподвижник В. Н. Фигнер, он за долгие годы заключения в Шлиссельбурге постепенно и совершенно самобытно пришел к непротивлению злу силой (начал признавать только пассивный протест), к идеализации физического труда, вегетарианству, самосовершенствованию личности, словом, близко подошел к толстовству, не будучи с ним почти совершенно знаком.

У Д. Я. Суровцева выработалось к тому времени настроение философа-созерцателя. Всякое насилие было ему глубоко неприятно. Мы же все, остальные, были настроены революционно, жаждали борьбы и победы. Трудно было нам понять друг друга.

Д. Я. Суровцев написал колонии письмо, в котором заявил, что он не солидарен с колонией в деле убийства заседателя и привел свои мотивы. Нам всем грустно было читать письмо с порицанием от товарища, нами уважаемого, но всех тяжелее было, конечно, Яновичу, связанному с Суровцевым долгими годами Шлиссельбурга и Колымска.

V.

Мы пережили тяжелый душевный кризис. Для большинства из нас это было первое серьезное испытание и мы вышли из него с осадком горечи в душе, но зато более закаленными. Мы все значительно успокоились и вернулись к прежней жизни: обязательным работам, чтению, даже веселью. Все... кроме Яновича. И неудивительно: последние события были для него лишь одним звеном из длительного ряда испытаний его бурной жизни. Он пережил заключение в варшавской цитадели и казнь товарищей (по делу польской партии «Пролетариат»), одиннадцать лет шлиссельбургского режима, он потерял всех близких ему людей и сейчас влачил существование в Колымске без надежды на лучшее впереди. Он утомился в борьбе. Во время острого кризиса он стоял на своем посту и в других поддерживал энергию и бодрость в борьбе. Теперь он почувствовал всю тяжесть собственной усталости. Он ходил бледный, измученный, работа не клеилась.

Ергин сидел под домашним арестом, у себя на квартире; выходить из дому ему было нельзя; однако, караула при нем не было, а только два раза в день приходил дежурный казак удостовериться — не сбежал ли арестованный. Вместо караула был приставлен человек, обслуживавший нас в отношении расколки дров и доставки воды.

Нам пришлось прожить в Колымске почти всю зиму 1900 г. Мы жили, не думая о будущем и не заглядывая вперед. Так было спокойнее для нас.

Никогда еще не была так сплочена и единодушна наша маленькая колония. Было естественно, что в это время наша квартира-библиотека сделалась центром жизни колонии. С утра приходило несколько человек навестить заключенного, поболтать, почитать старые газеты; к обеду приходили т. т. Янович и Строжецкий, которые обедали с нами, а затем библиотека понемногу наполнялась новыми гостями, приходившими сыграть в шахматы и просто провести время. Два увлечения охватили нашу колонию тогда, это — шахматы и танцы.

Под разными предлогами устраивались вечеринки, и на них со всем пылом неиспользованной энергии оттанцовывали вальсы и мазурки. Большая юрта тов. Палинского, с хорошо пригнанным и выстроганным полом, построенная им собственными руками, сделалась излюбленным местом для танцев. Наш заключенный не отставал от других. Под прикрытием ночи он тоже ходил на вечеринки и веселился вместе со всеми. Несомненно, исправник знал об этих отлучках, но благоразумно молчал, делая вид, что ему ничего неизвестно. Да и что, на самом деле, в этом было страшного: ведь, бежать из К. все равно было невозможно.

Так прошло время до февраля, когда из Якутска пришло предписание отправить арестованного под конвоем в якутскую тюрьму. Относительно суда ничего не было известно, а между тем этот вопрос волновал всех колымчан. Обычно в прежние годы подобные дела предавались военному суду; на этот раз была полная неизвестность. Было решено на всякий случай готовиться к побегу. Для этого вошли в сношение с якутской ссылкой: ей поручили приготовить место, в котором можно было бы спрятать Ергина на время, а чтобы обеспечить удачу побега, решили взять в конвоиры по пути от Ср.-Колымска в Якутск молодого казака Николая Цыпандина, распропагандированного ссыльными. Это был совсем еще молодой 20—21 г. человек, симпатичный, с мягким характером. Он обещал отпустить арестованного под Якутском, если мы узнаем, что назначен военный суд. Было решено, что в Верхоянске муж останется по болезни со своим конвоиром, а я поеду вперед на разведки, а также подготовить все для побега, если он понадобится. Так и сделали.

По приезде в Верхоянск муж заявил себя больным ревматизмом и просил исправника назначить медицинское освидетельствование. Врач был в то время в от'езде; свидетельствовать при-

шлось верхоянской акушерке, не менее в свое время «знаменитой», чем верхоянский врач. Она признала ревматизм, и муж был оставлен в Верхоянске на излечении до лета.

Я поехала дальше одна в сопровождении древнего старичка-казака, данного мне в проводники и конвоиры верхоянским исправником. Наш колымский конвоир остался ждать Ергина до весны.

В конце апреля я приехала в Якутск. Там еще ничего не знали относительно суда. Место для прятки на случай побега было готово в нескольких верстах от Якутска в местечке «Богорацы» в избе ссыльного т. Манцевича. Там был вырыт на этот случай глубокий подвал, хорошо замаскированный. Вскоре, однако, выяснилось, что суд будет гражданский, и надобность в побеге отпала.

Наступило время готовиться к суду. Пришлось подумать о защите. Я пригласила местного присяжного поверенного Меликова. Он охотно согласился, но ему не пришлось выступать с защитой. Один из наших близких друзей, бывший в то время в Иркутске, Н. Н. Фрелих, написал подробно В. Г. Короленко об этом деле, изложив все обстоятельства. Со свойственной ему отзывчивостью в таких случаях, В. Г. начал агитацию в пользу Ергина, для организации ему защиты. Была собрана изрядная сумма денег и приглашен адвокат. Это был начавший выдвигаться тогда на политических делах П. Н. Переверзев. Иркутская ссылка, со своей стороны, тоже собрала средства и на защиту, и на побег, в случае сурового приговора (продолжительный срок каторжных работ), и решила ко времени суда прислать человека из Иркутска, который сумеет вывести Ергина из тюрьмы и поможет ему бежать за границу. Все это организовал Н. Н. Фрелих, с которым я вела шифрованную переписку.

Только в июне 1901 года Ергин добрался до якутской тюрьмы. Я получила разрешение на ежедневные свидания. Потянулись томительные дни и месяцы в ожидании суда. Муж сидел в отдельной камере, но мог иметь общения с уголовными арестантами. Мы поддерживали оживленную переписку с друзьями-колымчанами: Яновичем, Строжецким, Цыперовичем. Они живо интересовались всем, что нас касалось, и в свою очередь сообщали нам все подробности своей жизни и жизни Колымска вообще. Со времени нашего от'езда материальные условия жизни в Колымске изменились к худшему: обычная там весенняя голодовка в этом, 1901 г., разразилась в настоящий голод, сопутствуемый, как всегда, эпидемией. Спутником ему на этот раз была корь, осложненная воспалением легких. Эти болезни выхватили немало жертв из рядов колымского населения. Заболевающих было так много, что медицинский персонал не успевал помогать всем нуждающимся в этом. В каждом доме лежал больной, а в иных целыми семьями лежали вповалку в бреду, и некому было затопить камелек, принести воды и дать напиться больным. Тогда на помощь населению пришел весь наличный состав ссылки: распределили между собою обязанности по уходу

за больными и по обслуживанию их необходимыми работами. Кроме того, пришлось организовать помощь голодающим жителям. Исправник, видя свое полное бессилие в этом деле, отдал дело организации помощи в руки доктора и ссыльных, и благодаря этому она была выполнена удачно. Самим товарищам-колымчанам тоже пришлось испытать в это время немало лишений. Трудно было доставать муку, мясо, даже дрова, потому что собаки передохли от голода, и не на чем было перевозить тяжести. Можно себе представить, как плохо жили в это время наши колымские товарищи. А тут еще денежные дела колонии запутались окончательно, и нужно было как-нибудь изжить этот финансовый крах. Придумали взять артелью сплав казенного паузка с мукой, солью, рисом и проч. продуктами в Нижний-Колымск и временно сделаться грузчиками и бурлаками. Таким путем можно было заработать по 50 руб. на душу и немного расквитаться с долгами. Работа была тяжелая и утомительная даже для молодых и здоровых людей, какими было большинство товарищей-колымчан, но она была совершенно не под силу измученному и физически и нравственно и уже немолодому человеку, каким был Л. Ф. Янович. Однако, он не захотел отстать от товарищей и тоже принял участие в сплаве. Поездка далась ему трудно и окончательно расшатала здоровье, у него начался активный процесс в легких. Больше всего его, конечно, убивало то, что, несмотря на право приписки к сельскому обществу, полученое им по закону, ему было отказано в выезде из Колымска и в приписке в другом месте. Иначе говоря, благодаря произволу иркутского ген.-губернатора, ссылка в Колымске для него становилась бессрочной.

Зимой 1902 года стало известно, что по делу Ергина вызывают много свидетелей из Колымска и между прочими тов. Яновича и Палинского. Мы обрадовались приезду Яновича. Мы думали, что удастся как-нибудь задержать его в Якутске, а оттуда через некоторое время переправить и в более цивилизованные места. Незадолго до суда он приехал с тов. Палинским и мы были поражены его измученным видом, но он был весел. Надежда оставить Колымск навсегда поддерживала в нем бодрость. К этому же времени приехали из Олекминска бывшие там в ссылке товарищи Ергина по революционной работе М. С. Александров-Ольминский и В. И. Браудо. Они тоже вызывались в качестве свидетелей со стороны защиты. Само собою, что это было сделано не в целях защиты, а чтобы повидаться со старыми товарищами, с которыми Ергин был связан революционной работой в течение нескольких лет.

Суд был назначен на 22 апреля 1902 года. Это был обычный в то время для Сибири «коронный суд», т.-е. состоящий из судей-чиновников и судящий не по совести и разуму, а по закону; таким образом, наличность факта убийства обязывала этот суд вынести обвинительный приговор во что бы то ни стало, вопреки рассудку и совести.

В день суда на улицах Якутска заметно было некоторое оживление, а возле здания суда стояла толпа народа в ожидании приговора. Судили при закрытых дверях при пустом зале. Присутствовали только чиновные лица да 2—3 товарища со стороны подсудимого (больше не пустили). Прокурор старался доказать предумышленность преступления, заранее обдуманное намерение, но его доказательства были мало убедительны и совершенно уничтожены ловким допросом свидетелей со стороны защитника. Наоборот, отзывы свидетелей об убитом Иванове вскрыли картину безудержного самодурства и насилия, в обстановке которой приходится жить ссыльным и населению. Когда дошла очередь до свидетелей ссыльных, произошел инцидент, немного смутивший суд. Ввели свидетелей ссыльных для приведения их к присяге. «Не могу принести присяги по своим убеждениям», заявляет первый М. С. Александров. К этому заявлению присоединяются и остальные товарищи. Председатель смущен и не знает, как быть в таком случае, но, в конце концов, разрешает допрос свидетелей без присяги, взяв с них торжественное обещание говорить правду.

Допрос Яновича взволновал судей. Он начал свою речь с описания положения ссыльных в Колымском краю, но когда дошел до изложения драмы с Калашниковым, нервы его не выдержали, спазма сжала горло, и он разрыдался. Был об'явлен перерыв. Его выступление глубоко взволновало всех присутствующих. По отзыву защитника: «эти слезы сделали для подсудимого больше, чем все другие свидетельские показания и речи». Сказанная блестяще речь защитника подвела итоги всем показаниям в пользу подсудимого, нарисовала картину всей обстановки жизни ссылки и происшедшую на фоне ее драму самоубийства Калашникова и убийства Ергиным заседателя. Предумышленность убийства отпала. Прокурор не пытался протестовать. И все же был вынесен приговор: четыре года исправительных арестантских рот с лишением некоторых особенных прав и преимуществ. По словам юристов, это была низшая мера наказания, которую мог дать «коронный» суд при наличии факта убийства. Итак, предстояло еще отбыть четыре года тюрьмы. Ергин решил отбыть тюремное заключение. Перспектива жизни в эмиграции его не соблазняла.

VI.

А между тем из Иркутска был командирован отдельный человек на случай побега Ергина или Яновича, если бы первому побег не понадобился. Это был Н. Н. Кудрин, который через два года, будучи уже ссыльным в Якутске, принял участие в Романовском протесте и был одним из активнейших его деятелей. Он приехал перед судом под видом золотоискателя на разведки по части золота в Якутской области. Приезд был обставлен совершенно легально, открыто. Он явился к губернатору, прося у него содействия в трудном предприятии. Сделал также визиты

другим сановным лицам города. Был радушно принят, даже обласкан, особенно семьей губернатора. По приезде т. Кудрин начал готовиться в экспедицию по изысканию золота. Им были куплены две верховые лошади с седлами и все необходимое для далекого и трудного пути. Он выработал план побега сухопутьем, через тайгу, верхом на лошадях дикими таежными тропами. Яновичу этот план с самого начала показался трудно-осуществимым и мало, для него лично, пригодным.

Якутская администрация стала напоминать Яновичу в это время о возвращении в Колымск. Нужно было торопиться.

С большим трудом удалось уговорить его пойти на осмотр к врачебному инспектору Вангродскому, чтобы, получив от него удостоверение о болезни, временно остаться в Якутске, а там видно будет, что предпринять. Мне казалось бесспорным, что его, с активным процессом в легких, трудно признать здоровым. Но Вангродский оказался на высоте своих полицейских обязанностей. Исследовав больного Яновича, он написал удостоверение, что тот здоров и может ехать в Колымск. Это не мешало ему же, правда, частным образом, признать, что Янович болен и в Колымске долго не протянет. Таким образом, благодаря рвению этого усердного слуги царя, и этот план рушился. Пришлось вернуться к плану побега. Прежде, чем решиться на такой трудный шаг, Янович захотел испытать свои силы. Он поехал верхом за несколько десятков верст от города. Вернулся он разбитый физически и печальный. Он увидел, что его сил нехватит на такое трудное предприятие, а быть в тягость другому человеку он ни за что бы не согласился, и он решительно отказался от побега. Воспользовался планом Кудрина тов. Палинский. Ему удалось с громадным трудом добраться до Иркутска, а оттуда уехать за границу. Но побег этот был на самом деле так труден, что даже такие два сильные молодые и здоровые человека, как Палинский и Кудрин, чуть не погибли в тайге от голода и преследований диких таежных якутов.

Итак, Л. Ф. Яновичу предстояло в близком будущем опять вернуться в Колымск. Перед ним опять расстилалась серая мгла колымского существования и конца ему не было видно; в этом существовании не было ничего, что могло бы дать ему хотя бы некоторое нравственное удовлетворение, а те мелочи, которые вызывают к жизни других людей, для него не существовали. И он ушел от нас с измученной душой, потерявший веру в собственные силы, но попрежнему горячо верующий в победу тех идей, за которые боролся всю свою жизнь, которые так страстно любил. Самообладание не изменило ему до последних минут жизни. Никто из видевших его в день смерти не мог заподозрить того страшного решения, которое созрело в его душе. 17 мая его не стало: он убил себя выстрелом в висок из револьвера. Его нашли возле ограды унылого якутского кладбища. При нем оказалась записка на имя якутской администрации. Вот ее содержание:

«В смерти моей прошу никого не винить. Причинами моего самоубийства являются нервное расстройство и усталость, как результат долголетнего тюремного заключения (в общей сложности 18 лет) в чрезвычайно тяжелых условиях. В сущности говоря меня убивает русское правительство, так пусть же на него падет ответственность за мою смерть, как равно за гибель бесчисленного множества моих товарищей.

Якутск, 17 мая 1902 г.».

Л. Янович.

Кроме этой записки было найдено несколько писем к разным лицам, к якутским товарищам и отдельное письмо к нам с мужем. В этих письмах, которые вызывают глубокое волнение своей искренностью даже у совершенно посторонних нашей среде людей, настолько ярко отражается измученная и чистая душа этого мученика революции, что нахожу нужным привести выдержки. Вот его письмо к нам: «Мои милые, хорошие друзья, простите меня за мой эгоистический поступок, за мое дезертирство. Я знаю, как тяжело терять товарищей, знаю по тому, что сам испытывал после смерти Гуковского. И все же не могу найти в себе сил, чтобы перенести душевный кризис. Мысль отдохнуть от треволнений жизни не в первый раз является у меня, но или сил у меня было больше, или внутреннее раздвоение было слабее, во всяком случае только теперь я окончательно решил поискать вечного покоя. Если бы вы знали, как тяжело мне причинять вам огорчение. Уверяю вас, что не имею больше сил жить. Что касается самой смерти, то она мне вовсе не страшна. Пишу это письмо совершенно спокойно, как любое деловое письмо... Нервы мои совсем измочалились. По самым пустякам у меня начинается истерика. Я сделался совсем негодной тряпкой. Так зачем же выставлять себя на смех людям? Быть может вы заметите, что я преувеличиваю, так как иногда у меня появляется несколько энергии и некоторая способность к труду, но это ведь было, а теперь моя трудоспособность подлежит большому сомнению. Ну, и расписался же я. И понятно, ум всегда старается доказать справедливость того, что желает чувство. Не огорчайтесь особенно этим случаем: в одной Европейской России (50 губ.) умирает ежегодно более 3 милл. человек (точно, в 1896 г. — 3.081.189). Что же значит какая-нибудь единица—просто пылинка. Конечно, вам тяжелее будет житься без вашего верного друга, и это меня очень и очень огорчает. Меня же вы не жалейте. Я буду счастливо спать вечным сном. Что же еще лучшего. Однако, я вовсе не пропагандирую эту мысль для других. Я думаю только, что я исполнил по своим силам свой долг и теперь имею право отдохнуть. Целую вас от всей души.

Ваш *Людвиг Янович*».

Письмо к якутским товарищам заканчивается очень характерным для Л. Ф. признанием: «Перед смертью я раздумывал о том,

чтобы отправить к С. (Синягину) одного из вернейших его слуг, но решил этого не делать. Правда, что М[1] (Миллер)—негодяй, но такими негодяями хоть пруд пруди. Террористические акты должны быть осмысленны. Они должны быть ответом на возмутительные насилия со стороны администрации, но не совершаться только потому, что представляется удобный случай убрать негодяя. Лично же я ему зла не желаю. Ну, прощайте, товарищи. Желаю вам от всей души увидеть красное знамя развертывающимся над Зимним дворцом. *Людвиг Янович.*

16 мая 1902 г. Якутск».

19 мая товарищи по ссылке похоронили Л. Ф. на том самом Никольском кладбище, куда он пришел в поисках за вечным покоем.

Когда я увидела его мертвого, величественно-спокойного и умиротворенного, я постигла вполне, что «смерть вовсе уж не так страшна», и что жизнь порой может открыть перспективы более страшные, чем сама смерть.

Так закончился последний акт колымской драмы.

Ергин просидел два года до суда и успел отбыть два года арестантских рот, когда к нему был применен манифест 1904 года, широко примененный тогда к большинству политических ссыльных. В январе 1905 г. он вернулся в Россию.

[1] Миллер—якутский вице-губернатор, прославившийся преследованием ссыльных.

Г. Лурье.

Романовская история.

(По архивным данным).

Вместо предисловия.

18 февраля 1904 г. на верхнем этаже одного дома, находившегося в далеком Якутске, затевалось что-то неладное. Несколько десятков политических ссыльных, по преимуществу социал-демократы и бундовцы [1], собрались в этом доме с намерением либо победить (впрочем, на непосредственную победу они почти не надеялись), либо погибнуть здесь на месте от солдатской пули или несколько позже на виселице.

Смерть они готовились встретить в жестокой борьбе; это видно было по подготовительным действиям. С раннего утра на верхний этаж стали носить «ноги мяса, круги мерзлого молока, телеграфную проволоку, гвозди, топоры и т. д. У крыльца свалены были только что привезенные толстые плахи, которые тоже моментально исчезали в доме. Тянулись возы с «твердой водой»—льдом, который складывался на галлерее сзади, а оттуда быстро уносился «политическими» в кухню. Дошла очередь и до дров, огромные количества которых были заготовлены как жившими на Романовке [2] политическими ссыльными, так и хозяином. От крыльца к дровам и по лестнице выстроилась густая цепь политических, и в воздухе замелькали тяжелые лиственничные поленья, быстро передаваемые из рук в руки. Дрова у забора как бы таяли, одна сажень за другой поглощались домом. Работа кипела... Подходили запоздавшие товарищи...» [3].

Политические запасались не только дровами и мясом; собрали, сколько возможно было, револьверов, финских ножей и несколько ружей, хотя не дальнобойных. К полудню верхний этаж превратился в маленькую крепость с баррикадами, с колючей проволокой, с «волчьей ямой» на лестнице. Внутри крепости

[1] Позже к ним присоединилось несколько социалистов-революционеров.

[2] Дом, в котором забаррикадировались политические, принадлежал якуту Романову; отсюда дом получил название Романовки. Сами засевшие в доме получили название романовцев; таким образом, по прихоти судьбы лица, поднявшие знамя восстания против царства Романовых, продолжают до сих пор носить созвучное им имя.

[3] П. Розенталь. — «Романовка».

ГРУППА
ЯКУТСКАГО ПРОТЕСТА

был введен военный порядок с диктатором, с военной комиссией, с начальниками отделений, с вестовым и часовыми у окна.

Скоро из-за баррикад отправлен был ультиматум якутскому губернатору: «Заявляем,—писали забаррикадировавшиеся,—что никто из нас не уедет из Якутска, и что мы не остановимся перед самыми крайними мерами до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие требования»... А затем шли требования как будто довольно скромные: когда политические ссыльные следуют по Сибири в назначенные им места, они должны пользоваться правом иметь по дороге свидание с теми ссыльными, которые живут по пути их следования; должны быть облегчены отлучки ссыльных с мест их постоянного назначения; за неразрешенные отлучки ссыльные не должны подвергаться жестоким преследованиям, в виде переселения в худшие и более отдаленные места; по окончании срока ссылки политические должны получать от казны средства на обратный путь.

Как ни скромны были требования, но условия их пред'явления и подкрепление этих требований баррикадами предвещали определенный исход: все забаррикадировавшиеся живо помнили якутскую бойню 1889 г., когда подобное событие в менее дерзкой форме повлекло за собой убийство одних, казнь других и долгосрочную каторгу для третьих.

В доме господствовало «предсмертное» настроение. «Посылали последнее прости перед неизбежной смертью, не стеснялись, не утаивали. И не было расчета утаивать. Пока письма дойдут из далекого Якутска до родных,—пройдут недели. Развязка же будет, конечно, несравненно раньше. Кто выживет, тот успеет телеграммой парализовать действие своего письма. Кто погибнет, от того письмо будет последним словом...»[1].

Выступавший впоследствии на суде романовцев петербургский защитник В. В. Бернштам так охарактеризовал впечатление, которое произвело на него впервые известие о Романовке: первое, что пришло ему на память, была картина Мясоедова: «Самосожжение».

В Москве, в Третьяковской галлерее висит эта картина. Среди темной ночи, в глухом лесу горят костры. Кругом толпятся стар и млад. Они творят последнюю предсмертную молитву, готовясь броситься в огонь, предать себя самосожжению во имя бога, во имя будущей жизни, в которую им предстоит пробраться через земную смерть.

Романовцы шли на самосожжение, однако, без веры в загробную жизнь. Вот как об'яснили они сами свое решение в прокламации: «Чего мы хотим?», которую они выпустили «к якутскому обществу».

«Мы предпочитаем лучше умереть, защищаясь, чем позволять издеваться над нами и нашими товарищами».

[1] П. Розенталь. — «Романовка».

Борьба за свою революционную честь, борьба за защиту права сохранения живой связи между ссыльными и тем миром, откуда они насильственно оторваны,—вот главная причина их выступления. А царское самодержавие как-раз стремилось к обратному: оно хотело вытравить в душе сосланных воспоминания о былой борьбе, оно хотело порвать те многочисленные невидимые нити, которые связывали ссыльных через снежные поля Сибири с пробуждающимися массами крестьян и рабочих далеко на западе.

Бойня 1889 г. нашла очень живой отклик в Западной Европе, вызвала там бурю негодования, показала готовность революционеров и в далекой Сибири всеми средствами отстаивать свое достоинство, и царское правительство временно заколебалось. Режим в ссылке был смягчен, власти смотрели сквозь пальцы на временные отлучки сосланных, новые партии ссыльных более или менее беспрепятственно встречались по пути с прежними ссыльными. В глухую пору упадка революционной борьбы в России ссыльные были уже не так страшны правительству и льготы для них неопасны.

Но вот наступает новый век. После долгой спячки страна оживает. Начинаются рабочие забастовки, крестьянские волнения, студенческие беспорядки, политические демонстрации. Разгорается смертельная борьба между революцией и реакцией. Введением усиленной охраны, массовой ссылкой, назначением Плеве фактическим диктатором России и кровавыми погромами отвечает правительство на рост революции.

Но и массовая ссылка оказывается недостигающим цели средством: сибирская стужа не отрезвляет молодых голов. Прибывают массы новых ссыльных, но они десятками бегут назад; остающиеся поддерживают живую связь с театром революционных действий, снабжаются нелегальной литературой, в кружковой работе и постоянных дискуссиях готовятся к продолжению борьбы по окончании срока, а при первой возможности—пытаются продолжать борьбу здесь, в ссылке. В Сибири появляются социал-демократические организации, пытающиеся об'единиться в один союз. Мягкий режим ссылки оказывается не ко времени. В Сибирь выезжает новый генерал-губернатор, Кутайсов, со специальными задачами подтянуть ссылку, погасить в ней дух борьбы.

Едва Кутайсов появился в Иркутске, как посыпались новые циркуляры и распоряжения: ссыльным, следующим на место назначения, запрещается свидание с ссыльными по пути; за нарушение этого запрещения — ссылка в отдаленнейшие места — в Верхоянск и Колымск. То же наказание за самовольную отлучку, а разрешение на отлучку перестали давать даже в необходимых случаях. Самая бдительная слежка за ссыльными, а по окончании срока ссылки—поездка за свой счет или этапным порядком.

Пишущий эти строки был, пожалуй, одним из первых, который познакомился, правда, только с неудачной попыткой при-

менить новый циркуляр о свиданиях. Наша партия, очень малочисленная и в сопровождении столь же малочисленной команды с двумя жандармами во главе, отправилась из Александровской пересыльной тюрьмы в Якутскую область летом 1903 года. Выехали мы еще под знаком прежних патриархальных порядков. Дни стояли жаркие и сухие, и жандармы, тоже недовольные палящим зноем, согласились на наше предложение ездить ночью, а во время солнцепека отдыхать на станках.

Живо помнится такая остановка в Большой Манзурке, где жила большая колония ссыльных. Часов шесть очень приятных провели мы в их компании. Мы передали им последний привет от революционной родины, сообщили самые свежие новости, успели поспорить по злободневным вопросам, а милая «Саша» угощала нас сибирскими пельменями. Мы уехали оттуда уверенные, что в такой обстановке мы сохраним душу живую для будущих времен.

Но вот где-то дальше по дороге жандармы сообщают нам, что ими получена телеграмма о недопущении в дальнейшем свиданий в пути. В Усть-Куте, где нам следовало сесть на пароход и ехать дальше по направлению к Якутску, предстояло первое испытание. Мы приехали туда к вечеру и нас поместили в один дом, при котором была лавочка.

Мы тут же просили лавочника сообщить местным ссыльным о нашем прибытии. Рано утром к нашему окну с улицы подошло двое ссыльных, в том числе мой старый соратник, витебский сапожник, ныне покойный, Мендель Бас. Внутри нашего дома заволновались жандармы, которые стали нас уговаривать отойти от окна во избежание неприятностей, а на улице как из-под земли выросли фигуры станового и десятских, которые довольно невежливо убрали с собой наших посетителей. Помню, как тов. Сладкопевцева бросилась к окну, у которого стоял солдат, готовый «действовать». Мы поторопились успокоить своего товарища, но тут же заявили жандармам, что не поедем, пока не получим свидания. Жандармы волновались, убеждали нас добром, запугивали, куда-то бегали, не то за распоряжением, не то для дипломатических переговоров, а мы ждали.

А с берега реки доносились пароходные сигналы: пароход собирался в путь; жандармы обращают наше внимание на эти свистки, а мы ждем насильственного увода. И вдруг, так до сих пор и не знаем почему, к нам в комнату входят местные ссыльные. Поцелуи, приветствия, радость встречи и боль из-за скорого расставания. Опять свистки парохода; в сопровождении местных товарищей идем на пароход.

Так идиллически кончилась первая попытка проведения в жизнь кутайсовского распоряжения. Дальше дело пошло гораздо хуже. Следующие за нами партии подвергались не раз издевательствам и избиениям. Жандармы и полицейские чины начали вести себя крайне вызывающе, нередко позволяли себе не только площадные ругательства, но и грубые насилия над по-

литическими ссыльными. Нашим товарищам — колонистам по Лене—пришлось изведать силу урядницких кулаков и солдатских прикладов, а также прелести сибирских клоповников-холодных»[1].

В России росла революционная волна: южная волна огромных, почти всеобщих, забастовок 1903 года была предвестником грядущей бури. Царское самодержавие хотело воздвигнуть непроницаемую стену между борцами там и ссыльными здесь; романовцы проломили эту стену, из далекого Якутска простерли они свои руки борющимся массам.

В Якутске в 1904 г. были воздвигнуты баррикады; над Романовкой развевалось в течение недель красное знамя, пожалуй, первое красное знамя, так долго продержавшееся перед лицом самодержавия.

Якутскому губернатору был послан ультиматум; часовые заняли свои посты, плотно прижавшись к стеклам и внимательно вглядываясь в уходящую в даль улицу: не двигаются ли солдаты, не следует ли дать тревожного сигнала, не надо ли каждому занять свой боевой пост у дверей, за баррикадой.

А войско не двигалось, никто не нападал, никто не применял насилия по отношению к забаррикадировавшимся. Начальство решило взять восставших измором, голодом и холодом. Дом был оцеплен полицейскими и казаками с тем, чтобы отрезать осажденных от прочего мира, чтобы воспрепятствовать подвозу пищи и топлива.

Когда же оказалось, что за баррикадами имеются некоторые запасы, когда при истощении этих запасов осажденные смелой вылазкой обеспечили себя новыми, начальство перешло от терпеливого выжидания к системе провокации.

Дом был обложен более тесным кольцом полицейских, казаков и солдат, караульные начинали «в шутку» целиться во внутренних часовых осажденных, полицейские пытались грубыми выходками оскорблять забаррикадировавшихся женщин, когда те показывались у окон.

Наконец, власти попытались лишить романовцев возможности заблаговременно заметить нападение войск и оказаться в должный момент готовыми к отпору. В начале марта, т.-е. когда наступила уже третья неделя осады, романовцы однажды ночью заметили, что с улицы пытаются закрыть ставни дома. Окна же служили постами для внутренних часовых, и романовцы решили об'явить закрытие ставень поводом к открытию военных действий.

Власти были уведомлены официально об этом решении романовцев; тем не менее темные солдаты, подчиняясь черносотенной агитации своей команды, продолжали свои попытки, и это привело 4 марта днем к роковому выстрелу со стороны романовцев в двух солдат — орудие якутских самодуров. В ответ начался

[1] П. Теплов.—История Якутского протеста.

обстрел дома, в результате которого был убит романовец—рабочий Матлахов.

Минут 15 продолжался обстрел, а романовцы лишены были возможности отвечать оружием. Стрелявшие солдаты находились на таком расстоянии, что револьверы и охотничьи ружья осажденных им угрожать не могли.

Обстрел прекратился. Под звуки песни «Вы жертвою пали» товарищи вынесли тело Матлахова в чуланчик при выходной лестнице. К красному знамени над домом была прикреплена черная лента.

А на другой день вдруг, без всякого повода, раздался извне один выстрел, а за ним последовал жестокий продолжительный обстрел дома. Приехавший губернатор об'явил вышедшему к нему для об'яснений представителю романовцев, что обстрел явился ответом на выстрел, который, будто бы, опять последовал из дома романовцев.

На третий день опять одиночный провокационный выстрел извне, и снова долго пули свистели над головами осажденных. Через два часа—такая же картина. И все это из-за угла и из дальнего «защитного» расстояния.

Перспектива наметилась определенная. Не дождаться нападения открытого, не встречаться с врагом лицом к лицу. Быть обстреливаемыми изо дня в день, из часа в час без всякой возможности отвечать тем же. Терять постепенно своих товарищей поодиночке, группами, в бессильной злобе, в полной беспомощности. На это романовцы не пошли: они хотели пасть в борьбе, но не быть перестрелянными, как овцы, без возможности сопротивляться.

А с каждым новым обстрелом, с каждой новой беседой после этого с губернатором, все ярче выступала та сеть провокации, которою стремились опутать романовцев. Их хотели не только перебить, но еще оставить о них память, как о группе безумцев, которые заперлись в доме, без всякого повода стреляли оттуда по караулу и тем накликали на себя заслуженную смерть. Да, именно такова была версия начальства: романовцы начинают каждый раз стрельбу по невинным людям, солдаты, полицейские и казаки вынуждены им отвечать тем же.

Большинство романовцев решило, что дальше при таком положении дел нельзя оставаться в осаде. Надо выйти из дома, хотя бы путем сдачи, предстать хотя бы перед царским судом и раскрыть всю сеть провокации, так хитро сплетенную ставленниками самодержавия.

Большинство так решило. Значительное меньшинство было против сдачи. Напряженная была борьба мнений. Тело Матлахова было вынесено 4 марта без плача, без стонов; результат подсчета голосов по вопросу о сдаче был встречен рыданием кое-кого из меньшинства.

7 марта, утром, сдавшиеся романовцы были отведены в якутскую тюрьму.

Романовцам посчастливилось! Их предшественники, борцы 1889 г., пали жертвой глухой, темной ночи, царившей тогда в России; глухой, едва слышный ропот, виселицы и многолетняя каторга были непосредственным финалом первой якутской трагедии. «Романовка» же совпала с предрассветом первой русской революции: она сама явилась утренним гудком, будившим тех, кто еще спал глубоким сном; в свою очередь, она скоро была озарена лучами восходящей революции. Через подымавшуюся волну подпольной работы, через последовавшее затем 9 января, «потемкинскую историю» и всеобщую забастовку—«Романовка» была вплетена в историю «великого года».

В далекой якутской тюрьме романовцы стали получать неожиданные несказанно приятные сюрпризы — адреса, резолюции и приветствия рабочих с театра революционных действий. Ростовские рабочие прислали «горячий товарищеский привет якутским борцам, оставшимся верными революционному делу даже в далекой Сибири». Тверские рабочие писали: «Товарищи! Мы гордимся вами! Товарищи! Ваш поступок — пример для нас, пример стойкости, непримиримости и отваги в борьбе за нашу свободу». «Только при том воодушевлении и героизме, какой проявили наши товарищи в Якутске, мы можем надеяться разрушить толстые стены крепости царизма», писали в своем приветствии еврейские рабочие г. Минска.

И когда романовцы в тюрьме получили от ростовских рабочих собранные ими деньги на улучшение «котла», они почувствовали те неразрывные нити, которые протянулись между ними и их соратниками там, далеко на западе.

И царские палачи вынуждены были считаться с новыми бурными, мощными звуками: петля, заготовленная не для одного романовца, осталась неиспользованной, а революционный октябрь 1905 г. раскрыл перед романовцами двери каторжных тюрем.

30 октября освобожденные романовцы уже участвовали в Иркутске в большом открытом революционном митинге, а своим судебным защитникам они послали телеграмму следующего содержания: «Романовцы, освобожденные восставшим народом, приветствуют своих защитников».

Якутский протест 1904 года, известный под названием «Романовской истории», не может, вообще говоря, жаловаться на отсутствие исторического освещения. Участники этого протеста уже с самого начала тщательно собирали всякие материалы по его истории и очень скоро стали их опубликовывать. Еще тогда, когда «романовцы» были в тюрьме, за границей, в нелегальном издании, появились первые печатные материалы о протесте и судебном процессе, принадлежавшие перу ныне покойного П. И. Розенталя (Анмана). Затем протест нашел своего легального историка в лице также уже покойного П. Ф. Теплова, соста-

вившего обширную работу, богатую фактами и материалами. Наконец, сравнительно недавно упомянутый П. Розенталь воскресил эту историю в памяти современников живым мемуарным сочинением «Романовка» [1].

Но в распоряжении этих авторов не было архивных материалов, которые таились за семью печатями царским правительством. Но вот пришла революция 1917 года, и тайное стало явным. Мы получили доступ в «святое святых» жандармов и охранников; используя их архивное наследство, мы имеем возможность дополнить некоторыми новыми штрихами картину одного из ярких эпизодов революционной борьбы с самодержавием накануне 1905 года.

В распоряжении автора этих строк находились следующие «дела»: 1) дело № 193 департамента полиции, 5 делопроизводство, 1904 год, часть первая, лит. А: «О вооруженном сопротивлении политических ссыльных в Якутске 4 марта 1904 года»; 2) дело департамента полиции, 5 делопроизводство, 1904 год, № 193, часть 2, лит. А: «О протесте политических административных ссыльных в Якутской области против правил надзора и распоряжений местных властей»; 3) дело департамента полиции, 5 делопроизводство, 1904 год, № 193, часть первая, лит. Б: «Приговор Якутского окружного суда от 30 июля — 8 августа 1904 года. Общая переписка»; 4) дело первого департамента министерства юстиции, первое уголовное отделение, первое делопроизводство, 1905 год, № 1008 (по архиву № 3.028), том первый, «по обвинению: дворянина Л. Никифорова и других». Мы здесь не упоминаем о некоторых других «делах», которые присоединены к предыдущим, но которые общего интереса не представляют.

Надо сказать, что перечисленные дела, повидимому, далеко не исчерпывают всей переписки по Романовскому делу. Мы, например, не нашли обмена мнений иркутского генерал-губернатора Кутайсова и министерства внутренних дел по поводу требований, выдвинутых романовцами 18 февраля 1904 года, между тем такая переписка имела место, как это видно из рапорта прокурора иркутской судебной палаты министру юстиции от 27 февраля 1904 года, где мы, между прочим, находим следующее сообщение, ярко рисующее отношение министерства внутренних дел к законным требованиям ссыльных:

Кутайсов, сообщает прокурор, находит требования политических о разрешении им свиданий со ссыльными по пути их следования в ссылку и о том, чтобы они подвергались наказанию за самовольные отлучки только в судебном порядке, «безусловно не подлежащими удовлетворению, последнее же требование (речь идет о предоставлении средств ссыльным, окончившим срок, на обратный проезд на родину Г. Л.) — признает

[1] Кроме самих романовцев, к истории якутского протеста не раз возвращались и другие писатели, среди которых надо выделить защитника романовцев В. В. Берштама.

вполне законным. Вследствие этого им было сделано сношение с министерством внутренних дел об ассигновании кредита на обратную отправку политических ссыльных, окончивших определенный им срок высылки в Восточную Сибирь, но министерство не нашло возможным удовлетворить его ходатайство за отсутствием средств на этот предмет»[1]. Получается довольно странная комбинация с точки зрения соблюдения закона: министерство не отрицает законного права окончивших ссылку на средства для обратного пути и вместе с тем отказывается выполнить законное требование, а прокурор, представитель законности, пишет об этом «в спокойных тонах» высшему блюстителю закона империи, ни слова не прибавляя в защиту попранного закона.

Романовцам отказывают в удовлетворении их законных и «незаконных» требований, но зато власти тщательно заботятся об «охране порядка и тишины». 28 февраля в 7 часов 13 минут утра из Иркутска летит телеграмма Кутайсова на имя министра внутренних дел Плеве следующего содержания:

«Забаррикадировавшиеся в Якутске поднадзорные, судя по прежним примерам и по издаваемым ими прокламациям, постараются всеми способами, чтобы это приняло как можно большую огласку, и чтобы их пример вызвал подражание и в других местах, где только есть поднадзорные. Поэтому признаю крайне необходимым подвергнуть их переписку просмотру, для чего полезнее всего установить здесь известную цензуру над письмами, отправленными из Якутска на имя других поднадзорных, и вообще подозрительными, идущими оттуда через иркутскую почтовую контору. Желательно получить соответствующее разрешение телеграфом, чтобы можно было заблаговременно принять надлежащие меры до прихода сюда первой якутской почты, иначе можно ожидать возникновения подобных беспорядков и в других местах»[2].

29 февраля Плеве ответил Кутайсову телеграфно:

«По телеграмме 28 февраля распоряжение сделано»[3].

Романовцев отрезали от внешнего мира, подвергли строжайшей блокаде и вынудили 4 марта к открытию военных действий. В тот же день якутский вице-губернатор Чаплин посылает министру внутренних дел телеграмму, ярко рисующую напряженность борьбы:

«Сегодня [в] три часа дня забаррикадировавшиеся 57 поднадзорных, из которых 6 женщин [и] одна [с] ребенком[4], несколькими выстрелами [в] отверстие дома убили часового, рядового местной команды, [и] другого смертельно ранили...[5] Я не передал действовать оружием для достижения ареста, в виду заявления начальника команды капитана Кудельского: единственный способ добиться благоприятного результата, [он] должен сделать до десяти залпов, убив часть забаррикадировавшихся, [и] подготовить тем возможность проникнуть внутрь. Убежден, [что] солдаты, проникнув, уничтожат политических до последнего; другого способа арестовать нет; предположенный способ применю, если последует указание генерал-

[1] Дело мин. юстиции, стр. 9.
[2] Дело № 193, ч. I, лит. А, стр. 7.
[3] Там же, стр. 8.
[4] На Романовке ребят не было; женщин было 7.
[5] Многоточие в цитатах обозначает у нас пропуск менее интересных мест.

губернатора. [В] шесть часов вечера мне донесено, [что] городовые и казаки, находящиеся [на] охране, разбежались; полицеймейстер водворил их вновь...[1]».

Любопытно, как Чаплин и Кутайсов стремились переложить друг на друга инициативу по истреблению романовцев. Чаплин готов применить этот способ «если последует приказание генерал-губернатора», а последний телеграфирует Плеве 6 марта следующее:

«...Положение серьезное; поднадзорные так далеко зашли, что единственное, вероятно, средство теперь является вооруженная сила, но дать по этому поводу указания невозможно, так как, благодаря своеобразным местным условиям, всего предусмотреть нельзя; дальность же расстояния и двадцатидневный путь лишают возможности самому туда ехать или кого-либо командировать. Чаплин, судя по его нерешительности, отсутствию распорядительности, целому ряду промахов, не такой человек, на которого можно положиться» [2].

Чтобы закончить с первым периодом Романовской истории, со временем блокады (18 февраля—6 марта 1904 года), приведем здесь следующий любопытный документ. Это письмо, полученное Чаплиным 26 или 27 февраля по почте и пересланное в копии в департамент полиции:

«Милостивый государь! Я не принадлежу к политическим ссыльным, я просто представляю частицу, единицу той части русского общества, которое не борется с окружающим злом насилием, но сохранило в себе некоторую отзывчивость и порядочность, которые не позволяют ей вполне равнодушно относиться к происходящему перед ней...

Из этой среды—дворянской, буржуазной, чиновничьей интеллигенции вышли вы, вы теперь соприкасаетесь с ней. И как бы ни загашены были в ней чувства активного протеста, но и она клеймит именем палачей виновников якутской бойни 1889 г., заклеймит тем же именем и вас. Чувство нравственной брезгливости не позволит ей относиться к вам, как к честному человеку, если совершится то, что, повидимому, должно совершиться—подлость назовется подлостью, и до конца вашей жизни, при виде вас, при произнесении вашего имени будет упоминаться: «Это—один из главных убийц и палачей второй якутской бойни».

Но мало этого—история не будет стеснена цензурой, и много лет спустя ваши дети, ваши внуки будут краснеть за свое имя, покрытое кровью и позором на ее страницах...

Вы не можете прятаться за предписания и инструкции—от ваших отзывов и представлений зависит слишком много, весь характер дела. В первые дни все общество было настолько наивно, что возлагало надежды на вашу «тактичность», и видело в вас человека с честью и совестью, который действительно хочет устранить возможность кровавого исхода.

Но последние дни показывают, что эта «мирная тактика» была только для того, чтобы выиграть время и подготовиться.

Все клонится к тому, чтобы или уморить голодной смертью 50—60 человек, или довести их измором до безумной выходки [3], чтобы сложить с себя ответственность за начало бойни, за «первый выстрел».

Но и общественное мнение, и история не ошибутся и запомнят, что кровь расстрелянных и повешенных на вас и на детях ваших...

Голос из общества» [4].

[1] Там же, стр. 9.
[2] Там же, стр. 12.
[3] «До позорной сдачи вы их не доведете». (Сноска в оригинале).
[4] Дело деп. полиции № 193, ч. 2, лит. А, стр. 36. Письмо заметим от себя, послано сестрой одного политического ссыльного, которая находилась тогда вместе с братом в Якутской области. Сейчас она работает, как врач, в Ленинграде.

Романовцы сдались, баррикады разобраны; начинается вторая стадия: суд идет.

Еще 6 марта, когда романовцы еще сидели за баррикадами, Плеве телеграфирует Кутайсову со свойственной ему решительностью:

«...Все должны быть привлечены к следствию и заключены под стражу для предания их затем военному суду, как то имело место в 1889 году по аналогичному делу» [1].

Кутайсов, повидимому, в ответ телеграфирует 7 марта:

«...Мною все будут преданы военному суду» [2].

«Просьба» о предании романовцев военному суду получена была Кутайсовым также от генерал-лейтенанта Сухотина, степного генерал-губернатора в Омске.

Кутайсов, по сообщению Сухотина, «выразил не только согласие, но даже заявил, что он сами так решил» [3].

Дело считалось уже решенным; 8 марта министр юстиции получил телеграмму от прокурора иркутской судебной палаты, в которой сообщалось, что «по распоряжению министра внутренних дел, политические, виновные в беспорядках, будут преданы военному суду» [4].

Трусливый Кутайсов, однако, своего слова не сдержал: «романовцы», как известно, были преданы не военному, а обычному окружному суду, и только, благодаря этому обстоятельству, спаслись от петли, которой ждал для них Плеве, «как то имело место в 1889 году». Время было не такое: более «чуткие» администраторы уже чувствовали предвестников бури. Ссылка бурлила, как кипящий котел, и настроение «общества» было также на ее стороне. В апреле начинается переписка, подготовляющая почву для тказа от чрезвычайного суда.

8 апреля прокурор иркутской судебной палаты пишет министру юстиции длинный рапорт [5] с изложением своих соображений «о причинах, вызвавших беспорядки... и об условиях, сделавших такие беспорядки возможными». Разбирая кутайсовские циркуляры с точки зрения их нецелесообразности и частью незаконности, прокурор пишет в заключение:

«По многим местным условиям: по отдаленности от центров, по составу населения и т. п., Якутская область, несомненно, мо-

[1] Дело № 193, ч. I, лит. А, стр. 11.

[2] Там же, стр. 15.

[3] Там же, стр. 42 и 63.

[4] Дело 1-го деп. мин. юстиции, стр. 8.

[5] Дело департамента полиции № 193, ч. I, лит. А, стр. 21—24. Это уже второй рапорт прокурора о Романовской истории. Первый был послан им министру юстиции 31 марта; на этом рапорте имеется надпись министра: «Происшествие совсем необычайное».

жет быть местом политической ссылки [1], но для этого необходимо сначала приготовить область для этой ссылки, необходим ряд систематических мероприятий для организации ее. При настоящих же условиях всегда можно ожидать повторения таких же беспорядков, какие имели место в феврале и марте сего года».

Непосредственно вопроса о чрезвычайном суде рапорт не касается, но он, повидимому, стремится, между прочим, указать на отсутствие основания для из'ятия из общей подсудности. Может быть, поэтому, рапорт был препровожден министром юстиции на усмотрение Плеве [2].

3 мая «сам» Кутайсов пытается пространными соображениями [3] убедить всесильного диктатора Плеве в пользу обычного суда. Мы не будем следить за ходом его мыслей и приведем только одну-другую цитату из соображений, поколебавших будто его решение относительно военного суда:

«При неустновлении степени виновности каждого из преступников в отдельности, суд будет поставлен в необходимость определить всем обвиняемым одинаковое наказание, т.-е. приговорить их всех, в силу 279 статьи воинского устава о наказаниях, к смертной казни. Исполнение этого приговора над столь выдающимся числом преступников по многим причинам едва ли осуществимо... Бессрочная каторга может быть и почти несомненно будет определена подсудимым и судом гражданским».

В заключение Кутайсов ссылается на авторитет целых двух прокуроров, гражданского и военного, которые тоже высказываются против из'ятия дела из общей подсудности.

Диктатор смилостивился: на докладе Кутайсова Плеве «собственноручно» сделал надпись, которая 18 мая претворена была в следующую телеграмму на имя Кутайсова:

«Я вполне разделяю ваше окончательное предположение о направлении дела о беспорядках Якутске в гражданский суд.

Министр внутренних дел *Плеве*» [4].

Упомянутый выше Сухотин, узнав о «вероломстве» Кутайсова, счел «долгом» опротестовать подобное «послабление» в телеграмме на имя военного министра.

Протест не возымел действия, романовцы были преданы суду якутского окружного суда. Сердце начальства опять волнуется:

[1] Почетному сановнику на расстоянии 3-х тысяч верст от Якутска область казалась, несомненно, подходящей для политической ссылки. Стоявшая ближе к краю местная якутская власть в течение десятков лет не переставала, наоборот, обращать внимание центрального правительства на неприспособленность Якутской области в качестве места политической ссылки. Во всеподданнейшем отчете якутского губернатора за 1903 год, т.-е. накануне Романовской истории, мы находим пространные соображения в доказательство этой неприспособленности, которые мы даем в виде приложения к настоящей статье. Впрочем, якутскими губернаторами, вероятно, также руководили по существу не соображения о непригодности области для политических ссыльных, а желание освободить себя от хлопот, причиняемых пребыванием ссыльных в области и необходимостью надзора за ними.

[2] Дело № 193, ч. I, лит. А, стр. 20.

[3] Там же, стр. 35—46.

[4] Там же, стр. 47.

21 мая 1904 года в 6 часов пополуночи из Иркутска отправляется министру внутренних дел шифрованная телеграмма следующего содержания:

«Ожидаю беспорядки Якутске во время суда и самовольного прибытия туда ссыльных из разных мест; помешать невозможно, многие вооружены; всех в области триста восемнадцать; сношения между ними постоянны, летом сообщения удобны. Войска нет, полиции недостаточно и ненадежна, чтобы обеспечить, насколько возможно, порядок и предупредить случайности. Удалось получить тридцать конвойных для сопровождения ушедшую пятнадцатого мая партию; конвойных просил оставить там, но этого недостаточно, предлагаю сформировать новую партию и отправить с более сильным конвоем, человек в пятьдесят, но сделать этого без вашего содействия не могу. Сухотин, не заинтересованный сохранением порядка у меня, наверное откажет. Необходимо категорическое приказание военного министра. По верным сведениям, арестованные предполагают затянуть дело, пользуясь законными сроками и распоряжениями. Предвидя это, сейчас по окончании суда отправляю в Александровскую тюрьму, откуда уже могут подавать апелляции. В виду ожидаемых беспорядков и демонстраций, не признаете ли возможным, дабы они не сошли безнаказанно, исходатайствовать мне, без опубликования, право демонстрантов подвергать тюремному заключению до окончания срока высылки; безнаказанность этих негодяев все увеличивает их дерзость и дает им уверенность, что раз они сосланы, то могут позволять себе все, что угодно, слишком они уже набалованы. Без крутых мер ничего не сделать.

Подписал: генерал-губернатор граф *Кутайсов*».

Любопытный документ, не правда ли?—и это взаимное подсиживание двух генералов, Сухотина и Кутайсова, из которых первый как будто бы готов даже попустительствовать «беспорядкам», если можно таким образом причинить неприятности коллеге; и эта тоска по крутым мерам против «этих негодяев» в устах Кутайсова, который, как мы увидим, скоро запоет совсем другие песни; и оговорка о неопубликовании предоставляемого ему права подвергать тюремному заключению, и т. д., и т. д.

Мы не знаем, было ли предоставлено ретивому генералу это право; во всяком случае, никто в Якутске не был подвергнут тюремному заключению до окончания срока высылки, хотя, как известно, в Якутске состоялась довольно внушительная демонстрация с участием значительной части ссыльных при отправке романовцев после суда в Александровскую тюрьму. Относительно этой демонстрации мы находим в архиве довольно любопытный материал, показывающий, как «правдиво» местные власти давали сведения центру о событиях. Вот что сообщает якутский губернатор Булатов департаменту полиции 7 сентября 1904 года о проводах романовцев:

«Проводить партию до пристани собралась часть находившихся в городе поднадзорных, некоторые из них запели было какую-то песню, слова которой нельзя было разобрать, но тотчас же, остановленные полицеймейстером, прекратили пение и только один из толпы—Файвель Гимельфарб, освобожденный от надзора полиции на основании высочайшего манифеста 11 августа с. г., позволил себе крикнуть: «Долой самодержавие». Выходка эта не была, однакож, поддержана другими политическими ни из партии, ни из

сопровождавших ее, и арестантская партия спокойно дошла до пристани и разместилась на баржах» [1].

Достаточно прочесть «Историю якутского протеста» П. Теплова [2], чтобы увидеть всю лживость этого донесения начальства. Пение революционных песен, такое явственное пение, что оно не могло быть не разобрано чутким ухом начальства, и столь же явственные недопустимые возгласы не прекращались всю дорогу от момента выхода из тюрьмы до момента отправки паузка по Лене от берегов Якутска. В манифестации слились сами романовцы и провожавшие их ссыльные, хотя они были разделены друг от друга тесным кольцом конвойных. А что касается вмешательства полицеймейстера, то у многих участников еще до сих пор, вероятно, остается в памяти следующий комический момент: ворота якутской тюрьмы открываются, романовцы выходят с пением «Варшавянки»; полицеймейстер Березкин, стоя впереди собравшихся ссыльных, потерявшись, замахал руками, требуя прекращения пения, а в ответ ссыльные и романовцы еще громче продолжают петь, при чем один из романовцев тоже размахивает руками, дирижируя пением.

Губернатор, очевидно, счел нужным замолчать все это для того, чтобы не получить выговора за непринятие мер, и, повидимому, это ему удалось. В худшем положении оказался офицер, сопровождавший партию романовцев из Якутска в Александровскую тюрьму. Надо ему отдать справедливость, что он, из страха ли перед бунтовщиками, из либерализма ли, или просто от душевной слабости, держался очень прилично по отношению к романовцам, принял их с таким легким обыском, что они сохранили при себе оружие, в дороге давал разные поблажки и в общем мало выполнил полученные распоряжения в смысле недопущения по дороге общения романовцев с местными ссыльными. Правда, в некоторых местах он уступал в этом отношении романовцам только под влиянием весьма определенных угроз оказать самое серьезное сопротивление его попыткам помешать такому общению, но его либерализм или трусость именно в том и проявились, что он не довел до таких столкновений.

Оказалось, что иркутское губернское жандармское управление не дремало: оно тщательно собирало сведения о движении романовцев по пути из Якутска в Александровскую тюрьму и составило об этом подробное донесение директору департамента полиции, отмечая все случаи поблажек и «незаконного» поведения романовцев.

5 сентября, сообщает жандармское управление, осужденные по якутскому протесту проследовали через Киренск. Ссыльные из села Чечуйского, Меер и Сура Годлевские, Хая Гиршфельд, Александр Яндовский и Янкель Городецкий, самовольно отлучились из места своей ссылки и силой пробрались на баржу, на которой ехали якутяне. По дороге якутяне и сопровождавшие

[1] Дело департамента полиции, 1904 г. № 193, ч. I, литера Б, стр. 3.
[2] Стр. 352—353.

их ссыльные пели революционные песни, а в Киренске большинство арестантов пошло на квартиру к бывшему ссыльному Кизинскому, где оставались около часу.

15 сентября прибыли в село Жигалово. 16-го утром начальник конвоя Рябинин думал отправиться дальше, но осужденные потребовали «дневку», чтобы повидаться с местными ссыльными. Здесь к якутянам явились Соломон Цейтлин и Юдель Вольенер, которые самовольно прибыли из своего места ссылки, села Знаменского; после свидания, сообщает жандармское управление, они были арестованы и отправлены обратно [1]. Якутяне, говорит дальше сообщение, послали нарочного в Знаменское, чтобы сообщить ссыльным о своем проезде; источником этих сведений сообщение называет донос ссыльно-поселенца Якова Хольштама.

17 сентября прибыли в Верхоленск. 18-го заявили, что не двинутся дальше, пока не получат свидания с местными ссыльными. Рябинин уступил.

18 сентября прибыли в Харабатово. Помощник пристава Бесараб заявил, что ему вверено сопровождать партию и не допускать свиданий. 19-го прибыли в его сопровождении в Манзурку. Ссыльным запретили показаться на площади, где остановились якутяне. Ссыльные Боринский, Чантладзе и Нейфельд вступили в разговоры с якутянами. Урядник вмешался, желая воспрепятствовать незаконным сношениям. Один из романовцев заявил Бесарабу: «Почему вы воспрещаете свидания с нашими товарищами, когда это разрешает офицер? Разве вы хотите, чтобы мы отсюда не выехали?». Бесараб, узнав, что у якутян имеются револьверы, устранил себя, а Рябинин удовлетворил требование якутян.

Таковы наиболее интересные места из сообщения начальника иркутского губернского жандармского управления директору департамента полиции от 26 октября 1904 года [2]. Это сообщение, как мы видим, резко отличается от сообщения якутского губернатора, но надо же войти в человеческую природу: там губернатор защищал свой престиж, а здесь жандарм выслуживается ценою доносов на другого начальника.

От губернаторских и жандармских сообщений перейдем к одному любопытному человеческому документу: в архиве первого департамента министерства юстиции находится следующее обращение матери якутского вице-губернатора Чаплина на имя министра внутренних дел Святополк-Мирского, написанное 8 ноября 1904 года:

«Псалом S 1.
«Услыши, господи, правду мою,

[1] Романовцы не знали своевременно об этом аресте: это делалось тайно, чтобы не вызвать столкновений.

[2] Дело № 193, ч. I, лит. Б.

«вонми молению моему, внуши
«молитву мою не во устах
«льстивых».

«Милостивый государь,
Князь Петр Дмитриевич.

В память моего дорогого умершего сына Николая [1], почивающего свой вечный сон в Якутске, зная, что он своей рассудительной твердостью и отвагой спас много жизней от худшего конца и покорил их закону,—умоляю ваше сиятельство смягчить, простить несчастных заблудших, повергнув судьбу их к стопам всемилостивого нашего государя императора.

Его величества верноподданная

Вера Чаплина».

Это наивное письмо, в котором Чаплина даже забыла точно указать о каких «несчастных заблудших» она ходатайствует, было отправлено министром внутренних дел на усмотрение юстиции с раз'яснением, что речь, вероятно, идет об осужденных по якутскому протесту.

Романовцы были доставлены из Якутска в Александровскую тюрьму, сравнительно недалеко от Иркутска, а в апреле 1905 г. было назначено к слушанию вторично дело романовцев в апелляционном порядке в иркутской судебной палате в г. Иркутске. Старенький Кутайсов как-то прозевал тот момент, когда палата решила рассмотреть это дело в самом городе Иркутске, но когда он узнал об этом, его трусливое сердце забилось: как бы чего не вышло. Находясь тогда в Петербурге, он телеграфирует 26 марта старшему председателю иркутской судебной палаты следующее:

«Признавая безусловно необходимым в целях сохранения порядка, чтобы якутское дело разбиралось не в Иркутске, а в Александровском, где легче избежать нежелательных демонстраций, прошу телеграфировать о причинах, этому препятствующих» [2].

27 марта председатель палаты ответил Кутайсову телеграфно, что дело уже назначено к слушанию в Иркутске и что изменить место он не считает возможным, так как это послужило бы кассационным поводом, на что Кутайсов разразился 28 марта новой телеграммой:

«Якутские были переведены в Александровское по соглашению с вами именно с целью судить их там, а не в большом городе. Определение палаты мне было неизвестно, узнал о нем только из газет. Назначенное в Иркутске разбирательство, кроме значительных затруднений для администрации, может вызвать большие беспорядки, миновать которые было бы вполне воз-

[1] Якутского вице-губернатора, умершего в Якутске в 1904 г.
[2] Дело I департамента министерства юстиции, I уг. отделение, I делопроизводство, 1905 г., № 1008, т. I, стр. 131.

можно, если бы вам угодно было сообщить мне определение палаты, так что вся ответственность за них падает по всей справедливости не на администрацию»[1].

Эта телеграмма была оставлена *без ответа*. Кутайсов не унимался. Находясь тогда в Петербурге, он настаивал перед министром юстиции на слушании дела в Александровске. Министр обратился с запросом к председателю иркутской палаты, но тот категорически отверг это предложение, разобиженный «странной» телеграфной перепиской Кутайсова. Вот что, между прочим, он по этому поводу пишет министру юстиции 30 марта 1905 года:

М. Ю.
Старший председатель иркутской судебной палаты.
Марта 30 дня 1905 г.
№ 2007.

Доверительно.
Господину управляющему министерством юстиции.

В дополнение к телеграмме моей от 29 марта, довожу до сведения вашего высокопревосходительства, что 26 марта мною получена от графа Кутайсова следующая телеграмма: «Признавая безусловно необходимым в целях сохранения порядка, чтобы якутское дело разбиралось не в Иркутске, а в Александровском, где легче избежать нежелательных демонстраций, прошу телеграфировать о причинах, этому препятствующих».

Телеграмма эта явилась для меня совершенною неожиданностью, так как на пред'явление таких требований и в такой форме генерал-губернаторы законом не уполномочены даже в местностях, об'явленных на положении усиленной охраны (к каковым Иркутск не принадлежит), и так как граф Кутайсов не писал и при частых личных свиданиях ни разу не говорил мне о каких-либо неудобствах слушания упомянутого дела в Иркутске... Наконец, по поводу предполагаемых беспорядков и манифестаций во время или по поводу разбора дела ко мне никаких сведений и сообщений не поступало. Нужные меры предосторожности в этом отношении приняты, но я имею основание думать, что разбирательство дела пройдет в судебной палате так же спокойно, как и в 1-й инстанции, когда граф Кутайсов также ожидал каких-то беспорядков.

Старший председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

(Дело м. ю. 1905 г. № 1008, т. I, арх. № 3028, стр. 131 и 132).

Надо отдать справедливость Кутайсову, что на этот раз он оказался прозорливее председателя палаты насчет возможных беспорядков и манифестаций. Об этом свидетельствуют приведенные ниже два сообщения о ходе суда и о сопровождавших его манифестациях:

Дело м. ю. 1905 г. № 1008, т. I, стр. 136.

20 апреля. Секретно.
Его высокопревосходительству господину министру юстиции.

Копия представления прокурора иркутского окружного суда прокурору иркутской судебной палаты от 6 апреля 1905 года за № 669.

Имею честь донести вашему превосходительству, что 5 апреля сего года в г. Иркутске, во время слушания в иркутской судебной палате дела по обви-

[1] Там же.

нению Курнатовского и других по 263, 266 и 268 ст. улож о нак., приблизительно около 7½ час вечера, у здания судебных установлений собралась толпа учащихся обоего пола и других лиц, числом около 200 человек. К этой толпе из окна здания суда обратился с каким-то криком один из обвиняемых и после этого в толпе раздались крики собравшихся: «Долой самодержавие, долой царя», затем вся масса, двигаясь по направлению к Большой улице, разбрасывая в большом количестве прокламации издания иркутского комитета Р. С.-Д. Р. П., с датой 3 апреля 1905 года, увлекая за собой проходившую и гулявшую публику стала распевать «Дубинушку» и «Марсельезу», прерывая песню криками: «Долой самодержавие». Ни флагов, ни каких-либо других знаков в толпе не было, шла она посредине улицы, почти вплоть до городского театра, а затем, когда появилась вызванная рота солдат, демонстранты разбежались, частью смешались с неучаствовавшей в демонстрации публикой, а частью бросились в здание театра. Здесь некоторые лица были задержаны, но вскоре отпущены, так как невозможно было установить, принимали ли они участие в описанной демонстрации. Я лично был на месте происшествия и могу удостоверить, что при мне ни солдаты, ни городовые оружия в ход не пускали, да и надобности в том не представлялось и никому насилия причинено не было, из толпы же был пущен камень, поранивший легко в голову одного городового. Расследование производится. При сем имею честь представить и два экземпляра прокламаций, разбросанных демонстрантами как у здания судебных установлений, так и на Большой улице.

Прокурор *Фаас*. И. д. секретаря (подпись).

№ 670. 6 апреля 1905 года.

М. Ю.
Прокурор иркутской судебной палаты.
Апреля 7 дня 1905 года.
№ 256.
Дело о сопротивлении в г. Якутске политических ссыльных.

Секретно.

Арестантское.

В первый департамент министерства юстиции (второе уголовное отделение, 3 делопроизводство).

В дополнение к отношению от 19 февраля сего года за № 120 и телеграфному донесению моему от сего числа на имя господина управляющего министерством юстиции, препровождаю при сем в первый департамент копию резолюции иркутской судебной палаты, состоявшейся 5—6 сего апреля по делу о Георгии Вардоянце и других, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 263, 266 и 268 улож о нак. При этом имею честь довести до сведения департамента, что 5 сего апреля, в 8 часу вечера, во время перерыва заседания по означенному делу, перед зданием судебной палаты собралась толпа учащихся и других лиц, всего до 200 человек, которые кричали «Долой царя, долой самодержавие», а затем с теми же криками и пением революционных песен направились по Большой улице, при чем демонстрантами было разбросано более 600 экз. прилагаемых при сем прокламаций иркутского комитета российской социал-демократической рабочей партии от 5 сего апреля, из коих одна озаглавлена: «Суд идет», а другая, без заглавия, начинается словами: «Сегодня, 5 апреля, апелляционный суд над романовцами». Об этой демонстрации донесено министерству юстиции прокурором иркутского окружного суда 6 сего апреля за № 670.

В судебном заседании по вышеупомянутому делу некоторые подсудимые в конце судебного заседания пожелали дать об'яснения, в которых они старались отметить, главным образом, то, что апелляционная жалоба принесена ими вовсе не с целью добиться оправдания или смягчения наказания, а исключительно для придания настоящему делу большей огласки. При этом подсудимый Игнатий Ржонца закончил свою речь приблизительно так: «Я не интересуюсь тем, какой палата вынесет мне приговор, так же, как не интересовался я, какой приговор постановит обо мне якутский суд, я знаю, что русское правительство не освободит меня от наказания, но меня

очень скоро освободит от него русский народ, который только что кричал: долой самодержавие». После этих слов среди присутствовавшей на заседании публики, допущенной по просьбе подсудимых, раздались аплодисменты. Вследствие этого старшим председателем об'явлен перерыв заседания и сделано распоряжение удалить публику. По возобновлении заседания, в виду заявления одного из защитников подсудимых, присяжного поверенного Орнштейна, о том, что лица, нарушившие порядок, удалились, и что остальные, не участвовавшие в этом, просят разрешения присутствовать при разборе дела, часть публики была вновь допущена в зал заседания. При этом как подсудимым, так и публике старшим председателем было сделано надлежащее внушение и раз'яснено, что при повторении беспорядков, виновные будут удалены и арестованы.

В последнем слове некоторые подсудимые пытались заявлять о своей принадлежности к социал-демократической партии и высказывать противоправительственного характера суждения, но были останавливаемы старшим председателем, при чем двое из них были лишены права последнего слова.

После провозглашения резолюции палаты и закрытия судебного заседания среди подсудимых послышались протесты против постановления палаты о представлении приговора на благоусмотрение государя императора с ходатайством о смягчении их участи, раздались крики: «не хотим», «не надо», кто-то крикнул: «это не суд...» (последних слов разобрать было нельзя) и «ура».

Других случаев, обращающих на себя внимание, во время разбора настоящего дела не было.

В зале заседания, с разрешения старшего председателя судебной палаты, присутствовали местные чины судебного ведомства, военный следователь и присяжные поверенные. Число лиц, о допущении коих, на основании ст. 622 уст. уг. суд., ходатайствовали подсудимые, в виду недостатка помещения в зале заседания, было ограничено тридцатью четырьмя.

Прокурор судебной палаты (подпись).
Секретарь (подпись).

(Дело м. ю., 1905 г. № 1008, т. 1, арх. № 3028, стр. 133 и 134).

Приведем здесь же те две прокламации, о которых упоминает сообщение прокурора иркутской судебной палаты от 7 апреля 1905 года:

Прокламация первая[1].

«Суд идет.
Сегодня самодержавие судит романовцев.
Судит сеятелей идей правды и добра!
Судит борцов за рабочее дело.
Судит героев, поднявших знамя борьбы в суровой ссылке.
Сегодня самодержавие празднует свою кровавую победу.
Сегодня...
Но... там... за Уралом, как ураган, несется боевой клич: смерть тиранам! Смерть!
То рабочий класс восстает.
Непобедимый—он завтра вынесет смертный приговор всем врагам народа. И гордый своей победой над царизмом, смело пойдет к желанному социализму, к царству свободы и разума.
Да здравствует пролетариат!
Смерть тиранам!
Слава товарищам!

Иркутский Комитет Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. 5 апреля 1905 г.».

[1] Дело 1 департамента министерства юстиции, № 1108, т. I, стр. 137.

Прокламация вторая.

Российская Социал-Дем. Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Иркутск, 5 апреля 1905 г.

Сегодня, 5 апреля, апелляционный суд над романовцами. Романовцы— это группа политических ссыльных, осужденных на 12 лет каторги за вооруженный протест против невыносимых условий жизни в ссылке.

Чем большие и большие силы выдвигала социал-демократия для борьбы с самодержавием, тем сильнее последнее истязало попавшие в его руки жертвы.

Разгоряченная фантазия исступленного самодержавного правительства решила превратить ссылку в своеобразные казематы—ссыльным запретили свидания с партиями новых товарищей, идущих в ссылку, ссыльным запретили безусловно всякие отлучки в соседние селения, на каждых 3-х ссыльных поставили шпиона с предписанием даже посещать квартиры ссыльных и т. п. Новые товарищи были почти единственным источником, откуда ссыльные узнавали, что делается в России, как идет невольно оставленное дорогое дело. Циркуляры лишили и этого единственного источника. Ссылка в неприветливые дебри и тундры Сибири, очень тяжелая сама по себе, при таких условиях становилась пыткой. Мало того, правительство превратило ссылку в могилу, оно отказалось возвращать ссыльных в Россию на счет казны, и этим многих из них обрекла на вечное изгнание в Сибири.

Точно из рога изобилия сыпался циркуляр за циркуляром, и трудно было предвидеть, до каких глумлений над ссыльными дойдет самодержавие. Ссыльные протестовали неисполнением циркуляров, за что подвергались аресту или новой ссылке в более отдаленные места. Протесты одиночек, разбросанных по селам и улусам, оказывались бессильными. Требовалось соединиться: сила только в единении. И вот из якутских улусов, даже из тундр Колымы и Яны, потянулись революционеры в Якутск. Здесь они в числе 56 челов. забаррикадировались в доме обывателя Романова (отсюда и получилось прозвище «романовцы»), вооружились и через делегата пред'явили свои требования. В ответ на эти требования дом Романова был окружен солдатами и подвергнут обстрелу. Осада Романовки длилась 18 дней и кончилась сдачей романовцев. Солдаты выпустили 2.000 пуль, убили товарища Матлахова и троих ранили; дом превратили в решето. Не достигнув намеченной цели—перебить романовцев при осаде—самодержавие нарядило над ними судебную расправу, которая вынесла заранее предрешенный варварский приговор.

Большинство романовцев подали апелляционный протест, но, конечно, не с целью получить смягчение приговора, а чтоб перенести процесс в другие места и тем дать ему более широкую огласку и, таким образом, предать народному суду преступное самодержавие. Это апелляция не к суду, а к народу и, прежде всего, к рабочему классу.

Самодержавие расправилось с романовцами, но как дорого обошлась ему эта расправа. Пресловутые циркуляры, против которых боролись романовцы, пришлось отменить,—самодержавие расписалось в своей несостоятельности. На далеком севере группа смелых изгнанников подняла знамя борьбы с самодержавием и одержала победу.

Протест романовцев будет блестеть на страницах русской революционной истории, как снег при северном сиянии в том крае, где романовцы воздвигли первый революционный форт. Русский пролетариат чтит в романовцах своих передовых борцов. Сегодня этих борцов судит самодержавие... Сегодня еще его день. А завтра... завтра русский народ с сознательным пролетариатом во главе вынесет смертный приговор самодержавию.

Смерть тиранам!

Слава товарищам!

Иркутский Комитет Р. С.-Д. Р. П. Апрель 1905 года.

(Дело м. ю., 1905 г., № 1008, т. I, арх. № 3028, стр. 138).

От трагического перейдем к смешному.

Читатель, конечно, помнит, как распинался Кутайсов сравнительно незадолго до революционного 1905 года за царя и престол, как взывал он к крутым мерам против «этих негодяев» (ссыльных), без каковых мер ничего не сделать. А вот каким либеральным языком заговорил этот сатрап в августе 1905 года.

Как известно, иркутская судебная палата, рассмотрев апелляцию части романовцев [1], оставила в силе приговор якутского окружного суда, но вместе с тем постановила ходатайствовать перед государем о смягчении этого приговора и о замене каторжных работ 2-летним тюремным заключением. Судебная палата возбудила такое ходатайство только по отношению к тем романовцам, которые апеллировали, но в министерстве юстиции был поднят вопрос о том,—не распространить ли это смягчение участи и на остальных участников Романовской истории. Министр юстиции запросил на этот счет мнение Кутайсова. Вместе с тем министр просил Кутайсова высказаться также относительно некоторых романовцев, которые успели убежать из тюрьмы,—распространить ли и на них смягчение приговора. Наконец, министр юстиции счел нужным обратить внимание Кутайсова на то, что подсудимые своим поведением на суде, может быть, дали повод к тому, чтобы не ходатайствовать о смягчении их участи. По поводу последнего вопроса министр юстиции, сенатор С. Манухин, пишет Кутайсову следующее:

«...К сему считаю необходимым присовокупить, что, по доставленным прокурором иркутской судебной палаты сведениям после провозглашения иркутскою судебною палатою той части приговора 5—6 апреля 1905 г., в которой ею было постановлено ходатайствовать перед его императорским величеством о смягчении участи подсудимых, в группе присутствовавших на суде осужденных раздались крики о нежелании их воспользоваться испрашиваемою судебною палатою милостью и выражены были протесты против постановления по сему предмету палаты. Кроме того, в обращенном в министерство юстиции прошении от 9 апреля 1905 года осужденная Песя Шрифтейлиг заявила, что она подтверждает выраженный ею на суде протест против предположенного судебною палатою облегчения ее участи.

Подп.: министр юстиции, сенатор *С. Манухин*.
И. д. директора (подпись)».

(Дело м. ю. 1905 г., № 1008, т. I, арх. № 3028, стр. 181—об.).

Словом, министр как бы делает положение для Кутайсова затруднительным, как бы подсказывает ему необходимость сдержанности в отношении смягчения приговора для романовцев: и не все они апеллировали, да и те, кто апеллировали, отказались от царской милости, а некоторые показали себя недостойными этой милости тем, что, не дождавшись ее, убежали. Но обуявшего Кутайсова духа либерализма ничто сломить не может: он, вопреки всяким сомнениям и намекам министра юсти-

[1] Как известно, романовцы по вопросу об апелляции раскололись: большая часть из них подала апелляцию, а меньшинство от таковой отказалось, и для него приговор якутского окружного суда вошел в силу.

ции, упорно стоит за возможно более полное смягчение участи всех романовцев. Вот что пишет он в ответ министру юстиции 25 августа 1905 года [1]:

«При личном свидании в Петербурге я имел уже случай высказать вашему высокопревосходительству... свое мнение о справедливости и желательности возможно большего смягчения участи указанных выше осужденных и в настоящем отзыве я могу только еще раз подвердить этот высказанный взгляд, основывающийся на том, что якутский инцидент представляется не более, как одним из проявлений того протеста против существующего административного режима, который в последнее время с большей или меньшей силой обнаруживается почти во всех местностях империи. Снисходительное теперь отношение правительства к таким проявлениям могло бы служить вполне достаточным основанием для смягчения кары, постигшей группу лиц за демонстративное выражение протеста почти накануне новых веяний».

Переходя к сомнениям министра относительно бежавших и т. д., Кутайсов продолжает:

«Не должны быть из'яты от льгот ни бежавшие Бройдо и Рубинчик, что, разумеется, не избавляет их от дополнительного наказания, за побег налагаемого, в размере, согласованном с новой, могущей быть определенной им по высочайшему усмотрению карой, ни отбывший уже срок наказания по судебному приговору Никифоров, которому монаршая милость может возвратить в той или иной степени утраченные им права.

Что касается затем указываемого прокурором палаты протеста осужденных против ходатайства палаты о смягчении их участи, то таковому, по моему мнению, нельзя придавать серьезного значения. Во-первых, демонстративные возгласы некоторых, находившихся на скамье подсудимых, лиц не должны отражаться на судьбе всех осужденных и, во-вторых, самая демонстрация эта в значительной степени могла быть об'яснена желанием повлиять возбуждающим образом на умы толпы, массою окружавшей во время процесса здание судебных установлений, чего, конечно, можно было бы избежать путем рассмотрения дела вне Иркутска—в месте содержания под стражей подсудимых. Наконец, самая высшая судебная инстанция в империи есть самодержавный государь, от воли которого и зависит постановить свой окончательный приговор о преступниках, безотносительно не только к их собственным желаниям, но и к определению судебной палаты.

Признавая по всем вышеизложенным соображениям справедливым и весьма желательным возможно большее смягчение участи всех лиц, осужденных за вооруженное восстание против властей в г. Якутске, сообщаю об этом вашему высокопревосходительству.

Генерал-губернатор, член государственного совета, сенатор, почетный опекун, генерал-от-инфантерии граф *Кутайсов*.

Управляющий канцелярией, камергер двора е. в. (подпись).

Делопроизводитель (подпись)».

(Дело м. ю., 1905 г. № 1008, т. I, арх. № 3028, стр. 185).

Любопытно, что, разбирая все доводы и сомнения министра юстиции, Кутайсов совершенно не реагирует на замечание последнего относительно письменного протеста романовки Песи Шрифтейлиг. А надо сказать, что ее письменный протест был такого рода, что в другое время он сам по себе должен был быть сочтен за весьма крупное преступление. Вот что писала она в заявлении на имя министра юстиции 9 апреля 1905 года:

[1] Дело министерства юстиции, 1905 год, № 1008, т. I, стр. 184-185.

«В палате, в своем последнем слове, я протестовала против этого обращения к высочайшей милости и требовала занесения моего протеста в протокол. Подтверждая свой протест на суде еще раз вашему высокопревосходительству, я заявляю, что на царскую власть и ее органы смотрю, как на врагов народа и народного благосостояния, царской «милости» предпочитаю каторжные работы, а игнорирование этого моего заявления буду рассматривать, как новый акт нравственного насилия над собой» [1].

Такое оскорбление величества никакого влияния не оказывает на Кутайсова 1905 года. Было время, когда Кутайсов был более ревностным верноподданным. Это было в семидесятые годы прошлого века, когда Кутайсов был нижегородским губернатором и получал неоднократно выражение высочайшего «благоволения» за полезную деятельность по взиманию податей и выкупных платежей. В одном из своих докладов того времени Кутайсов, сообщая о произнесении такими-то лицами неблагопристойных выражений по адресу царя, писал: «Людей этих я засадил в острог, но не могу совершенно откровенно не сознаться, что мне гораздо приятнее было бы видеть, что народ, при этом присутствовавший, разорвал их на части и тем убедил бы меня в том, чего я желаю, т.-е., что на Руси царя трогать не смей» [1].

Впрочем, и в то время Кутайсов относился ревностно не только к чести царя ,но и еще к некоторым «более низменным» вещам: в канцелярии министра внутренних дел значится по 1878 году дело о заказе графом Кутайсовым, генерал-майором Нижегородской губернии, на счет сумм полиции изящного парохода...

Приложение.

Ленинградский центральный исторический архив. Архивохранилище № 2. (Архив б. министерства внутренних дел).

Выписка из всеподданнейшего отчета якутского губернатора за 1903 год.

Стр. 7.

...Еще большее обременение представляет для области чрезвычайно увеличившаяся за последнее время ссылка сюда политических-поднадзорных. До 1903 года в области находилось этой категории ссыльных 115 чел., которые распределялись, главным образом, в городах и более значительных русских селениях, где имеются полицейские чиновники (земские заседатели). Со второй половины отчетного года высылка настолько усилилась, что в настоящее время в области считается уже около 380 поднадзорных и ожидается вновь назначенных более 200 чел.

Вследствие исключительного положения области, зависящего от природных ее условий, отсутствия постоянных правильных путей сообщения, разбросанности и своеобразной жизни населяющих ее инородцев, в распределении массы прибывших в 1903 г. политических ссыльных и надзоре за ними встретились весьма большие затруднения.

Города области крайне малолюдны; незначительное крестьянское население, состоящее из восьми волостей, расположено почти исключительно по

[1] Дело первого департамента министерства юстиции 1905 года, № 1008, стр. 146.

р. Лене и судоходному притоку ее Вилюю,—главным путям, по которым возможны и удобны побеги поднадзорных; размещать же их в среде инородческого населения почти невозможно, в виду исключительных, своеобразных условий его жизни.

Вся масса этого населения, в противоположность другим инородцам Сибири, живет не селениями, а отдельными дворами (стойбищами), разбросанными на громадном пространстве, нередко на десятки и сотни верст один от другого. Обыкновенное жилище якута составляет юрта из двух отделений, разделяемых перегородкою на жилье людей и хлев домашнего скота; освещается юрта вместо окон кусками льда и очагами, служащими и печами. Запасные юрты встречаются лишь изредка у немногих богатых инородцев. Пища инородцев столь же примитивна, как и жилища, и состоит часто только из рыбы и конины или оленины; достать главнейшие даже предметы довольствия можно только в городах или русских селениях, отстоящих от инородческих стойбищ иногда на сотни верст; медицинская помощь, по незначительности врачебного персонала, почти отсутствует, между тем, большинство ссыльных прибывает сюда с надорванным здоровьем, и, нуждаясь в лечении, настоятельно ходатайствует о водворении в пунктах, где есть врачебная помощь. Сами инородцы чрезвычайно неохотно, почти насильственно только, принимают к себе ссыльных, боятся их и употребляют все меры, чтобы избавиться от нежелательных жильцов, даже до содействия их побегам.

При огромных расстояниях области, почти исключительно вьючных трактах и разбросанности инородческих стойбищ, активный надзор за политическими ссыльными почти невозможен ни для небольшого числа полицейских чиновников, ни даже для особых надзирателей, заведывающих районами распределения ссыльных на десятки и сотни верст; инородческие же начальники не только неграмотные, но в большинстве и не знающие русского языка, совершенно непригодны для целей надзора. К этому необходимо добавить, что летом с северными округами существует только тяжелое верховое сообщение, к которому способны очень немногие ссыльные, поэтому прибывающие в область сплавом по р. Лене поднадзорные, до отправки зимою на север, должны задерживаться в Якутском округе на несколько месяцев, переполняя собою и Якутск и ближайшие селения; зимой же, при существовании по Верхоянско-Колымскому тракту только двух пар лошадей и расстояниях между станками в сотни верст, могут отправляться лишь по два человека, через 5—7 суток. В виду изложенных исключительных условий, совершенного почти заполнения политическими ссыльными тех пунктов, где можно было найти сколько-нибудь пригодные для них помещения, и участившихся побегов этих ссыльных, которые невозможно предупредить, я в нескольких представлениях иркутскому генерал-губернатору вошел с ходатайством если не о совершенном прекращении, то хотя бы о возможном уменьшении дальнейшей высылки в область политических поднадзорных.

[1] Дело по канцелярии министра внутренних дел, 1873 г., № 2573, стр. 28

М. Минский.

Драма на Лене.

С назначением Кутайсова генерал-губернатором Восточной Сибири положение политических ссыльных резко изменилось к худшему: запрещены были отлучки, встречи этапов, служба и просто общение друг с другом. Шпионаж стал нестерпимым. По малейшему поводу, а часто и без всякого повода, люди высылались в самые дикие, безлюдные углы и получали удлинение сроков ссылки. Местное крестьянство натравлялось против ссыльных. Такова была политика министра Плеве.

Ссылка заволновалась, начались протесты и борьба за сохранение тех немногих «вольностей», которыми пользовались ссыльные до Кутайсова. Одним из наиболее ярких протестов был знаменитый «Романовский», всколыхнувший и ссылку, и каторгу. Администрация отовсюду получала заявления ссыльных об их солидарности с «романовцами». Подали заявление и мы, сидевшие в ожидании дальнейшего направления в Александровской пересыльной тюрьме (60 верст от Иркутска).

Нас было 32 чел.: 28 — мужчин и 6 — женщин. Здесь были представители почти всех течений революционной мысли того времени. Соц. - дем. было 19 чел., с.-р.—1 чел., бундовцев—8 чел. и 7 чел., о партийной принадлежности которых у меня нет сведений.

Иркутская администрация, желая предупредить возможность столкновений в пути, накануне отправки нашей партии в Якутск, перевела в иркутскую тюрьму нескольких товарищей: Лидию Канцель, Александра Савинкова, Константина Попова и Анну Махлин.

Днем от'езда нашей партии было назначено 15 мая 1904 года. Большинство товарищей, в том числе и я, направлялись в Якутскую область. С раннего утра тюрьма была на ногах. С нетерпением ожидали лошадей. У всех было приподнятое, радостное настроение. Предстояла масса новых впечатлений. Ведь большинство из товарищей просидело в тюрьме по многу месяцев. Одни строили планы побега с дороги, другие стремились скорее прибыть на место, чтобы отдохнуть от тюрьмы. В разгаре оживленных сборов на дворе тюрьмы появился конвойный офицер

Сикорский, назначенный для сопровождения нашей партии. Грубый, неуравновешенный, постоянно пьяный, он был задет нашим невниманием к нему и сразу же отдал резкое приказание конвойным пересмотреть все вещи и обыскать нас. Такое требование шло вразрез с установившимися обычаями тюрьмы, и наш староста Михаил Лурье (Ю. Ларин), от имени всей партии заявил, что мы отказываемся ехать до отмены этого распоряжения. Опасаясь, чтобы нас не взяли силой, мы быстро внесли в здание тюрьмы все вещи и забаррикадировались.

После недолгого сопротивления Сикорский уступил нашим требованиям, и мы двинулись в путь. Мы ехали вместе с уголовными, которых было 220 человек. Политическим были даны подводы, уголовные шли пешком. Предстояло пройти около 350 верст до с. Качуга.

Согласно принятому решению, мы всюду требовали свидания с живущими по дороге товарищами, на что нам отвечали избиением, при чем офицер, всегда пьяный, с нагайкой в одной руке и револьвером в другой поощрял солдат и десятских.

Сильному избиению мы подверглись в дер. Усть-Ордынской, где с одним из наших товарищей М. Лурье сделался сердечный припадок. На наши требования оставить товарища в деревне и предоставить ему медицинскую помощь офицер ответил отказом и запретил ехавшему с нами фельдшеру дать лекарство. Мы отказались ехать дальше, пока больной не оправится. Тогда офицер отдал приказ взять нас силой. Нас оттеснили от больного, взвалили его на телегу, а нас прикладами погнали вперед.

В селе Манзурке мы должны были получить ответ на нашу телеграмму Кутайсову с требованием разрешить нам свидания с живущими по пути нашего следования товарищами. Как и надо было ожидать, никакого ответа не последовало. При попытке устроить свидание с местными ссыльными мы подверглись сильному избиению. Солдаты и десятские, поощряемые пьяным офицером, набросились на нас, и после короткого сопротивления, мы были привязаны к телегам, и в таком положении нас повезли дальше. В знак протеста, мы, лежа связанными, продолжали петь революционные песни.

Интересна психология солдат. Эти простые русские крестьяне охотно слушали нашу агитацию и так же охотно исполняли наши просьбы. С некоторыми из них у нас установились за время пути самые дружеские отношения, благодаря чему нам удавалось посылать телеграммы и сносится с товарищами, живущими по пути. И те же самые солдаты, по приказу пьяного офицера, с остервенением избивали нас. Так сильно было в старом солдате безрассудное повиновение приказу.

В селе Качуге партия была погружена на паузки: на одном были политические, на двух уголовные и четвертый был занят офицером и конвойной командой.

Паузки плыли вниз по течению реки. Чистый воздух, суровая сибирская природа, могучая река Лена, со своими высокими

скалистыми берегами, как бы заключенная в каменный коридор,—все это действовало на нас чрезвычайно хорошо и успокаивало наши истрепанные нервы.

Офицер боялся нас, и его паузок отставал от нашего верст на 5; это избавило нас от постоянных придирок с его стороны. Паузки останавливались вдали от населенных мест, и мы лишены были возможности видеть кого-либо из местных ссыльных.

Возле Верхоленска паузки остановились. Все высыпали на берег. Солдаты цепью окружили нас.

Я и тов. Александр Щепетев (с.-р.) решили бежать. Щепетев удачно скрылся за ближайшими кустами и остался на берегу. Мне же не представилось такой возможности: когда я стал удаляться от цепи, солдат, дежуривший на крыше паузка, заставил меня вернуться назад.

Запасшись провизией, паузки двинулись в путь. Чтобы скрыть побег Щепетева, мы сделали чучело, положили его в отгороженное простынями отделение для больных, и заявили товарищам, что Щепетев болен. Старший солдат конвойной команды пересчитал нас, принял высунувшиеся из-под простыни сапоги за ноги А. Щепетева и ушел, уверенный, что все обстоит благополучно.

О побеге знали только ближайшие товарищи, остальные даже не подозревали, что тов. Щепетева давно нет и что из-под простыни торчат пустые сапоги.

Под'езжая к г. Киренску, «старший», обычно проверявший нас, начал проявлять беспокойство и с большим вниманием приглядываться к неподвижно - торчащим ногам. По нашему расчету, тов. Щепетов уже должен был добраться до Иркутска и был вне опасности. Чтобы не подвести солдат, надо было ликвидировать эту историю, при чем все-таки так, чтобы побег не был открыт.

Мы решили поставить «старшóго» перед свершившимся фактом и тем заставить его принять участие в сокрытии побега. Улучив удобный момент, я рассказал ему всю правду и предложил устроить мнимое потопление Щепетева. Он сразу сообразил, что, если побег откроется, то он первый будет в ответе, так как на нем лежала обязанность ежедневно проверять политических. Он сразу согласился. В ближайшую ночь, когда паузки, вследствие сильного тумана, остановились у берега, наш сообщник встал на караул, а тов. Егор Решетов вынес большой камень и с шумом бросил его в воду вместе с фуражкой тов. Щепетева. Караульный выстрелил и поднял тревогу. Все выскочили. Кто-то из нас заявил, что нет тов. Щепетева, караульный сообщил, что он видел, как кто-то из политических бросился в воду. Для всех неосведомленных товарищей стало ясно, что это Щепетев решил покончить жизнь самоубийством.

Быстро снарядили лодки, и я вместе с солдатами поехал разыскивать его тело. Неосведомленные о побеге Щепетева товарищи очень волновались за его судьбу и тем еще больше увеличивали

тревогу. Уверенность в гибели Щепетева была в них так сильна, что, когда мы прекратили поиски, многие стали упрекать нас в равнодушии, настаивая на дальнейших розысках. Но в это время на берегу появился офицер, и нам некогда было вступать в споры по этому вопросу. Поэтому я, быть может, не в очень парламентской форме предложил спорщикам замолчать и не поднимать сейчас этого вопроса. Офицер, по обыкновению пьяный, приказал солдатам прикладами выгнать нас на берег и обыскать паузок. Все время, пока шел обыск, офицер не переставал ругаться самой отборной бранью и грозил всех выпороть. Успокоился он только тогда, когда один из солдат принес ему найденную в воде фуражку тов. Щепетева. «Собаке собачья смерть», изрек этот дегенерат и отправился на свой паузок.

Утром мы были в г. Киренске, где хотели сообщить прокурору о случившемся и о поведении офицера. Чтобы лишить нас возможности сноситься с киренскими товарищами и властями, наш паузок был остановлен на противоположном берегу. Сами власти не интересовались нашей судьбой и не считали нужным приехать к нам и посмотреть, в каком состоянии находятся ссыльные, несмотря на то, что вместе с уголовными нас было около 250 человек. Полная изолированность от внешнего мира, невозможность найти защиту ни у местных, ни у центральных властей, бесконтрольное распоряжение нашей судьбой со стороны конвойного офицера были характерны для отношений того времени к ссыльным.

Случайно один из киренских товарищей забрел к нам. Мы просили его поехать к прокурору, сообщить ему обо всем и просить его приехать к нам. Как и следовало ожидать, прокурор не явился.

Новое столкновение произошло у нас 4 июня в с. Чечуйском. Здесь высадилась ехавшая с нами тов. Е. Гиршфельд. Пока паузки стояли, она побывала в селе и принесла нам кое-что из с'естного. Офицер стал кричать, чтобы ее не подпускали к нам. Мы бросились к ней навстречу. Солдаты прикладами и штыками начали разгонять нас, требуя возвращения на паузок. Когда мы взошли на паузок и, таким образом, ни для кого никакой опасности не представляли, офицер отдал приказ стрелять по нас. Град пуль пронесся над нашими головами. В этой схватке тов. Л. Либерман (Любимов) получил штыковую рану в живот, а тов. Шинкаревская—в руку.

После этого офицер вызвал к себе на паузок нашего старосту М. Лурье (Ю. Ларина), Т. Слуцкину и Е. Решетова. Осыпая их потоком самой циничной ругани, он грозил заковать в кандалы, высечь и пр. Затем, он вызвал к себе Ревекку Вайнерман. Вначале, повторив с ней ту же историю, что и с первыми товарищами, он потребовал, чтобы она отдалась ему. Вырвавшись от него, как показали на допросе солдаты, она хотела броситься в реку, но была удержана ими. Солдаты привели ее всю в слезах к нам на паузок.

Боясь протеста с нашей стороны, офицер приказал быстро отчалить от берега, и мы были вновь лишены возможности прибегнуть к какой-либо помощи.

Этот случай заставил нас крепко задуматься, а затем принять против офицера суровые меры: убить этого наглого развратника.

В обсуждении задуманного плана принимала участие очень небольшая группа самых сплоченных тов.: М. Лурье, Наум Шац, Татьяна Слуцкина, Егор Решетов и я. Все согласны были в том, что такая мера будет не только актом самообороны, но и актом политическим. В нашем распоряжении было только одно оружие—браунинг. Собираясь бежать из тюрьмы или с дороги, я получил его от иркутских товарищей в Александровской тюрьме заделанным в десятифунтовую коробку с печением Эйнем.

Мы не успели еще остановиться на способе убийства, и не решили, кто из нас должен выполнить принятое решение, как события стали быстро развиваться и привели нас к необходимости действовать решительно.

В ночь на 7 июня к нам на паузок два раза приезжали солдаты с требованием от офицера выдать ему Вайнерман. Мы заявили унтер-офицеру, что пойдем на самые крайние меры, вплоть до сожжения паузка, если он захочет взять Вайнерман силой.

И это были не слова!.. Мы не могли допустить такого позора, чтобы на наших глазах одного из наших товарищей взяли бы для самого омерзительного надругательства. Это можно было бы сделать, лишь подавив наше самое отчаянное сопротивление, и мы приготовились к нему. Несколько товарищей — Этингоф, Аким Болотин и др. приготовили керосин, чтобы по первому сигналу поджечь паузок сразу в нескольких местах. Такая мера явилась бы актом отчаяния, но она диктовалась всеми теми условиями, в которых находилась наша партия. Иного исхода в этот момент мы не видели.

Заметив наше возбужденное состояние, старший на паузке, унтер-офицер Компанеец, отказался выдать тов. Вайнерман и оставил присланных офицером солдат на паузке. Офицер не успокоился, и его паузок начал нагонять нас. На его паузке усиленно гребли. Мы тоже налегли на весла и всю ночь, до самого утра, происходила гонка двух паузков. Местные жители, если бы они могли видеть эту странную картину погони одного паузка за другим, были бы чрезвычайно удивлены. Ведь они привыкли, что паузки всегда спокойно плыли по течению реки, а весла употреблялись на них только в исключительных случаях.

Утром мы были в г. Витиме, откуда послали срочную телеграмму министру внутренних дел с копией Кутайсову. Телеграмма была подписана старостой М. Лурье и гласила, что поручик Сикорский издевается над всеми, особенно женщинами, и требует от солдат, чтобы они силой привели к нему политическую ссыльную Вайнерман. Мы предлагали министру обезопасить нас от произвола офицера и заявляли, что, в случае малей-

шего проявления насилия с его стороны, окажем самое отчаянное сопротивление.

По нашему совету унтер-офицер Компанеец также послал телеграмму в Иркутск своему начальнику [1] с сообщением о всем происшедшем.

Нашу телеграмму отнесла вольноследующая Чагина-Суркевич.

В Витиме к нам на паузок, для принятия уголовных, пришел местный пристав. Мы рассказали ему обо всем случившемся и просили его о помощи. Это был первый представитель власти, внимательно выслушавший нас. Наши рассказы о насилиях офицера и сообщение о посылке нами телеграммы министру произвели на него большое впечатление, и он согласился сопровождать нас на лодке до границы своего участка, дав телеграмму приставу следующего участка, чтобы тот встретил нашу партию.

Впоследствии из материалов следствия я узнал, что офицер еще до от'езда из Витима, получил запрос из Иркутска. Ответ офицера был характерен для этого развращенного, вечно пьяного бурбона. Офицер ответил, что политические женщины живут «коммунальным браком» со всеми мужчинами партии, и что такой образ жизни их дурно влияет на его солдат.

Чтобы предупредить внезапное нападение, мы установили бессменный караул из самых надежных товарищей. На мне, как на помощнике старосты, лежала обязанность следить за караулом.

В ночь на 10 июня офицер, в сопровождении фельдшера, неожиданно явился на паузок. Приказав запереть двери в наше помещение, он прошел по крыше и, не заходя во внутрь, ушел обратно, посоветовав унтер-офицеру не ссориться с ним.

Это посещение не предвещало ничего хорошего и сильно встревожило нас. Мы усилили караул.

В ночь на 11 июня, когда мы стояли недалеко от с. Нахтуйска, возле речи Мачи, я не спал, неся ночной караул. Около трех часов, уже на рассвете, я услышал какой-то шум на берегу и вышел на крышу. Пьяный офицер с руганью и криком «тревога» направлялся к нашему паузку. Появление его в такое время было необычно и можно было ожидать нападения. Я вернулся назад, разбудил некоторых из товарищей и вооружился револьвером. Двери на паузок были заперты. Офицер, узнав, что Компанеец ушел в село, созвал солдат, расставил их возле дверей, велел зарядить ружья и вошел во внутрь. Я стоял у женского отделения. Увидев офицера, я решил воспользоваться таким удобным случаем и выполнить наше решение. Офицер с нагайкой в руке медленно приближался ко мне. Не было сомнения, что он хотел, придравшись к чему-нибудь, произвести избиение и взять к себе на паузок Р. Вайнерман. Медлить было невозможно и потому, подпустив офицера на достаточно близкое расстояние, я со словами: «Вот тебе, негодяй...», выстрелил, целясь в лицо. Пуля удачно попала в шею и пробила сонную артерию.

[1] Офицер Сикорский был мобилизован из запаса.

Офицер, не произнеся ни слова, медленно опустился, как будто бы присел на пол.

Почти одновременно раздались два выстрела со стороны солдат. Одним был убит Наум Шац, пуля другого ранила мне правое ухо и застряла в люльке ребенка контрабандиста, ехавшего на нашем паузке.

Все совершилось так неожиданно, так быстро, что многие товарищи даже не поняли смысла происшедшего.

Наступил самый трудный и ответственный момент. Надо было успокоить товарищей, а главное солдат. Волнение товарищей, повскакавших с мест и метавшихся по паузку, еще больше усиливало беспокойство солдат. Они при каждом приближении к ним вскидывали ружья и были готовы вновь начать стрельбу. Почти силой и угрозами заставив всех убраться на нары, я бросился к солдатам, умоляя их успокоиться, уверяя, что против них мы ничего не имеем и не тронем их, и предлагая взять у меня револьвер. С большим трудом мне удалось их несколько успокоить. В это время из села возвратился унтер-офицер Компанеец.

Чтобы оправдать себя в глазах начальства, он решает расстрелять нас. Солдаты заперли двери паузка; в одну минуту были перерублены веревки, соединяющие наш паузок с паузком уголовных; солдаты выстроились на берегу и приготовились стрелять.

Нельзя было терять ни одной минуты. Я бросаюсь к окну, в которое с трудом можно просунуть голову и стараюсь успокоить унтер-офицера. Предлагаю ему расстрелять меня одного, для чего обещаю выйти на крышу паузка, лишь бы не губить ни в чем неповинных людей. Угрожаю ему тем, что он будет отвечать за расстрел запертых в паузке людей. После долгих переговоров мне, наконец, удалось уговорить его. Дрожа от страха, он подошел к нашей двери вместе с сельским старостой. Я отдал ему револьвер, научил его, как действовать дальше и составил ему телеграмму в Иркутск о случившемся.

Вскоре Компанеец вернулся и заявил, что хочет поместить меня в сельское арестантское отделение. Я не возражал против этого, напротив, был рад, что останусь один, чтобы наедине пережить и передумать все, что случилось за последние несколько дней и даже часов и минут.

Компанеец закрыл паузок и никого не выпускал на палубу, несмотря на то, что на паузке были два трупа. Товарищи не протестовали против этого, так как это распоряжение явилось результатом растерянности Компанейца.

К счастью, взаперти пришлось сидеть недолго. Через день после убийства из Киренска приехал другой офицер, Гойман, посланный по приказу из Иркутска сменить Сикорского. Гойман был вежлив и предупредителен. Двери паузка были открыты, и товарищи выпущены на берег. Мне он предложил вернуться на паузок, но я предпочел пока остаться в одиночестве.

Через два дня из Якутска приехал штабс-капитан Кудельский, руководитель расстрела романовцев. Вместе с ним приехал следователь якутского окружного суда, и началось следствие.

Тело тов. Шаца было в лодке довезено до Олекминска, где и было передано товарищам для погребения. Похороны были совершены со всей торжественностью. Администрация не мешала этому.

С Наумом (Нафтолием) Шацем я впервые встретился и очень близко сошелся в Александровской тюрьме. Он принадлежал к группе «Искры» и шел в Якутскую область сроком на 4 года. После долгого сидения в общей камере, мы отгородили простынями свои кровати и образовали подобие комнаты. В этой импровизированной комнатке проводила время наша небольшая, очень дружная компания, состоявшая из Наума Шаца, Евгении Гиршфельд, Константина Попова, Льва Либермана и меня. Мы много читали, спорили и занимались.

Н. Шац шел в ссылку с твердым намерением бежать. Он очень страдал, что ему не удавалось бежать с дороги, и, помню, на каждом ночлеге мы тщательно изучали с ним все возможности побега. Однако, обстоятельства складывались неудачно, и ему так и не удалось осуществить своей заветной мечты. Шальная пуля положила конец этой молодой жизни и вырвала из рядов социал-демократии одного из лучших борцов за торжество рабочего класса.

В Олекминске к нам допустили местных товарищей, и наш староста также ходил в город. Следствие велось в пути. Следователь не старался давить на солдат, и они совершенно правильно обрисовали отношение к нам офицера.

Якутская колония решила к нашему приезду устроить демонстрацию протеста против режима Кутайсова. Уже задолго до прибытия партии, товарищи начали стекаться в Якутск из ближайших улусов. Чтобы попасть в Якутск, многие шли пешком по сто верст. На демонстрацию собралось 40 человек; группа ссыльных, противников борьбы в ссылке, не примкнула к демонстрации. Чтобы не дать администрации высадить партию, не доезжая Якутска, товарищи направились за город и расположились лагерем на берегу реки. Им пришлось прождать целые сутки. 21 июня мы увидели на берегу толпу людей, радостно приветствующую нас пением революционных песен. К полдню мы были в городе. Ссыльные расположились на крутом берегу, над обрывом. Со всех сторон их окружили полиция и солдаты, готовые броситься на них по первому знаку и столкнуть всех под откос, чтобы отомстить за убитых во время романовского протеста солдат. Вдали собралась большая толпа горожан. При нашем приближении раздалось пение «Варшавянки», и были подняты два знамени с надписями: на черном—«Светлой памяти Юрия Матлахова [1] и Наума Шаца», на втором, красном — «Долой ку-

[1] Юрий Матлахов был убит во время протеста «романовцев».

тайсовские циркуляры». Мы собрались на крыше и отвечали пением революционных песен.

Полицеймейстер Якутска, командовавший приведенными казаками, бросился отнимать у демонстрантов знамена; однако, несмотря на отданный им приказ зарядить ружья, ему не удалось этого сделать.

Губернатор, сильно волнуясь и видимо не решаясь на кровопролитие, после недолгих переговоров, согласился не задерживать нашу партию в тюрьме и отпустить на волю.

Один я был посажен во временную тюрьму, так как постоянная была вся занята романовцами, сидевшими там в ожидании суда. Через неделю - две меня перевели к ним.

В конце октября следствие по моему делу окончилось, и я был выпущен под залог.

По окончании следствия, 23 октября 1904 года мне было пред'явлено обвинение по 1 и 3 части 1455 ст. Ул. о нак. в убийстве поручика Сикорского с заранее обдуманным намерением. Обвинительный акт был подписан прокурором суда Л. И. Гречиным.

ЦК Российской социал-демократической рабочей партии организовал защиту на суде, и в Якутск был послан присяжный поверенный П. Н. Переверзев. Временно до приезда П. Н. Переверзева мне предложил свои услуги местный частный поверенный якут В. В. Никифоров.

Суд был назначен на 4 апреля 1905 года. Передо мной и перед товарищами встал вопрос о том, как держаться на суде. Все мы придавали суду большое политическое значение. В обсуждении этого вопроса приняли участие: Константин Попов, Борис Цейтлин (Батурский, ныне умерший), Николай Мещеряков и др. товарищи. Было решено остановиться в показаниях на суде на общих условиях ссылки, указать, что протесты нашей партии явились не случайными, а были направлены против общей политики ген.-губ. Кутайсова.

По тактическим соображениям, мы решили совершенно умолчать о предварительном решении убить офицера, а также о побеге Щепетева.

С П. Н. Переверзевым нами был устроен ряд совещаний, на которых и была окончательно установлена линия поведения на суде.

5 апреля начался суд без присяжных заседателей. Председателем суда был Будзилевич, членами — Л. А. Соколов и В. А. Ревердато, обвинял тов. прокурора Ревич.

Дело слушалось при закрытых дверях. В качестве родственников было разрешено присутствовать на суде двум товарищам—Б. Цейтлину и И. И. Радченко.

Свидетели обвинения, солдаты, не явились; из свидетелей, выставленных мной, на суде были товарищи, ехавшие со мной в одной партии: А. Сысин, А. Баскин, А. Бернштейн, Е. Решетов, Р. Рузер, И. Китаев, С. Михлин, Е. Гиршфельд, Р. Шинкаревская, Е. Дашевский, А. Болотин, Б. Розенфельд, С. Чижев, Я. Закон и Н. Лифшиц.

Во время моих показаний председатель останавливал меня каждый раз, когда я касался политики правительства.

Допрос свидетелей длился полтора дня. Оглашенные показания солдат подтвердили все то, что говорил я и мои товарищи.

Прокурор в своей речи пытался доказать, что офицер обладал гуманными чувствами и что он не имел намерения изнасиловать Вайнерман, а, напротив, был влюблен в нее, и мы напрасно поступили с ним так жестоко.

Девятое января 1905 года и близость революции заставили прокурора в конце речи позабыть о том, что он говорил в начале, и он впал в лирический тон. Он начал говорить о том, что приближается «новая эра», когда суду не придется судить таких людей, а, напротив, преклоняться перед ними. Поэтому он предлагал суду обратиться на высочайшее имя о моем помиловании, на что я ответил решительным отказом.

П. Н. Переверзев в своей речи заявил:

«От имени Минского я заявляю, что он убил Сикорского вполне сознательно и хладнокровно. Ни о какой мести здесь не может быть и речи. От имени Минского я заявляю, что он заранее отказывается от всякой милости, откуда бы она ни шла, и если вы внемлете последнему слову прокурора, которым он закончил свою речь, то вы только повредите подсудимому».

За недостатком места, я не могу изложить сколько-нибудь полно очень яркую речь защитника. На ряде свидетельских показаний солдат он показал, что я вынужден был так поступить, и что убийство произошло не «в запальчивости и раздражении», как об'яснял прокурор, а вполне сознательно.

Защитник устанавливал, что со стороны офицера была несомненная попытка изнасиловать Вайнерман и что умозаключения прокурора о дисциплине солдат и чистых намерениях Сикорского являются плодом его фантазии.

Защитник закончил свою речь указанием на отсутствие какой-либо возможности для нас обратиться к защите местных властей, в связи с чем у нас не было иного выхода, как отвечать насилием на насилие.

После П. Н. Переверзева сказал небольшую речь В. В. Никифоров.

В своем последнем слове я старался показать, что история нашей партии была не случайной, что вся политика царского правительства направлена к тому, чтобы всякое проявление революционного движения подавлялось бы самым жестоким образом, а к отдельным революционерам применялись самые суровые меры.

Председатель суда несколько раз останавливал меня, тем не менее, мне удалось сказать почти все, что я хотел. Мое последнее слово сейчас же после суда было напечатано в «Вестнике Ссылки», в номере от апреля 1905 г. Этот журнал издавался в Якутске группой ссыльных.

Суд признал, что я действовал в состоянии самообороны и вынес оправдательный приговор.

Приговор был об'явлен при открытых дверях и встречен был публикой, наполнившей зал суда, с чрезвычайным восторгом. С пением революционных песен все мы направились из суда в общую квартиру ссыльных.

Для нас ясно было, что такой неожиданно благополучный исход процесса — полное оправдание вместо каторжных работ— явился следствием паники, охватившей царское правительство после 9 января 1905 г., многочисленных забастовок, неудачной войны с Японией и близкого дыхания революции.

Прокурор остался недоволен приговором и подал кассационную жалобу в иркутскую судебную палату. Новый разбор дела был назначен на 18 октября 1905 года. В эти дни Иркутск был охвачен революцией. На улицах происходили схватки с «черной сотней»; я был начальником боевых дружин г. Иркутска и на суд не явился. Только спустя много времени, я получил известие, что дело рассмотрено и приговор якутского суда утвержден.

Приложение 1.

Последнее слово М. Минского.

5 и 6 апреля в якутском окружном суде разбиралось дело товарища Марка Минского, убившего в ночь с 10 на 11 июня 1904 г. офицера Сикорского, пытавшегося изнасиловать одну из женщин, политических ссыльных, во время следования партии из Александровской пересыльной тюрьмы в Якутск. Дело разбиралось при закрытых дверях, и лишь приговор был об'явлен при открытых дверях. Минского защищал присяжн. поверен. Переверзев и местный частный поверен. Никифоров (якут). Суд признал, что Минский убил Сикорского, находясь в состоянии необходимой самообороны, и поэтому оправдал его. Ниже мы приводим последнее слово, произнесенное товарищем Минским на суде. Произнести всю эту речь целиком тов. Минскому не удалось, так как председатель несколько раз его прерывал на том основании, что «это к делу не относится», и в конце-концов М. пришлось отказаться от окончания своей речи. Тем не менее ему удалось произнести самые важные части своего последнего слова и цель его была достигнута.

Г.г. судьи! В своих показаниях я старался дать картину бесправия, которое окружало нас. Вы видели, что Сикорскому — этому грубому, развратному бурбону, была вручена огромная партия политических ссыльных. Высшее начальство, доверяя ему такое ответственное дело, не только не справляется, что это за человек, но снабжает его особыми инструкциями. Эти инструкции дают, повидимому, в его руки огромные полномочия. Быть может, на основании их он и грозил нам кандалами и поркой, быть может, они заранее прощали ему его преступления, не даром же он так упорно добивался своего желания — изнасиловать Вайнерман. Ведь он не оставил этой мысли даже после того, как получил в Витиме запрос по поводу нашей телеграммы.

Все это с ужасающей ясностью показывает на полнейшее бесправие русского гражданина. И такой, как Сикорский, не один, это не исключение. Его поступок нельзя об'яснить отдаленностью от центра России. Он — родное детище русского самодержавия.

Русское самодержавие богато фактами самого грубого насилия. Нам всем хорошо памятна история изнасилования в самом центре России — в Петербурге—Ветровой, история изнасилования в Тихорецкой судебным следователем Золтовой. И таких фактов каждый из нас, если пороется в своей памяти, найдет очень много.

А порка? Разве чиновники когда-либо останавливались перед этим? Вспомните, как на Каре драли политическую заключенную Сигиду, после чего несколько ее товарищей покончили с собой. Вспомните, как князь Оболенский драл крестьян после харьковских и полтавских беспорядков, как фон-Валь и генерал Келлер драли демонстрантов, один в Вильне, другой в Екатеринославе. Еще не сошло с газетных столбцов дело генерала Ковалева, выпоровшего доктора Забусова. Драли, не разбирая ни чина, ни пола, ни возраста. Россия — это огромная каталажка, в которой ежеминутно разыгрываются дикие оргии произвола, в которой ни один обыватель не поручится, что он не будет выдран, а жена и сестры его изнасилованы.

Сикорский имел перед собой много примеров для подражания, и если бы сейчас вам не пришлось судить меня, этот факт канул бы в вечность, а русское общество узнало бы о нем только из нелегальной литературы, да какой-либо глухой заметки в легальных газетах.

Так самодержавие ведет борьбу за существование. Как паразит, раз'едая народное тело, оно старается подавить всякие проблески сознания. Чтобы остановить грядущую революцию и затемнить сознание народных масс, оно наполняет Россию полчищами шпионов и продажной прессой, разжигает низменные инстинкты народа, натравляя одну национальность на другую, устраивает ужасные еврейские погромы, подобные кишиневскому и гомельскому, или резню, подобную недавней бакинской, наконец, затевает кровопролитную войну на Дальнем Востоке, заливая поля Манджурии народной кровью.

Наряду с этим со страшной жестокостью преследуются революционеры. Демонстранты-рабочие, студенты и даже дети расстреливаются и избиваются на улицах городов. Тюрьмы и крепости заполняются. Часто в них производятся страшные избиения заключенных. После долгого заключения в самых ужасных условиях люди ссылаются без суда и следствия в далекие российские и сибирские тундры. Но и здесь правительство не дает спокойно жить своим «внутренним врагам». Отношение к ним тесно связано со всей внутренней политикой правительства. И как в России политика «сердечного попечения» сменяется необузданной реакцией, так и здесь, в ссылке, довольно сносный режим сменяется страшными притеснениями. Нам пришлось ехать в самый разгар Плеве-Кутайсовской реакции, и все притеснения, сыпавшиеся на ссыльных вообще, сыпались и на нас, как из рога изобилия. Разнузданность правительственных агентов доходила до ужасающих размеров. Сикорский явился только порождением всего существующего строя. Не было, как вы видели, никаких средств положить конец насилью с его стороны — никаких, кроме выстрела... Разделяя целиком взгляды Росс. С.-Д. Р. П., в рядах которой я работал до ареста, я являюсь принципиальным противником террора. В согласии с программой этой партии я считаю освобождение России и уничтожение произвола администрации возможным не помощью террористических актов, а путем долгой, планомерной борьбы народных масс, последним актом которой явится народное восстание. И если в данном случае прибегнул к помощи револьвера, то не потому, что хотел в лице Сикорского поразить русское самодержавие, а потому, что это было единственное средство оградить себя и товарищей от насилья и позора. И не под влиянием аффекта или запальчивости, нет, я стрелял вполне сознательно, я знал, что только такой отпор Сикорскому, облеченному неограниченной властью, избавить нас от насилья...

От вас, г.г. судьи, я не жду оправдания! Ваше оправдание будет равносильно обвинению вами правительства, которому вы служите, в том, что оно дает власть такому человеку, как Сикорский. Но, с другой стороны, осудив меня, вы признаете, что действия его были вполне допустимы, что полный произвола и надругательства режим был режимом русского правительства, вы признаете, что Сикорский был плоть от плоти и кость от кости этого правительства — и тем самым вы запачкаете и все русское правительство той грязью, какой покрыл себя Сикорский.

Только руководимый социал-демократией пролетариат, который после долгого угнетения, после многочисленных расстрелов, в своей борьбе за освобождение всего народа, быть может в этот момент, когда я здесь говорю, разрушает последние остатки ненавистного ига, только он своим мощным

потоком снесет самодержавие и освободит Россию от произвола, а нас — ссыльных и заключенных — от тюрем и ссылки!

Приложение 2.

Письмо т. Шаца, написанное накануне убийства солдатами во время столкновения с офицером Сикорским 11 июня 1904 года.

Дорогие, вряд-ли увидимся. Почему? — очень много придется сказать. Сейчас же по приезде в Якутск — я вам напишу. В дороге пришлось много пережить. Страшно много было у нас столкновений. Столкновения — кровавые. У нас есть один тяжело раненый. Ко всему надо прибавить, что наш офицер самодур и нравственный урод. На-днях в 3 ч. ночи он послал двух солдат «привести» ему одну из наших женщин и приказал в случае нашего сопротивления взять ее силой, а нас бить прикладами. Его требование не было исполнено, ибо солдаты отказались исполнить его приказание. Мы послали об этом телеграфное заявление в Петербург и Иркутск. Теперь после этого он немного присмирел. Подробно я напишу из Якутска. Горячо, горячо вас целую.

Всем горячий привет.

Нафтоле (Александр).

Ю. Стеклов.

Мой побег из Якутской области.

В марте 1896 года я прибыл в Якутск. Назначен я был, собственно говоря, в Средне-Колымск, но задержался в Якутске в виду того, что до ареста я не успел отбыть воинской повинности, а потому подлежал ей здесь. Только в апреле 1897 года я был принят на службу в якутскую местную команду и лишь осенью 1899 года освободился.

О побеге я начал помышлять с первого же дня пребывания в Якутске. Но осуществлению этой мысли мешало всеобщее неверие ссыльной колонии в возможность успешного побега из Якутской области. Последние удачные побеги (Кашинцева и Федорова в 1885 году, Паули — в 1888 г.) произошли задолго до моего прибытия в эту местность. Все же последующие попытки систематически кончались неудачей.

Бежать во время состояния на военной службе и я и товарищи считали неудобным. Сделать попытку можно было только по отбытии воинской повинности. К счастью, сама местная администрация дала окончательный толчок моей решимости.

Издавна установился прецедент, что по отбытии ссыльными воинской повинности они никогда не отсылались дальше того края, в котором состояли на военной службе, а, наоборот, переводились ближе к Европейской России. По отношению ко мне хотели нарушить этот прецедент. Летом 1899 года вице-губернатором в Якутск назначен был некто Миллер, из чиновников департамента полиции. Губернатор в это время уехал в отпуск. Миллер, с которым у меня сразу создались крайне враждебные отношения, решил воспользоваться своей временной властью и, по окончании мною военной службы, предписал полиции немедленно отправить меня на место моего старого назначения, т.-е. в Колымск. Никакие протесты, ни мои личные, ни товарищей по ссылке, не помогли. Решено было сделать попытку к бегству. Такое решение было принято, несмотря на то, что мне приходилось оставить в Якутске жену с ребенком. Сама жена высказалась за мой побег. Впоследствии ей пришлось пережить в связи с этим немало неприятностей. Но в тот момент предвидеть это было невозможно.

Как водится в таких случаях, этому делу помогали все,—и политические ссыльные, и многие из либерально-настроенных местных чиновников и обывателей. Доктор Пурвер ссудил меня 400 рублями, своим паспортом и револьвером. Другой паспорт, нелегальный, изготовил для меня бывший шлиссельбуржец Мартынов. Фальшивый документ о разрешении мне выехать на родину и подпись якутского полицеймейстера изготовил я сам. Поручик местной команды, мой бывший начальник, Николай Михайлович Темников, сочувствовавший революционерам, согласился вывезти меня из города в специально приобретенном для этого возке. Сам он должен был остаться в Олекминске, а дальше до Иркутска прикрывать меня должен был бывший фельдшер этой самой военной команды, Шумаков. Для того, чтобы мой побег не был сразу замечен, некоторые товарищи, внешне походившие на меня, приходили ночевать на мою квартиру в мое отсутствие и расписывались за меня в полицейской книге, которую приносил надзиратель, наблюдавший за ссыльными, и т. д., и т. п. С своей стороны мы приняли все нужные меры.

Это, однако, еще не гарантировало успешности побега. Опасность грозила в течение всего пути. А путь этот был очень дальний. Приходилось на лошадях проехать около 3.000 верст до Иркутска, а затем недели две ехать по железной дороге от Иркутска до границы. Таким образом, этот путь в лучшем случае требовал около месяца. Правда, в Якутске тогда не было еще телеграфа, но он начинался от Витима. Таким образом, нарочный (курьер), меняя лошадей, мог доскакать от Якутска до Витима в какие-нибудь 5 суток и оттуда дать телеграмму о побеге. Следовательно, я рисковал быть схваченным, если не при самом в'езде в Иркутск, то при посадке в вагон железной дороги, не говоря уже о том, что вдоль всего железнодорожного пути от Иркутска до границы Европейской России, а затем через всю Россию до границы с Германией или Австрией я мог быть схвачен в любой момент. Тем не менее некоторые, хотя и небольшие, шансы на успех имелись, и испробовать их было необходимо.

Дело шло как по маслу. Судьба, видимо, нам благоприятствовала. В самом Якутске удалось сесть в возок незаметно. Четыре станции мы ехали, не выходя из возка, так что ямщики даже и не подозревали, что в возке находилось не два человека, т.-е. поручик Темников и фельдшер Шумаков, а три. Дальше мы уже не скрывались. Правда, в дороге я рисковал быть узнан ямщиками и теми из жителей, которые прежде служили в якутской местной команде. Но, согласно местному народному правосознанию, политический, отбывший воинскую повинность, этим самым становился свободен и, по мнению местных жителей, мог вернуться в Россию. На одном из станков один из моих бывших сослуживцев, интеллигентный человек, Яныгин, заметил меня, но, поняв, что я еду нелегально, не подал виду, что меня заметил, и никому об этом не сообщил. Позже, впрочем, нашелся один добровольный доносчик. Это был якутский купец Астра-

ханцев. Уже когда о моем побеге стало известно начальству и начались розыски, этот господин благодаря своим связям с приленскими жителями сумел разнюхать, что со мною ехал офицер якутской команды. Темникова потащили было на дознание, но он, как у нас было условлено, не отрицая, что ехал со мною несколько станций, заявил, что не сомневался в моем легальном возвращении в Россию, так как наравне с прочими полагал, что, отбыв воинскую повинность, я этим самым приобрел законное право вернуться на родину. Таким образом, он отделался без всякого вреда для себя.

Ехали мы по реке Лене, выбираясь иногда на тракт там, где река еще не стала. Лошадей меняли быстро. По дороге приходилось, конечно, давать всевозможные об'яснения любопытствующим обывателям, при чем и я, и Шумаков врали напропалую, уверяя, в частности, что мы направляемся на новые земли в Порт-Артур, начинавший тогда входить в славу. Проехали мы благополучно Витим; в'ехали в Иркутскую губернию. Здесь, понятно, опасность увеличилась, так как отсюда уже начинался телеграф, но тем не менее до Иркутска мы доехали без всякой помехи.

Под Верхоленском пришлось расстаться с нашим возком и дальше поехать на перекладных в тарантасе, ибо снежная дорога в этих местах еще не установилась. На последнем станке перед Иркутском я сжег в печке свое проходное свидетельство, которое здесь мне было уже не нужно, а могло только послужить лишней уликой в случае провала. Через полчаса мы в'ехали в столицу Восточной Сибири. На этот раз я в'езжал туда свободным гражданином, правда, пока свободным лишь относительно.

Таким образом, весь этот огромный путь из Якутска до Иркутска мы проделали в 14 суток. Если принять во внимание, что в то время была распутица (дело происходило в ноябре 1899 г.), то выходило, что мы побили рекорд быстрого передвижения.

В Иркутске я нашел уже товарищей, которые могли оказать мне содействие в дальнейшем передвижении. Остановился я у бывшего народовольца А. И. Бычкова (недавно умершего на юге России) и через пару дней двинулся дальше. По совету товарищей я из Иркутска взял прямой билет до Варшавы: этим они думали уберечь меня от риска, которому я, по их мнению, подвергался бы, если бы по дороге приобретал билеты в железнодорожных кассах. А между тем из-за этой предосторожности я чуть было не провалился в самом начале. Стоявший у железнодорожной кассы жандарм, естественно, обратил внимание на человека, берущего билет из Иркутска в Варшаву, что, вероятно, случилось тогда в этом городе впервые. Он увязался за мною, вступил со мною в разговор, спрашивая, кто я, зачем еду в Варшаву, есть ли там у меня родные и т. п. Я уже думал, что «засыпался», но оказалось, что этот жандарм некогда служил в Варшаве, где наводил «порядок» и боролся с крамолой, что он влюблен в польскую столицу, что он страшно обрадовался, увидев человека,

который едет в этот прекрасный город. Он просил меня передать Варшаве привет от него, взял у меня из рук чемодан и побежал устраивать мне хорошее место в купе.

И вот я сижу в вагоне. 11 суток мне пришлось ехать до Варшавы. В Вязьме я пересел на курьерский поезд. Здесь в купе я встретился с молодым студентом, уезжавшим за границу после университетских беспорядков. Это был с.-р. Гавронский, у которого оказались общие со мною знакомые. По дороге мы разговорились, и он охотно согласился оказывать мне всяческое содействие. У него имелись с собой две скрипки. В Варшаве каждый из нас взял по футляру, и мы вышли на перрон в виде двух музыкантов. Гавронский заехал в гостиницу, где прописался, а я, не доезжая до под'езда гостиницы, соскочил с извозчика и пошел искать семью Твардзицких, адрес которых дал мне польский товарищ Ян Строжецкий, незадолго до того сосланный в Якутскую область. К сожалению, Твардзицких я дома не застал и чуть было не был арестован у них во дворе, так как дворники и соседи приняли меня за вора (дело происходило ночью). С трудом я отретировался и направился в гостиницу, в которой остановился Гавронский.

Номер дома гостиницы я заметил предварительно, соскакивая с извозчика. Я был уверен, что в тот момент, когда мы под'езжали с Гавронским к гостинице, и я соскакивал с извозчика, никто не успел меня заметить, и потому рассчитывал проскользнуть в занятый моим попутчиком номер беспрепятственно. Но, к моему удивлению, как только я вошел в под'езд, швейцар гостиницы приветливо крикнул мне: «№ 84, 2-й этаж направо!». Значит, заметили. Через полчаса раздался стук в дверь: «Пожалуйте паспорт новоприбывшего господина». Но мы заявили, что уже легли спать, и обещали дать в прописку паспорт на следующее утро. Утром я, разумеется, удрал из гостиницы, чтобы больше туда не возвращаться, и таким образом мне удалось в Варшаве не прописаться. После этого я пробыл в Варшаве на нелегальном положении еще 12 суток.

За это время мне пришлось сталкиваться с людьми самых разнообразных общественных положений. Я находил приют у врача [1], актера, фармацевта, чиновника окружного суда, студентов, рабочих, и повсюду меня встречали с величайшей приветливостью и гостеприимством и охотно шли на риск, чтобы помочь врагу российского самодержавия. Здесь-то я и познакомился с Иосифом Пилсудским, нынешним диктатором Польши.

Тогда он стоял во главе Польской Социалистической Партии, ведал изданием ее нелегальной газеты «Роботник», держал в своих руках всю партийную администрацию, в частности ведал заграничными путями. С Пилсудским я встретился на квартире у названных Твардзицких. Здесь у меня произошло с ним характерное столкновение.

[1] Слонимского, брата известного либерального публициста из «Вестника Европы».

Пилсудский завел со мной длиннейший разговор, подчеркивая, что Польская Партия, оказывая мне услугу, имеет право требовать от меня известных возмещений. Русские революционеры относятся, мол, отрицательно к требованию независимости Польши. В виду этого он согласен предоставить к моим услугам аппарат партии для перехода границы лишь в том случае, если я обязуюсь в будущем защищать программу Польской Социалистической Партии от ее противников. Меня это требование глубоко возмутило. Нужно заметить, что я в то время как раз сочувствовал этому пункту программы ППС под влиянием тех польских товарищей, которые попали в якутскую ссылку. Но брать на себя такого рода обязательство я считал недостойным революционера, как считал недостойным и пред'явление мне революционером же такого требования. Мы поговорили с Пилсудским довольно резко, и казалось, что дело кончилось разрывом, и что мне придется искать самостоятельных путей к переходу через границу. Я наговорил Пилсудскому много неприятных вещей, и он ушел, отказавшись в таком случае помогать мне. При этом свидании присутствовал некий Красуский, которого я знал по ссылке как социал-демократа. Он успел вернуться в Польшу до моего прибытия в Варшаву, при чем на этот раз я нашел его уже сторонником ППС. Красуский был чрезвычайно сконфужен неприличным поведением Пилсудского. Во время нашего резкого разговора он пытался нас помирить, и когда Пилсудский ушел, то Красуский, весьма смущенный поведением своего сотоварища по партии, сказал мне, что он не позволит Пилсудскому осуществить свою угрозу, и что он уверен, что партия окажет мне помощь.

Так оно и вышло.

В Варшаве я задержался потому, что, как мне передавали, в это время через границу переправлялся в Польшу транспорт нелегальной литературы. Наконец, мне сообщили, что я могу двинуться в путь. Сопровождал меня молодой рабочий, впоследствии сосланный на каторгу за покушение на шпиона. Предполагалось, что я перейду границу в Домброве (Сосновицы). Но когда мы прибыли сюда, то оказалось, что контрабандист, с которым я должен был перейти границу, посажен в холодную на 5 суток. Сидеть пять дней на самой границе, где жандармский надзор был особенно силен, я считал неудобным. Решено было сделать попытку перейти границу в другом месте. Нашлось двое рабочих, родом из какой-то деревушки, расположенной недалеко от Кракова, у самой австрийской границы, которые охотно согласились с'ездить на мой счет к родным на рождественские праздники, и уже вчетвером мы двинулись в путь. По железной дороге мы доехали до Мехова, а оттуда взяли лошадей. На следующий день мы прибыли в деревню, где проживали родные моих спутников.

Часть этого села находилась в пределах России, а другая— в пределах Австрии. Узкая ложбина, по которой прогуливался

русский часовой, отделяла одну половину деревни от другой. С австрийской стороны граница не охранялась. Переходя из дома в дом под предлогом визитов, мы постепенно добрались до крайней избы, расположенной шагах в двадцати-тридцати от границы. Хозяин этой избы, старый контрабандист, на содействие которого возлагались главные надежды, оказался на смертном одре. Тогда я решил перейти границу один, и притом не ночью, а сейчас, днем, так сказать, «на ура». Правда, крестьяне рассказывали, что за последнее время солдаты стреляли в переходивших границу людей, даже если те успевали очутиться на австрийской территории, а затем оттаскивали трупы убитых на пограничную межу. Но свободная земля лежала так близко и так манила к себе, возвращаться обратно так не хотелось, что я решил рискнуть, несмотря на все неудобства, в частности на гололедицу, из-за которой нельзя было ступить двух шагов, не поскользнувшись. Я решил все-таки открыто перейти границу здесь, без всяких проводников.

Старуха, жена больного контрабандиста, стояла на улице перед дверью избы и следила за движениями часового, разгуливавшего в нескольких шагах от нас взад и вперед по ложбине. Вот она махнула рукой. Это значило, что часовой повернулся к избе спиной и двинулся в обратную сторону. Тогда я быстро вышел из сеней, где дожидался сигнала старухи, скорым шагом двинулся к австрийской границе, но, к несчастью, сорвался с пригорка и с грохотом полетел вниз. Однако закутанный в башлык часовой не расслышал шума. Я моментально вскочил на ноги, наскоро перебежал пограничную полосу и полез через забор, окружавший в этом месте австрийскую часть деревни. В эту решительную минуту я зацепился полою пальто за частокол. Если бы часовой в этот момент повернулся ко мне лицом, он мог бы прост снять меня с забора штыком. Я сделал отчаянное усилие, несколько раз рванулся, пальто треснуло, я сорвался с забора и стал ногами на твердую землю.

Медленно я двинулся к ближайшей австрийской избе, расположенной шагах в 150 от забора. Место было совершенно открытое. Однако, я не бежал, а шел медленно. Не знаю, чем я тогда руководился: опасением ли обратить на себя внимание часового беглым шагом, или же просто каким-то странным упорством, овладевшим мною в эту минуту. Дойдя до первой избы, я остановился и повернулся лицом к русской границе. Часовой стоял с винтовкой в руках и не сводил с меня глаз. Но я уже находился так далеко на австрийской территории, что стрелять он не решился, а быть может, и не хотел.

Через полчаса я уже трясся на крестьянской телеге по дороге в Краков. Там я нашел свои вещи, уже доставленные из Домброва по железной дороге, и познакомился с несколькими польскими социалистами, которые дали мне приют и помогли дальнейшему путешествию.

Это происходило в конце декабря 1899 года.

В. Николаев.

Политическая ссылка в изучении Якутского края.

I.

Культурно-историческая роль политической ссылки. Значение отдельных поколений политической ссылки в изучении Якутского края. Политические ссыльные—исследователи местного края. Центральная и местная администрация и ее отношение к исследовательской работе политических ссыльных.

Направление исследовательской работы.

На протяжении почти целого столетия царское правительство вело борьбу с революционным движением.

Каторга и ссылка во всей истории революционного движения были неизбежным следствием этой борьбы.

Начиная от декабристов и кончая 1917 годом, Сибирь дала приют многим десяткам тысяч ссыльных, среди которых немало было выдающихся деятелей революции, науки и литературы.

Оседание в Сибири бывших политкаторжан, ссыльно-поселенцев и административно-ссыльных, с их несомненно более культурным уровнем, чем местное население, неизбежно влекло за собою распространение их культурного влияния. Это было тем более естественно, что Сибирь на протяжении всего своего исторического развития страдала от отсутствия в крае интеллигентных людей.

Совершенно понятно поэтому, что подавляющая часть общественных начинаний в Сибири, развитие печати и изучение отдельных районов тесно связаны с именами бывших политических ссыльных.

В этом отношении чрезвычайно характерно, что в Сибири оказались более всего изученными именно те районы, где на протяжении продолжительного времени группировались политические ссыльные (Минусинск, Иркутск, Забайкалье, Якутск).

Царское правительство, изолируя своих политических пленников по огромным пространствам Сибири, не имело, разумеется, в виду, что политическая ссылка будет оказывать революционизирующее влияние на местный край. С целью устранения такого влияния как центральная, так и местная власть немало

потрудились в направлении организации охранительных рогаток, которые стеснили бы деятельность политических ссыльных. Но, в конечном счете, все эти рогатки и самые изысканные формы опеки не могли приостановить революционизирующего влияния политической ссылки, поскольку накоплявшаяся десятилетиями культурная работа последней влекла за собою под'ем общественного самосознания и неизбежное революционизирующее воздействие как на соприкасавшиеся со ссылкою массы, так и на формирование политических взглядов вновь нарождавшихся поколений. Недаром значительные кадры местной интеллигенции и вышедшие из недр Сибири революционные деятели получили в большинстве случаев политическое крещение от «государственных», «поднадзорных».

Культурно-историческая роль политической ссылки Сибири поистине огромна, и будущий историк общественного движения в Сибири эту роль сибирской политической ссылки должен будет поставить в центре своего внимания.

В ряде районов Сибири совершенно особое место занимала Якутская область. Будучи совершено отрезанной дальностью расстояния от сколько-нибудь культурных центров, не выпускавшая из своих пределов попадавших туда ссыльных в течение долгих лет, Якутская область, вместе с тем, с ее наиболее отсталым в культурном отношении инородческим населением и полуграмотным чиновничеством, наиболее выпукло отразила на себе положительное влияние политической ссылки.

О далеком северном крае много десятилетий тому назад попадали сведения в печать от невольных обитателей Якутского края. Им же в большинстве случаев край обязан научно-исследовательской литературой и тщательным изучением населения и естественно-исторических условий края.

В конце 20-х годов прошлого века в Якутском крае появились декабристы: А. А. Бестужев - Марлинский, М. И. Муравьев-Апостол, З. Г. Чернышев, Н. А. Чижов, С. Г. Краснокутский, М. А. Назимов, Андреев.

В большинстве своем декабристы пробыли в крае недолго, но, тем не менее, оставили значительный след своего пребывания здесь.

А. А. Бестужев-Марлинский в результате своего пребывания в Якутском крае, дал «Очерки из рассказов о Сибири», статью «Сибирские нравы». В своей переписке он приводит много фактического материала о крае и его обитателях. Бестужев подошел вплотную к изучению устного творчества якутов. В балладе «Саатар», относящейся к периоду ссылки, он дает переработку якутской сказки о неверной жене.

Н. А. Котляревский совершенно правильно отмечает:

«В 30-тых годах прошлого столетия среди общей массы наших читателей было вероятно немало лиц, которые впервые получили правильное понятие о Сибири из сочинений Марлинского. Бестужев был первый, в случайных и беглых заметках кото-

рого о Сибири местный колорит был выдержан в согласии с правдой»[1].

М. И. Муравьев-Апостол, живший в Вилюйске, в своих «Воспоминаниях» («Русск. Стар.» 1886 г.) дает ряд интересных, в особенности для того времени, заметок о шаманском камлании, прокаженных, юртах, о нравах и воззрениях якутов.

Н. А. Чижов, находившийся в Олекминске, изучает быт, нравы и поверья инородцев. Его стихотворение «Нуча»—повесть из якутской жизни, напечатанная в 1832 г. в «Московском Телеграфе», вызвала целую административную бурю[2].

Польские повстанцы 1831 и 1863 г. не оставили сколько-нибудь значительного следа в области изучения края, если не считать научно-исследовательских работ А. Л. Чекановского, С. И. Венгловского и И. Д. Черского, которые появились в Якутском крае уже по отбытии ссылки.

В 60 и 70-х годах ссылка в Якутскую область массового характера не носила[3]. Крупнейший политический процесс 60-х годов (покушение Д. В. Каракозова на Александра II. 4 апреля 1866 г.) отразился на Якутском крае лишь в начале 70-х годов, когда сюда, по окончании каторги, прибыли Н. П. Странден, П. Д. Ермолов, Д. А. Юрасов, М. Н. и И. Н. Загибаловы, В. Н. Шаганов. Несколько раньше по этому процессу прибыл в Якутскую обл. И. А. Худяков (1867 г.) и позже других — П. Ф. Николаев (1880 г.).

Каракозовцы пробыли в Якутском крае около 13 лет. Почти все они занялись сельским хозяйством, оказав значительное влияние на развитие земледельческой культуры. Так, например, Н. П. Странден, начав в 1873 г. с посева 1½ четв. разного хлеба, в 1880—85 г.г. вместе с Д. А. Юрасовым доставлял в интендантство от 1½ до 3 т. пуд. ежегодно. Из других культурных начинаний Н. П. Страндена следует отметить: устройство мельницы, рыбного озера, куда он впустил ок. 80 пуд. живой рыбы.

Значительную роль в изучении Якутского края сыграл каракозовец И. А. Худяков, не вынесший пребывания в Верхоянске: он сошел с ума в начале 70-х годов. И. А. Худяков в течение ряда лет был занят собиранием образцов якутского словесного творчества. Образцы якутских сказок, песен, загадок и пословиц были изданы Вост.-Сиб. Отд. Географического Общества под названием «Верхоянский Сборник».

К числу семидесятников-ссыльных принадлежал и Н. Г. Чернышевский, отбывший почти 12 лет своего поселения в Вилюйске. В силу исключительных условий пребывания в Вилюйске, особого порядка надзора, Н. Г. Чернышевский почти не уделял внимания изучению местной жизни. В переписке с родными (с женою и сыновьями), опубликованной впоследствии в печати,

[1] Н. А. Котляревский. — Декабристы А. И. Одоевский и А. А. Бестужев. ПБ. 1907 г.

[2] Марк Азадовский.—«Сиб. Жив. Старина». 1925 г. Кн. III—IV.

[3] По данным М. Кротова («Якут. ссылка 70—80 г.г.». 1925 г.) за время с 1863 г. по 1878 г. в область прибыло 21 полит. ссыльный, в 1879—15.

мы встречаем лишь отдельные штрихи, характеризующие жизнь Вилюйска и природу северного края.

Массовый характер приобретает якутская ссылка лишь с начала 80-х годов. За два десятилетия (1880—1899 г.) в Якутский край прибыло 250 политических ссыльных, против 36 человек двух предшествовавших десятилетий.

Естественно поэтому, что период 80—90-х годов является наиболее показательным в смысле расширения и углубления работы политических ссыльных по изучению местного края.

Период 80—90-х годов выделил ряд выдающихся исследователей Якутского края, оставивших после себя крупнейший след в местной литературе.

Не оставляли исследовательской работы и последующие поколения якутской ссылки. Начиная с 900-х годов и кончая кануном Февральской революции 1917 г., именно политическая ссылка выделила десятки корреспондентов в сибирские и столичные издания, принимала активное участие в работе местных исследовательских учреждений и проч.

За время с 1880 по 1917 г. наиболее глубокий след в изучении Якутского края оставили политические ссыльные: В. Г. Тан-Богораз, Н. А. Виташевский, В. Г. Горинович, В. М. Ионов, В. И. Иохельсон, В. Л. Серошевский, С. Ф. Ковалик, Л. Г. Левенталь, В. В. Ливадин, И. И. Майнов, М. П. Овчинников, Э. К. Пекарский, В. Ф. Трощанский, И. В. Шкловский-Дионео, С. В. Ястремский, Н. Л. Геккер, Ф. Я. Кон, Я. В. Стефанович, А. И. Бычков, Г. В. Цыперович, С. И. Мицкевич, М. И. Бруснев, А. С. Белевский, П. В. Оленин, П. Л. Драверт, В. С. Панкратов, В. Е. Попов, В. М. Зензинов, Н. Е. Олейников, А. К. Кузнецов, В. Д. Виленский, В. П. Ногин.

Научная, исследовательская и литературная работа политических ссыльных встречала обычно всяческое противодействие со стороны центральной и местной администрации: перехватывались статьи, направлявшиеся в редакции газет, запрещалось вообще сотрудничать в печати, а авторам давались раз'яснения, что «государственным преступникам дозволяется только писать письма к своим родным и знакомым».

В качестве иллюстрации политической опеки за деятельностью даже уже окончивших срок ссылки исследователей края нельзя не привести такого, например, факта:

В 1900 году Академия Наук, в целях обеспечения успеха американской научной экспедиции, в которой приняли участие бывшие политические ссыльные В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон, обратилась в министерство внутренних дел с просьбой оказать им возможное содействие в их научной работе.

Министерство внутренних дел выдало Богоразу и Иохельсону открытые листы, предложив «местам и лицам» оказывать законное содействие по выполнению возложенных на исследователей поручений. Но вместе с этим министр внутренних дел Сипягин конфиденциальным письмом уведомил иркутского

генерал-губернатора о том, что «принимая во внимание прошлую антиправительственную деятельность Иохельсона и Богораза, оказать им какое-либо содействие по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно не соответственным, при чем напротив того целесообразно учредить за деятельностью названных лиц в Сибири негласное наблюдение».

Несмотря на полицейские рогатки исследовательская работа политических ссыльных углублялась с каждым годом.

По официальному признанию областной администрации местное чиновничество «не подготовлено к литературным занятиям», «незнакомо с бытом и условиями жизни сельского населения». Отсюда, естественно, делался вывод, что к местной литературной работе (составление памятных книжек) должны быть привлечены некоторые из ссыльных, известных «своим близким знакомством с экономическим бытом инородцев благодаря долговременному пребыванию среди них и трудами по этнографии, сельско-хозяйственной культуре и юридическим обычаям инородцев».

Признание со стороны местной администрации идеологического банкротства местного чиновничества края неизбежно должно было выдвинуть политических ссыльных на большую исследовательскую работу. И, действительно, за весь почти период существования якутской ссылки имена политических ссыльных мы встречаем в научных экспедициях, литературных трудах, в работе таких исследовательских учреждений, как областной музей, статистический комитет, метеорологические станции.

II.

Политические ссыльные и научные экспедиции. Декабристы и исследовательская работа д-ра Эрмана и Дуэ. А. И. Худяков и экспедиция барона Майделя. Экспедиция И. Д. Черского. Экспедиция Дж. Делонга и ее поиски. Экспедиция бывш. польских повстанцев Чекановского и Венгловского. Большая Сибиряковская экспедиция. Аяно-Нельканская экспедиция Сикорского. Джезуповская экспедиция 1900—1902 гг. Экспедиция бар. Толля и ее поиски. Нелькано-Аянская экспедиция 1903 г. Экспедиция Попиуса и Каяндера. Поездка А. С. Бутурлина в 1905 г. Вилюйская экспедиция Драверта и Олеппна. Экспедиции геологического комитета в 1912—1916 гг.

Мало изученный Северный край издавна привлекал к себе многочисленных ученых и исследователей. Политические ссыльные, изучившие местный язык, нравы туземного населения и естественно-исторические условия края вообще, оказывали неоценимые услуги приезжавшим исследователям. Нередко выступали они и в качестве переводчиков, когда попадавшие в Якутский край иностранные исследователи испытывали огромную нужду в лицах, знавших немецкий, французский или английский языки.

На протяжении почти всей истории ссылки политические ссыльные не были, однако, только пассивными участниками исследовательской работы. И во время самой ссылки, и после окончания ее многие из политических ссыльных принимали непосредственное участие в экспедиционных исследованиях, являясь нередко организаторами последних.

Вообще же следует отметить, что на протяжении почти столетней истории политической ссылки ни одна из сколько-нибудь значительных экспедиций в Якутскую область не прошла без того или иного участия политических ссыльных.

В 1828 г. Якутский край посетили иностранные исследователи — норвежский профессор Ганстен, норвежец лейтенант Дуэ и доктор А. Эрман. Декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, М. И. Муравьев-Апостол, Андреев, Заикин и Чижов оказали значительные услуги этой экспедиции. А. А. Бестужев составил для доктора Эрмана метеорологическую таблицу для сравнения высоты мест, а Дуэ помогал в наблюдениях над магнитной стрелкой.

«Между нами не было размолвок,—писал А. А. Бестужев д-ру Эрману о своей работе с Дуэ,—если не включать туда небольших вспышек за то, что по обыкновенной своей рассеянности я иногда заставлял магнитную стрелку танцовать с собой матлот,—вспышек, которые я называл магнитными бурями» [1].

Оказали значительное содействие ученому Дуэ и другие декабристы. Андреев принимал участие в поездках Дуэ вдоль р. Олекмы по исследованию слюды, Заикин проверял сделанные астрономические наблюдения, М. И. Муравьев-Апостол собирал для Дуэ сердолики и мамонтовую кость.

Крупное содействие оказал в конце 60-х годов И. А. Худяков Чукотской экспедиции барона Г. Майделя, посетившей г. Верхоянск.

Г. Майдель, встретивший И. А. Худякова в Верхоянске, говорит про него следующее:

«Мне удалось найти в Верхоянске лицо, которое с готовностью вызвалось производить не только термометрические, но и барометрические наблюдения. Это был государственный преступник, замешанный в Каракозовском покушении и сосланный сюда на поселение. Труды Худякова имеют необыкновенно важное значение, так как только на основании их академик Вильд мог вычислить температуру Верхоянска» [2].

Польские повстанцы А. Л. Чекановский и С. И. Венгловский, по окончании своей ссылки, приняли участие в половине 70-х годов в изучении Якутского края. В июле—августе 1874 г. А. Л. Чекановский, совместно с иркутским метеорологом Миллером, работал в пределах Вилюйского округа и далее в Верхоянском. В конце сентября экспедиция двинулась вниз по

[1] А. А. Бестужев.—Письмо к доктору Эрману. Собр. соч. Бестужева-Марлинского.

[2] Г. Майдель.—Путешествие по сев.-восточной части Якутской области в 1868—1870 г.г. Спб. 1894 г., стр. 43—44.

Оленеку пешком, пересекая тундру, и вышла к низовьям Лены, а затем через Верхоянск вышла к началу декабря в Якутск.

В следующем, 1875 г. А. Л. Чекановский, в сопровождении С. И. Венгловского, посетил Оленек, Лену и возвратился в ноябре месяце в Якутск.

Экспедицией собраны были, между прочим, богатые ботанические коллекции. Дневник экспедиции и предварительный отчет опубликованы были в свое время в «Известиях» и «Записках» Русского Географического Общества.

В 1881 г. приблизительно в 900 верстах к северо-востоку от устья Лены потерпела крушение американская экспедиция, возглавлявшаяся лейтенантом Дж. Делонгом (пароход «Жанетта»). Оставшийся в живых, с группою матросов, участник этой экспедиции инж. Мельвилль встретил в Верхоянске политического ссыльного С. Е. Лиона, который, благодаря знанию английского языка, оказал громадную услугу Мельвиллю. Мельвилль в пересланной впоследствии С. Е. Лиону через якутского губернатора книге, посвященной плаванию и гибели «Жанетты», отмечает услуги, оказанные Лионом остаткам экспедиции.

Уильям Гильдер, корреспондент американской газеты «New-Iork-Herald», участвоваший в экспедиции, снаряженной Сев.-Ам. Соединенными Штатами для розысков «Жанетты», дает следующую оценку политического ссыльного Л. (С. Е. Лиона):

«В Верхоянске я познакомился с г. Л., политическим ссыльным, который, владея в совершенстве английским языком, служил переводчиком при сношениях старшего инж. Мельвилля с русскими чиновниками и оказал, в качестве переводчика, обеим сторонам неоценимые услуги. Он знал мельчайшие подробности о плавании «Жанетты», об обратном пути экипажа и о печальной судьбе тех, которые, высадившись совершенно счастливо в устьях Лены, не имели сил добраться до человеческих поселений; от него именно узнал я подробности о стараниях Мельвилля отыскать погибших, от него же получил я и карту устьев Лены, которая оказалась для меня чрезвычайно полезной и которая, хотя и обладает некоторыми недостатками, все же представляет достаточную для того времени верность» [1].

Исследовательско - экспедиционная работа политических ссыльных особенно начала развиваться с 90-х годов, когда усилился приток в Якутский край ссыльного элемента.

Правда, одиночки-исследователи работали уже и в 80-х годах.

Так, например, В. П. Зубрилин, назначенный заведующим впоследствии организовавшегося музея, еще в 1888 г. по предложению геолога проф. Мушкетова совершил геологическую

[1] Ульям Гильдер.—Во льдах и снегах. Путешествие в санях через Сибирь для поисков экспедиции капитана Делонга. Спб. 1898 г. Стр. 275.

экскурсию по Якутскому округу. В. П. Зубрилин собрал значительный геологический и палеонтологический материал, часть которого переслал проф. Мушкетову, а остальную—пожертвовал в предполагавшийся к открытию Якутский музей. В работе по собиранию и определению минералогических и геологических образцов В. П. Зубрилину помогал политический ссыльный же П. А. Орлов. С этою целью ими была оборудована даже небольшая лаборатория.

В 1885—1886 г. в экспедиции, снаряженной Академией Наук в область р. Яны и на Ново-Сибирские острова (экспедиция бар. А. Э. Толля и А. Бунге), принял участие И. Д. Черский, окончивший уже ссылку по делу польского восстания. В эти уже годы И. Д. Черский пользовался известностью в качестве геолога. Им были описаны коллекции послетретичных млекопитающихся животных, собранных ново-сибирской экспедицией.

В конце 80-х годов до Академии Наук дошло известие о нахождении на р. Балахна, впадающей в Хатангскую губу, трупа мамонта. Для раскопок мамонта, а равным образом для исследования в географическом отношении рек Хатанги и Анабары, Академия Наук предполагала командировать А. Э. Толля. Но вследствие болезни последнего было решено отправить И. Д. Черского уже не для раскопок мамонта, а для сбора остатков послетретичных животных по р.р. Колыме, Яне и Индигирке. И. Д. Черский отправился в экспедицию вместе со своею женою и ребенком. Их путь лежал из Якутска на северо-восток, через Алдан, близ устья Амги, вдоль р. Хандыги (приток Алдана) к Верхоянскому хребту, затем по р. Серебряной (приток р. Хандыги) к верховьям р. Добы (приток р. Тыры, впадающей в Алдан) на р. Суонтарь. Через Индигирку, вдоль р. Оемы и Неры, через хребет Улихан-Чистай они вышли в долину Зырянки и отсюда в Верхне-Колымск. Здесь Черские зимовали, и в июне 1892 г. выехали из Средне-Колымска в направлении Нижне-Колымска.

По пути в Н.-Колымск И. Д. Черский скончался.

Большая Сибиряковская этнографическая экспедиция в Якутскую область (1894—1896 г.) как своей организацией, так и выдающимися результатами работ обязана, главным образом, политической ссылке. Начатые еще в 1888 г. переговоры И. М. Сибирякова с Г. Н. Потаниным, правителем в то время дел Вост.-Сиб. Отд. Географического Общества, приняли практическую основу, когда организация экспедиции поручена была Д. А. Клеменцу. Д. А. Клеменц, сосланный в Сибирь по делу «чайковцев», пользовался в это время заслуженной известностью своими работами в области этнографии, антропологии и археологии.

В 1894 г. Д. А. Клеменц прибыл в Якутск, где при его участии происходили совещания по организации экспедиции. В этих совещаниях, как затем и в работах экспедиции, при-

няли участие политические ссыльные: Н. А. Виташевский, В. И. Иохельсон, Л. Г. Левенталь, И. И. Майнов, Э. К. Пекарский. Впоследствии в число участников экспедиции вошли: В. Г. Богораз, Н. Л. Геккер, В. Е. Горинович, В. М. Ионов, С. Ф. Ковалик, Ф. Я. Кон, В. В. Ливадин, Г. Ф. Осмоловский, С. В. Ястремский.

Наиболее интенсивные работы экспедиции происходили в течение 1894—1895 г.г. В начале 1896 г. многие участники экспедиции закончили свои работы — один за истощением ассигнованных средств, другие за выполнением своей задачи; остальные продолжали собирание материалов и в 1896 г.

Участниками экспедиции собраны обширные материалы, которые в обработанном виде должны были составить 13 томов следующего содержания:

Отд. I. Общие исследования. Т. I. И. И. Майнов. Демография. Т. II. Антропология, ч. I. Якутия (Якутский и Колымский округа)—Н. Л. Геккер, ч. II. Тунгусы (Якутский и Олекминский округа)—И. И. Майнов, ч. III. Русские якутяне (Якутский и Олекминский округа)—И. И. Майнов, ч. IV. Физиологические данные об якутах и русских якутянах—Ф. Кон.

Отд. II. Якуты. Т. III. Язык якутов и их народное творчество, ч. I. Якутско-русский словарь—Э. Пекарский, ч. II. Грамматика якутского языка—С. В. Ястремский, ч.ч. III и IV. Образцы народной словесности—В. М. Ионов, Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский и др. Т. IV. Верования якутов — В. М. Ионов. Т. V. Материальная культура, домашний и семейный быт якутов, ч. I. Жилище и его принадлежности, ч. II. Одежда и наряды, ч. III. Пища, питье и наркотические вещества—В. Горинович и Е. Д. Николаев, ч. IV. Семейный быт—В. В. Никифоров, ч. V. Занятия и ремесла—В. Ливадин, ч. VI. Звероловство и рыболовство, ч. VII. Игры и развлечения—Г. Ф. Осмоловский, А. И. Некрасов и Н. С. Слепцов, ч. VIII. Нравы и национальный характер — А. И. Попов. Т. VI. Экономический строй якутов—Л. Г. Левенталь. Т. VII. Юридический быт якутов — Н. Виташевский. Т. VIII. Экономическое положение якутов Олекминского и Киренского округов и влияние на них золотопромышленности—С. Ф. Ковалик.

Отд. III. Народности Колымского края. Т. IX. Юкагиры — В. И. Иохельсон. Т. X. Якуты Колымского уезда и округа и Жиганского улуса Верхоянского округа—В. И. Иохельсон. Т. XI. Чукчи—В. Г. Богораз. Т. XII. Русское население на Колыме. Т. XIII. Каменные ламуты и чуванцы—В. Г. Богораз.

Большая часть трудов Сибиряковской экспедиции не опубликована до настоящего времени.

Чрезвычайная научная ценность трудов Сибиряковской экспедиции нашла свое признание и Академии Наук, которая теперь, 30 лет спустя, в связи с работами якутской академической экспедиции, приступает к изданию этих трудов.

В Аяно-нельканской экспедиции техника П. А. Сикорского, организованной в 1894 г. для исследования закрытого в 1867 г. аяно-нельканского почтового тракта, приняли участие Я. В. Стефанович и В. Е. Горинович. Экспедицией были произведены следующие работы: глазомерная с'емка р. Маи от устья до Нелькана, полуинструментальная с'емка старой аяно-нельканской дороги с барометрической нивеллировкой, глазомерная с'емка перевалов Нингмагичан - Быранджа и Одору - Челасин, составлен план, а также продольный и детальный профиль проектного спуска с Джугджура по перевалу Кынчачанг-Альдома. В результате всей работы в иркутское генерал-губернаторство был представлен, не осуществленный и до сего времени, проект постройки грунтовой дороги по старому перевалу, со сметою в 400 тыс. рублей.

Я. В. Стефанович опубликовал вскоре же свои наблюдения о пройденном экспедицией пути в книге: «От Якутска до Аяна» [1].

900-е годы ознаменовались целым рядом экспедиционных исследований с участием политических ссыльных, по большей части окончивших уже свои сроки.

В 1900—1902 г. В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон приняли участие в северо-тихоокеанской экспедиции, снаряженной американским музеем естественных наук в Нью-Иорке на средства президента музея Джезупа. Экспедиция эта была задумана и организована известным американским этнологом Францем Боазом, проф. Колумбийского университета. Профессор Боаз задался целью содействовать выяснению истории обитателей Америки и их отношений к народам старого света. На азиатской стороне исследование производилось тремя отдельными партиями. Первая партия состояла из немецкого доктора Б. Лауфера и американского археолога Г. Фауке. Полагая, что изучением племен крайнего северо-востока Сибири с большим успехом могли бы заняться русские исследователи, чем американцы, профессор Боаз обратился к академику В. В. Радлову с просьбою указать таких лиц. Результатом переговоров с В. В. Радловым и была командировка Академией Наук в состав американской экспедиции В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона.

Работа В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона продолжалась в течение почти 2 лет, они об'ехали северную часть Камчатки, Гижигинский и Анадырский край, Чукотскую землю, побывали на о. св. Лаврентия в Беринговом море.

Экспедицией собраны были богатейшие материалы по антропологии, этнографии, фольклору, быту, верованиям и проч.

По наблюдениям В. Г. Богораза, чукчи, коряки и камчадалы стоят, несомненно, в родстве с американскими индейцами (по языку, фольклору).

[1] Я. В. Стефанович. — От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения. Иркутск. 1896 г.

В русско-полярной экспедиции бар. Толля на «Заре» (1901—1902 г.), ставившей своей целью обследование Ледовитого океана вокруг Ново-Сибирских островов, а также исследование о-ва Бенетта, приняли участие политические ссыльные М. И. Бруснев, О. Ф. Ционгланский, В. Н. Катин-Ярцев. Последний, замещая скончавшегося врача, принял вместе с тем на себя собирание коллекций по орнитологии.

В экспедиции адм. А. В. Колчака, организованной Академией Наук в 1903 г. для поисков бар. Толля, приняли участие М. И. Бруснев, А. Д. Поляк, Басов-Верхоянцев, П. В. Оленин.

Экспедиция эта, установившая гибель Толля, собрала много научных материалов о строении Ново-Сибирских островов, произвела ценные картографические исправления и доказала отсутствие каких-либо земель к северу от о-ва Котельного. В 1904 г. в «Известиях Академии Наук» был напечатан отчет М. И. Бруснева об экспедиции на Ново-Сибирские острова для оказания помощи бар. Толлю.

Политический ссыльный П. В. Оленин, оказавший значительные услуги экспедиции Колчака в 1903 г., принимал участие в исследовательских работах и ранее.

В 1901 г., состоя консерватором якутского музея, П. В. Оленин примкнул к экспедиции финляндцев Поппуса и Каяндера, путешествовавших от Якутска до устьев Лены для сбора научных материалов. Коллекции, собранные П. В. Олениным, пересланы в ботанический музей Академии Наук.

В мае—августе 1902 г. П. В. Оленин, по заданию ботанического музея Академии Наук, совершил значительное путешествие по р. Амге, притоку Алдана. Маршрут этого путешествия, нанесенный на рабочую карту, хранится в ботаническом музее Академии Наук, как и ботаническая коллекция, состоявшая из 646 номеров. Часть дублетов этой коллекции (245 ном.) имеется и в якутском музее.

Исключительно из состава политических ссыльных была проведена в 1903 г. Нелькано-аянская экспедиция. Во главе экспедиции стоял гражд. инж. В. Е. Попов, также административно-ссыльный Якутской области. В этой экспедиции приняли участие: А. А. Ховрин, И. М. Щеголев, П. Ф. Теплов, В. С. Панкратов, В. М. Ионов и Э. К. Пекарский.

Главная и первоначальная цель экспедиции заключалась в изыскании нового удобного пути между аянским портом и урочищем Нельканом на р. Мае, а также в геодезическом исследовании этого пути. Желая использовать возможно лучше этот случай, участники экспедиции приняли на себя труд по изучению Аянского края: собирание ботанических, зоологических, геологических и др. научных материалов.

Результат технических изысканий экспедиции доказал полную непригодность старого «казенного тракта». Вместо него был найден и исследован инструментально новый путь с более

удобным перевалом через Становой хребет. Стоимость новой колесной дороги В. Е. Поповым определена была в 350 тыс. р.

В 1905 г. в Колымский округ была направлена министерством внутренних дел экспедиция А. С. Бутурлина в целях обследования края в продовольственном отношении и выяснения наиболее легкого пути для снабжения населения необходимыми предметами потребления и орудиями промысла.

А. С. Бутурлин привлек к работе экспедиции политического ссыльного К. Ф. Рожновского, поручив ему работать в области р. Алазеи, которая была настолько неизвестна, что даже исправник Кочаровский, прослуживший в этих местах 27 лет, ни разу ее не посетил.

Как видно из отчета К. Ф. Рожновского [1], работа его свелась к собиранию материалов для выяснения экономического, в частности, продовольственного положения населения; во-вторых, к разведке Алазеи, как пути сообщения вдоль долины, а равно к разведке старого торгового пути поперек нее с Булуна на Лене на Колыму, в-третьих, к собиранию материалов для всестороннего ознакомления с краем.

Нельзя здесь не отметить выводов, к которым пришел А. С. Бутурлин по обследованию Колымского края, выводов, значительная часть которых имеет столь же актуальное значение, как и 20 лет тому назад, когда они делались, а именно: 1) обеспечить пропитание населения: 2) облегчить бремя податей и повинностей; 3) упорядочить снабжение товарами и кредит; 4) упорядочить правовое положение населения; 5) увеличить заботы о народном здравии; 6) улучшить пути сообщения; 7) повысить самодеятельность населения.

Из других экспедиционных работ, проводившихся в этом же году, следует отметить научную экскурсию в Верхоянский округ политических ссыльных П. В. Оленина и Н. А. Столыпина. Экскурсия была организована на средства Русского Географического Общества и музея Александра III, с целью изучения Верхоянского хребта преимущественно в геологическом отношении и для сбора этнографических коллекций.

Летом 1907 г. областным статистическим комитетом была организована экспедиция для исследования Сунтарского соленоского района Вилюйского округа. В составе экспедиции вошли административный ссыльный П. Л. Драверт и окончивший уже ссылку П. В. Оленин. Задача экспедиции заключалась в детальном обследовании Кемпендяйских соляных источников и месторождения каменной соли на Кысыл-Тус, а равно в изыскании наиболее удобных путей для вывоза соли.

В предварительном отчете, представленном П. Л. Дравертом якутскому статистическому комитету, описаны урочища Кысыл-Тус, по р. Кемпендяй, как месторождение каменной соли и гипса,—Кемпендяйские соляные источники, озеро Тус-Кель, озеро

[1] Рожновский, К. Ф.—Предварительный отчет о результатах поездки на р. Алазею. Прилож. к отчету А. С. Бутурлина. Спб. 1907 г.

Эскулапа, Намана и приложен очень ценный список минералов, встреченных на пути экспедиции.

П. В. Олениным представлен был отчет об изыскании удобных путей для вывоза соли.

Экспедиция Драверта и Оленина подтвердила изобилие и достоинства Кемпендяйских соляных источников.

В следующем, 1908 г. происходили работы якутско-зейской экспедиции, снаряженной на средства, ассигнованные иркутским генерал-губернаторством. В состав экспедиции, возглавлявшейся техником переселенческого управления Б. В. Любатовичем, входил В. С. Панкратов. Задачей экспедиции являлось производство рекогносцировочных работ для проектировавшегося якутско-зейского пути. Результатом изысканий Б. В. Любатовича и В. С. Панкратова явилось возбуждение якутским губернатором вопроса об открытии зимнего почтового сообщения между Якутском и Зеей.

В последующие годы в эспедиционных исследованиях принимали участие: П. В. Оленин (шантарская экспедиция О. В. Маркграфа в 1911 г., амурская экспедиция в 1912 г.), В. С. Панкратов (экспедиция геологического комитета в 1912—1913 г.г.) и П. Л. Драверт (экспедиция геологического комитета на Вилюй в 1916 году).

Обзор участия политических ссыльных в исследовательских экспедициях дает основание сделать заключение, что политическая ссылка оставила крупнейший след в истории исследования края.

Многие из политических ссыльных, несмотря на несколько десятилетий, прошедших с окончания срока ссылки, продолжали оказывать деятельное содействие в продолжающейся ныне исследовательской работе.

Так, например, бывшие политические ссыльные И. И. Майнов, Э. К. Пекарский, В. Г. Богораз и др. приняли непосредственное участие в разработке плана большой академической экспедиции 1925—1929 г.г., работающей в настоящее время уже третий год в пределах Якутской АСС Республики.

III.

Научно-литературная работа политических ссыльных. В. Л. Серошевский. В. Г. Богораз-Тан. В. И. Иохельсон. Э. К. Пекарский. И. И. Майнов. Естественно-исторические условия Якутского края в работах политических ссыльных. Этнография, антропология и фольклор. Экономика и пути сообщения. Язык. Верования и религия. Ссылка.

Выше мы указывали, что местная администрация, несомненно по указаниям из центра, в течение многих лет ставила всяческие преграды научно-литературной деятельности политических ссыльных. В истории якутской ссылки известны многочисленные случаи, когда официальные обращения к администрации за получением разрешения сотрудничать в периодиче-

ских изданиях (хотя бы и без подписи) встречали решительный отказ. Так было с С. Е. Лионом, К. П. Янковским, Е. Борисовым, П. Г. Ширяевым, Р. А. Стеблин-Каменским и друг.

Несмотря, однако, на охранительную политику, ссыльные нелегально и со случайными оказиями пересылали свои работы в печать, многие начали наиболее широко писать по якутским вопросам уже по окончании сроков ссылки, наконец,—это было в 90-х годах,—ссыльные, правда, без права подписи, привлечены были к участию в составлении памятных книжек Якутской области. В этих книжках были напечатаны статьи В. М. Ионова, Л. Г. Левенталя, Р. А. Стеблин-Каменского, В. И. Иохельсона, Ф. Я. Кона и других.

Крупнейший след в литературе по изучению Якутского края оставил В. Л. Серошевский. В Якутской области он пробыл 12 лет (1880—1892 г.), занимаясь хозяйством и изучая одновременно многообразные стороны жизни далекого края. В. Л. Серошевский более всего известен читающей публике, как прекрасный беллетрист, в произведениях которого ярко отражены природа края, быт и нравы населения [1].

Вскоре же после появления В. Л. Серошевского в Якутском крае (1882 г.) в печати появляются его «Путевые заметки», затем целый ряд статей в «Русском Богатстве», «Известиях Вост.-Сиб. Отд. Русского Географического Общества» и в «Живой Старине». Из работ этого периода следует отметить: «Якутская свадьба», «Сообщение о брачном союзе якутов», «Как и во что веруют якуты», «Якутские песни и певцы».

Уже по окончании ссылки, находясь в Иркутске, В. Л. Серошевский закончил свой выдающийся труд «Якуты» (опыт этнографического исследования), изданный в 1896 г. Вост.-Сиб. От. Географического О-ва. «Якуты», об'емистая книга в 719 страниц, с 168 рисунками и картой Якутской области, охватывает собой след. группу вопросов: география края, климат, о южном происхождении якутов, расселение, физические особенности племени, экономические особенности, быт, пища, платье, постройки, ремесла и искусство, распределение богатств, условия труда и найма, родовой строй, брак, любовь, народное словесное творчество, верования.

Несмотря на некоторые спорные положения и недостаточно глубокую проработку отдельных вопросов, труд В. Л. Серошевского «Якуты» представляет из себя классическое произведение, чрезвычайно широко охватывающее природу и жизнь Якутского края.

В. Г. Богораз-Тан, с именем которого связан целый ряд художественно-беллетристических произведений и этнографических исследований, пробыл в Якутском крае с 1889 по 1898 г., приезжал затем в Колымский край, как участник Джезуповской экспедиции, в 1901 г.

[1] В. Л. Серошевский.—«Предел скорби», «Хайлак», «В сетях», «На краю лесов», «Чукчи», «Обратный путь» и др. Издание «Знание».

В. Г. Богораз является одним из крупнейших знатоков северо-востока Сибири. В свое время им были опубликованы работы: «Отчет об исследовании Чукотско-Колымского края», «Ламуты» (из наблюдений в Колымском крае), «Очерки материального быта оленных чукоч», «Чукотские рисунки», «К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии» и др.

Совершенно исключительное место в краеведческой литературе Якутского края занимают этнографические труды В. И. Иохельсона, пробывшего в области почти десять лет (1888—1897 г.г.). Как участник Сибиряковской экспедиции, он более двух лет провел над изучением юкагиров. Отчеты об этой работе, а затем его книга «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» изданы Академией Наук в 1900 г. По признанию специалистов, своими работами о юкагирах В. И. Иохельсон открыл для науки совершенно новое племя. Из других чрезвычайно ценных работ В. И. Иохельсона надлежит отметить: «Очерки зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе», «Бродячие роды тундры между р. Индигиркой и Колымой» («Жив. Старина», 1900 г.), «Этнологические проблемы на берегах Тихого океана» («Изв. Р. Г. О.», 1908 г.), «Древние и подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Сев.-Зап. Америки» («Еж. Р. Антроп. О-ва»), «К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа» и др. По окончании ссылки В. И. Иохельсон около двух лет провел в Петербурге на обработке северных материалов, а в 1900 г. уехал уже добровольно в Якутский край, как участник Джезуновской экспедиции. Здесь он изучал коряков и собирал добавочные материалы об юкагирах. В результате этих работ появились на английском языке монографии «The Koryak» (Нью-Йорк и Лейден, 1905—1908 г.г.) и «The Yukaghir and The Yukaghirized Tungus» (1910), поставившие имя В. И. Иохельсона на один уровень с выдающимися исследователями-этнографами зарубежных стран.

В литературе по якутоведению одно из почетных мест занимает Э. К. Пекарский. В качестве ссыльного, Э. К. Пекарский пробыл в Якутской области с 1881 по 1895 г. Много лет прожил он в крае и по окончании ссылки, занимаясь научно-исследовательской работой. Ценнейшей заслугой Э. К. Пекарского является составление им якутско-русского словаря, заслугой, которая была оценена присуждением ему премии и золотой медали.

Помимо этого, перу Э. К. Пекарского принадлежит очень много работ, печатавшихся в сибирских изданиях, «Живой Старине», «Известиях Академии Наук» и др.

Насколько разнообразны познания Э. К. Пекарского, можно видеть из следующего перечня некоторых из его работ: «К вопросу об об'якучивании русских» (1908 г.), «Библиография якутской сказки» (1912 г.), «Земельный вопрос у якутов» (1908 г.), «Оседлое или кочевое племя якуты» (1909 г.), «Из области имущественных прав якутов» (1910 г.), «Об организации суда у яку-

тов» (1907 г.), «Образцы народной литературы у якутов» (1907—1913 г.г.), «Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими» (1909 г.).

Значительный след в исследовательской литературе Якутского края оставил И. И. Майнов. За время своего пребывания в крае (1887—1896 г.г.) И. И. Майнов достаточно глубоко изучил крестьянское и инородческое хозяйство. Целый ряд исследовательских работ И. И. Майнова был опубликован в печати как во время пребывания его в ссылке, так и много лет спустя. Из этих работ следует отметить: «Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области», «Общественный и хозяйственный быт якутов Олекминского округа», «Некоторые данные о тунгусах Якутского края», «Помесь русских с якутами», «Заметки о народном образовании в Якутской области».

Естественно-исторические условия жизни Якутского края—природа, климат, флора и фауна—менее всего отражены в литературных работах политических ссыльных, как проблемы, подвергавшиеся специальному исследованию. В многочисленных работах, начиная со времени декабристов и до самого конца ссылки, немало опубликовано наблюдений над природою северного края, в частности в произведениях художественного характера (Серошевский, Короленко, Осипович и др.), но, за исключением труда Серошевского «Якуты» и физико-географического обзора М. И. Сосновского в Памятной кн. за 1896 г. вопросы географии края остались менее всего изученными политической ссылкой.

Это, несомненно, находит свое об'яснение в том, что основное внимание почти всех поколений ссылки было направлено на изучение человека, а не внешней обстановки его жизни.

Центральное место почти во всех литературных работах политических ссыльных занимают этнография, антропология и фольклор.

Не говоря уже о труде В. Л. Серошевского, где наиболее широко использован этнографический материал, необходимо отметить, что целый ряд специальных исследований глубоко затрогивает вопросы этнографии, антропологии и фольклора.

Из отдельных авторов надлежит указать:

В. И. Иохельсон.—«Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении», «Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов».

В. Ф. Трощанский.—«Якуты в их домашней обстановке», «Наброски о якутах», «Любовь и брак у якутов».

Н. А. Виташевский. — «Фактическое отношение в среде якутской родовой общины», «Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права», «Брак и родство у якутов», «Материалы для изучения якутской народной словесности».

И. Гамов.—«Очерки далекой Сибири», «Якуты по их сказкам, былинам и историям».

В. А. Данилов.—«Особенности психического мира якутов Колымского округа».

В. С. Ефремов.—«Якутский род».

М. П. Овчинников.—«Из материалов по этнографии якутов (легенды, сказки, предания)», «К истории третейского суда у якутов».

В. Окольский.—«О словесной расправе у якутов».

Э. К. Пекарский.—«Образцы народной литературы у якутов», «Об организации суда у якутов».

Н. Е. Олейников.—«Устьянские рассказы», «Якутские рассказы (из жизни севера Якутской области)».

И. А. Худяков.—«Верхоянский сборник (якутские сказки, песни, загадки, пословицы, собранные в Верхоянском крае)».

И. И. Майнов.—«Некоторые данные о тунгусах Якутского края», «Помесь русских с якутами», «Якуты (по материалам Н. Л. Геккера)».

Ф. Я. Кон.—«Якуты (соц.-антропологический очерк)».

Н. Л. Геккер.—«К характеристике физического типа якутов».

И. В. Шкловский (Дионео). — «Очерки крайнего Северо - Востока Сибири».

В. П. Цветков.—«Очерки приаянских тунгусов».

В. М. Ионов.—«Поездка к майским тунгусам».

Приведенный перечень не исчерпывает, разумеется, сколько-нибудь полно работ политических ссыльных в области этнографии[1], но он дает, несомненно, ясное представление о том, что на эту отрасль исследовательской работы политической ссылкой обращено было много внимания.

Значительное место уделено политической ссылкой вопросам экономики. Заслуживают большого внимания работы А. С. Белевского (Аграрный вопрос в Якутской области), А. И. Бычкова (Очерки Якутской области), Н. А. Виташевского (О мерах упорядочения землепользования населения Якутской области), С. Ф. Ковалика (Верхоянские якуты и их экономическое положение), Л. Г. Левенталя (Подати, повинности и земля у якутов), В. Ф. Трощанского (Земледелие и землепользование у якутов), В. Гориновича (К рыбному и пушному промыслу), Н. И. Войпаральского (Приполярное земледелие), Ф. Я. Кона (О промыслах и занятиях жителей Колымского округа), В. М. Зензинова (Очерки торговли на севере Якутской области), М. М. Константинова (Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае), В. Д. Виленского (Кустарные промысла).

[1] В качестве работ последних лет можно лишь отметить:

П. Л. Драверт. — Материалы к этнографии и географии Якутской обл. (Казань, 1912 г.) и

В. М. Зензинов. — Русское Устье, Як. обл., Верхоянского у. «Э. О.», 1913, № 1—2.

Участие политических ссыльных в многочисленных экспедициях естественно отразилось на описании путей сообщения в самых разнообразных районах края: Я. Стефанович (От Якутска до Аяна), И. Щеголев (Через Становой хребет), П. Я. Драверт (Вилюйский округ), В. С. Панкратов (Якутско-Зейский путь) и др.

В области изучения якутского языка основные работы принадлежат Э. К. Пекарскому, В. М. Ионову и С. В. Ястремскому.

Э. К. Пекарским был составлен якутский словарь еще в 1887 г. Затем в 1905 г. в Якутске издан якутско-русский словарь, переизданный в 1916 г.

Якутский словарь, составленный Э. К. Пекарским при участии В. М. Ионова, заканчивается печатанием только теперь в «Трудах Сибиряковской экспедиции», издаваемых Академией Наук.

В. М. Ионов, помимо участия в составлении словаря Пекарского, составил якутский букварь, изданный в Якутске в 1917 г.

Я. С. Ястремский, работавший в области изучения якутского языка, опубликовал в свое время след. работы: «Падежные суффиксы в якутском языке» (1898 г.) и «Грамматика якутского языка» (1900 г.).

Большой след оставила политическая ссылка и в изучении верований инородцев.

Еще декабрист М. И. Муравьев-Апостол в своих «Воспоминаниях» дает интересную характеристику шаманского камлания. Верования и религия инородцев затрогиваются почти всеми политическими ссыльными в своих работах, посвященных описанию жизни инородцев. Много уделяется внимания шаманству в художественно-этнографических произведениях В. Л. Серошевского и В. Г. Богораза.

Из работ, освещающих верования инородческого населения Якутского края, надлежит отметить: «К психологии шаманства народов Северо-Восточной Азии» (В. Г. Богораз), «Три могилы» (Н. Л. Геккер), «Из якутских поверий», «Обряд Аргы у якутов, исчезнувшая форма погребения» (М. П. Овчинников), «Из поверий якутов Устьянского улуса» (Н. Е. Олейников), «Плащ и бубен якутского шамана» (Э. Пекарский и Васильев), «Эволюция черной веры у якутов», «Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов» (В. Ф. Трощанский), «Остатки старинных верований у якутов» (С. В. Ястремский), «Материалы для изучения шаманства у якутов», «Верования первобытного человека», «Из наблюдений над якутским шаманским действием» (Н. А. Виташевский), «Плащ и бубен якутского шамана», «Орел в воззрении якутов», «Обзор литературы по верованиям якутов», «Дух—хозяин леса у якутов», «К вопросу об изучении дохристианских верований якутов» (В. М. Ионов).

Отмеченными проблемами далеко не исчерпываются литературные работы политических ссыльных. В целом ряде отдельных изданий и журнальных статей достаточно освещены во-

просы медицины, вымирания инородцев, народное образование и др.

Не могли не найти своего широкого отражения в печати и жизнь самой политической ссылки, условия ее пребывания в крае и те события, которые имели там место. Большая мемуарная литература тесно связана с освещением общих условий жизни края, его естественно-исторических, бытовых и хозяйственных особенностей.

Из отдельных изданий, посвященных якутской ссылке и напечатанных самими ссыльными, следует отметить: В. Г. Короленко.—«История моего современника» (т. IV), Г. Цыперович.—«За полярным кругом», В. П. Ногин.—«На полюсе холода», Н. А. Виташевский.—«Старая и новая ссылка», А. Капгер.—«Верхоянская ссылка», С. Е. Лион.—«Революционеры за полярным кругом», И. Майнов.—«Петр Алексеевич Алексеев», П. Розенталь.—«Романовка» (якутский протест 1904 г.), П. Ф. Теплов.—«Романовка», В. Н. Шаганов.—«Н. Г. Чернышевский на каторге и ссылке», Якутская трагедия 22 марта 1889 г. (сборник воспоминаний М. Брамсона, М. Брагинского, Л. Штернберга, Г. Дзвонкевич-Вагнер, И. Коган-Бернштейн, А. Гедеоновского, Е. Гуревич-Фрейфельд, А. Капгер, К. Терешковича, И. Робсмана, Д. Якубовича и А. Уфлянда).

Жизнь последних поколений якутской ссылки нашла пока свое отражение лишь в ряде журнальных статей [1].

IV.

Работа политических ссыльных в исследовательских учреждениях. Областной музей. Статистический комитет. Метеорологические наблюдения.

Якутский край не был богат исследовательскими учреждениями, в которых могла бы так или иначе развернуться деятельность политических ссыльных. При отсутствии местных краеведческих организаций исследовательская работа ссыльных в значительной мере поддерживалась научно-исследовательскими учреждениями, находившимися за пределами края. В этом отношении громадное содействие исследовательской работе политических ссыльных оказывали Академия Наук, Восточно-Сибирское Отделение Русского Географического Общества и Иркутская магнитно-метеорологическая обсерватория.

История якутского областного музея, единственного крупного исследовательского учреждения в крае, связана с именами политических ссыльных.

Якутский музей был открыт в 1891 г., первым его заведывающим состоял В. П. Зубрилов, работавший еще в конце 80-х го-

[1] В. Д. Виленский-Сибиряков.—Последние поколения якутской ссылки. «Кат. и ссылка», 1923 г., кн. 8.

Е. М. Ярославский.—О Февральской революции в Якутске. «Прол. Рев.», 1926 г., кн. 3.

М. Константинов.—Мартовские дни у Ледовитого океана. «Кат. и Ссылка». 1925 г., кн. 15 (2).

дов, совместно с С. Г. Власовым и П. А. Орловым, по собиранию и определению геологических и палеонтологических материалов.

В последующие годы ближайшее участие в работах областного музея приняли: В. И. Иохельсон, М. И. Сосновский, В. Е. Оскольский, П. В. Оленин, Н. Е. Олейников, А. К. Кузнецов и Е. Ярославский.

В особенности много обязан областной музей неутомимо-кипучей деятельности А. К. Кузнецова (1910—1913 гг.), когда с переходом музея во вновь отстроенное специальное помещение на его долю выпала ответственная задача поставить музей на должную научную высоту. С этой задачей, несмотря на свой преклонный возраст, А. К. Кузнецов справился блестяще. Якутский национальный музей, которому после революции присвоено имя Ем. Ярославского, отпраздновал 13 июня 1926 г. 35-летний юбилей своей деятельности. В настоящее время в музее имеется до 23.000 экспонатов.

Еще до основания областного музея значительная часть исследовательской краевой работы сосредоточивалась вокруг статистического комитета. Недостаток культурных сил в крае, неспособность официальной интеллигенции, как указывалось уже выше, справиться с задачею изучения местной жизни, давно уже толкнули областную администрацию к использованию знаний и опыта политических ссыльных. Разумеется, делалось это с большой осторожностью. Так, например, допущение в 1893 г. В. И. Иохельсона к работе в статистическом комитете было поставлено «под ответственность и строгое наблюдение секретаря статистического комитета и чтобы Иохельсон не допускался к материалам, заключающим в себе какие-либо сведения о политической ссылке».

В 80-х годах первым допущен был официально к работе в статистическом комитете Н. А. Виташевский, известный своими трудами в области эмбриологии права у якутов. Одновременно с этим Н. А. Виташевский в 90-х годах принимал участие и в работе особой комиссии по урегулированию земельного вопроса у якутов.

Помимо Н. А. Виташевского в работах статистического комитета участвовали: В. П. Зубрилов, М. И. Сосновский, Р. А. Стеблин-Каменский.

В памятных книжках Якутской области, издававшихся статистическим комитетом, печатались, правда, без подписи, статьи: В. М. Ионова, Л. Г. Левенталя, Э. К. Пекарского, В. И. Иохельсона, М. И. Сосновского, Ф. Я. Кона, Р. А. Стеблин-Каменского и других.

Статистическим же комитетом было организовано много экспедиций и экскурсий для изучения местного края, в которых принимали также активное участие политические ссыльные (В. П. Зубрилов, Н. А. Орлов, С. В. Ястремский, П. В. Оленин, П. Л. Драверт и др.).

Особенное значение имела работа политических ссыльных в области метеорологии. Раскиданные по самым отдаленным пунктам Якутского края, политические ссыльные были единственными лицами, сумевшими наладить систематическое наблюдение по климатологии. В своем месте мы уже указывали, какие выдающиеся услуги оказали декабристы и каракозовец И. А. Худяков в области метеорологических наблюдений приезжавшим в Якутский край исследователям.

В последующие десятилетия эта работа развернулась почти по всем районам северного края.

Правда, требовалось немало усилий со стороны Главной физической и Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторий для того, чтобы местные «охранители» допустили политических ссыльных к этой работе.

А случаев отказа производить метеорологические наблюдения было немало, в особенности, в 80-х годах (И. И. Гамов, А. Ф. Говорюхин и др.).

Если не ошибемся, в 80-х годах С. Ф. Ковалик был первым ссыльным, который, по ходатайству Главной физической обсерватории, был допущен к производству метеорологических наблюдений в Верхоянске.

Во время полярной экспедиции бар. Толля М. О. Абрамович, С. А. Басов и Иваницкий, по предложению Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, приняли на себя труд производить в Верхоянске ежечасные метеорологические наблюдения; почти без перерыва продолжалась эта работа в течение трех лет.

Здесь же впоследствии производили метеорологические наблюдения К. Ф. Рожновский, А. К. Гумилевский, С. К. Дроздов.

В Колымском крае наблюдения производили: В. А. Данилов, С. С. Палинский, Т. М. Акимова, Г. Цыперович, А. Дзержановский, М. Вольфсон, И. А. Будилович, М. И. Бойков.

Сунтарской метеорологической станцией (на Вилюе) заведывал М. А. Ромась. В самом Вилюйске метеорологические наблюдения производили: Белицкий, Кунцов, Мартынов, Теплов, Сорокин, Фридман.

В других районах края наблюдения производили: Д. Мехоношин (Олекминск), И. С. Распутин (Н.-Колымск), Н. Белов и А. К. Загайный (Устьянск).

Наконец, в самом Якутске—А. К. Кузнецов, М. И. Губельман (Е. Ярославский) и Д. Н. Клингоф.

Мы не ставим здесь своей целью дать исчерпывающий перечень районов и политических ссыльных, которые занимались метеорологическими наблюдениями. Эту работу должны будут с наибольшей полнотой и тщательностью выполнить исследовательские и ученые учреждения, которым в свое время оказала совершенно исключительную услугу политическая ссылка северных районов.

Приведенный нами беглый перечень политических ссыльных, работавших в области метеорологии, сам по себе уже говорит о том, сколько труда и неиссякаемой энергии вложено было в изучение климатологии невольными обитателями Северного края.

Роль политической ссылки в изучении Якутского края—одна из страниц (правда, наиболее ярких) культурной и просветительной деятельности политических ссыльных. Так же, как и в области изучения местного края, политическая ссылка на протяжении многих десятилетий отдавала свои силы и знания на удовлетворение многообразных запросов местного населения, на внедрение культурных навыков в его хозяйственную деятельность.

Какую бы сторону деятельности мы ни затронули, мы повсюду встречаем имена политических ссыльных, оставивших после себя неизгладимый след.

С. И. Мицкевич, Т. М. Акимова, Е. П. Попов, Н. А. Ожигов, М. В. Сабунаев, Н. Е. Олейников — здравоохранение.

Вс. М. Ионов—народное образование.

Шаганов, Волков, Васильев, Войнаральский—культурное земледелие.

Помимо того, политическая ссылка сыграла громадную роль и в общественном движении края: 1905 и 1917 г.г. в Якутске являются наиболее красноречивым показателем роста влияния политической ссылки на местное население.

Все эти многообразные стороны деятельности якутской политической ссылки должны будут в дальнейшем явиться предметом особого исследования.

А. Израэльсон.

Скорбные страницы якутской ссылки.

(Памяти погибших в Якутской области) [1].

60-е и 70-е годы.

1. Худяков, Иван Александрович, сс.-пос. (1869—1876 гг.). Был сослан в Верхоянск по делу Каракозова в 1867 году. В начале 1870 года у него проявились признаки тяжелого душевного недуга, но только в 1875 г. было разрешено перевести его в иркутскую больницу, где он и скончался в сентябре 1876 года.

2. Васильев, Николай Васильевич, ссыльно-пос. (1872—1888 гг.). Обвинялся в 1863 году в «злоумышлении» на жизнь царя. Был приговорен к повешению, замененному самим царем 10-ю годами каторги, после которой был на поселении в с. Амгинском. Як. обл., с 1872 г. по 1888 г., когда застрелился. (Точная дата смерти не установлена).

80-е и 90-е годы.

3. Стопани, Сергей Антонович, адм.-сс. (1883—1902 гг.), участник процесса 193-х. Сослан сперва в Тобольскую губ. В 1883 году за отказ от дачи показаний переведен в Верхоянск, где прожил около 20 лет. Умер там же 20 февраля 1902 года.

4. Бовбельский, Александр Антонович, адм.-сс. В 1881 году сослан за «государственное преступление» в Якутскую область. Повесился вскоре после прибытия в Усть-Майское 30 декабря 1881 г.

5. Павлов, Александр Павлович (1883 г.), адм.-сс. Обвинялся в 1880 г. в участии в устройстве типографии Сев. Раб. Союза (основанной В. Обнорским и С. Халтуриным). Рабочий. Будучи в тюрьме, отказался от присяги, за что был сослан в Якутскую область. 3 мая 1883 г. повесился, одновременно выстрелив в себя из ружья. Оставил записку: «Умер от тоски».

6. Багряновский, Корнелий Феликсович, сс.-пос. (1884—1896 гг.). Судился в 1884 г. за принадлежность к «революционному обществу» и попытку «ограбления денежного ящика 126 Курского пех. полка в целях приобретения средств для освобождения из-под стражи пол. преступника К. Ф. Зубржицкого». Приговорен к каторжным работам на 6 лет и 8 мес. Поселение по окончании каторги отбывал в Якутской области. 31 июля 1896 г. застрелился.

7. Дорошенко, Александр Александрович, адм.-сс. (1880—1883 гг.). Сослан за «возмутительное» содержание рукописей, у него найденных при обыске. Жил в Намском улусе (Якутск. обл.). Утонул в озере в июле 1883 г.

8. Семяновский — застрелился. (Свед. нет).

9. Южакова, Елизавета Николаевна сс.-пос. (1882—1883 гг.). Судилась в 1880 г. за принадлежность к соц.-рев. партии и участие в подкопе под

[1] «Скорбные страницы якутской ссылки» не претендуют на исчерпывающую полноту. О всех возможных пропусках и необходимых дополнениях редакция сборника просит поставить в известность Якутское землячество Всесоюзного О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

херсонское казначейство. 4 января 1883 г. была задушена своим мужем Бачиным, который затем отравился. Трагедия эта произошла на почве тяжелых и ненормальных условий совместной жизни в ссылке.

10. Избицкий, Владимир. Убит бродягой в тайге. (Св. нет).

11. Бачин, Игнатий Антонович, сс.-пос.(1882—1883 гг.). Участник процесса «193», рабочий-слесарь, задушивший свою жену Южакову и отравившийся 4 января 1883 г.

12. Папин, Иван Иванович, сс.-пос. (1881—1884 гг.). Судился в 1873 г. за принадлежность к кружку Долгушина и Плотникова. Застрелился в 1885 г.

13. Царевский, Иван Денисович, адм.-сс. (1879—1882 гг.). Арестован в 1875 г. по подозрению в противоправительственной пропаганде. Умер по дороге из Якутска на пароходе.

14. Алексеев, Петр Алексеевич, сс.-пос. (1885—1891 гг.). Судился по процессу «50», после десяти лет каторги на Каре сослан в Якутскую обл. (Баягантайский улус). Убит в сентябре 1891 г. якутами с целью ограбления.

15. Эдельман, Исаак Борисович, адм.-сс. (1888—1895 гг.). Первая жертва Зубатова. Арестован в Москве весной 1886 г. Принадлежал к группе революционеров, стоявших вне народовольческой организации, но поддерживавших с нею сношения. Был выслан в Верхоянск на 10 лет. Заболел вскоре там манией преследования и утопился 26 мая 1895 г. в реке Яне. Оставил записку след. содержания: «Я вижу, что оклеветан отвратительнейшим образом врагами, но кончаю жизнь ни в чем неповинный».

16. Бартенев, Дмитрий Иванович, адм.-сс. (1888—1894 гг.). Ссылку получил за отказ от дачи показаний по делу Яцевича. Жил в Верхоянске, затем в Чурапче, где и покончил в 1923 году с собой на почве угрызений совести, так как повредил когда-то тт. по делу при даче показаний жандармам.

17. Гаусман, Альберт Львович, адм.-сс. (1888—1889). В Якутск попал по делу таганрогской тайной типографии. Участник т. н. «Якутской трагедии» в доме Монастырева. Повешен 7 августа 1889 г.

18. Герасимов, Василий, сс.-пос. (1883—1892 гг.), рабочий-ткач. Судился в 1875 году «за распространение среди солдат запрещенных книг». Приговорен к каторжным работам, затем к поселению в Якутской области. Умер в якутской больнице 28 марта 1893 г.

19. Гуревич, Софья Яковлевна, адм.-сс. (1888—1889 гг.). Сослана «за принадлежность к партии «Народная Воля», 22 марта 1889 г. была заколота штыками солдат во время т. н. «Якутской трагедии» в доме Монастырева.

20. Доллер, Александр Иванович, сс.-пос. (1888—1893 гг.), рабочий-слесарь. Судился за принадлежность к «Южно-Русскому Рабочему Союзу», был приговорен к «лишению всех прав и ссылке на поселение в Якутскую область». Утонул 15 мая 1893 г. в Лене.

21. Зотов, Николай Львович, адм.-сс. (1888—1889 гг.). Сослан за «государственное преступление». Принял участие в т. н. «Якутской трагедии» в доме Монастырева, в Якутске. Был повешен 7 августа 1889 г.

22. Иордан, Николай Владимирович, адм.-сс. (1886—1888 гг.). «За хранение нелегальной литературы» сослан в адм. порядке в Сибирь. Жил в Вилюйске. 5 апреля 1888 г. умер от хронического воспаления легких.

23. Коган-Бернштейн, Лев Матвеевич, адм.-сс. (1883—1889 гг). Арестован 12 мая 1882 г. и сослан в административном порядке в Восточную Сибирь на 5 лет. Вторично в 1888 г. был сослан туда же по делу о таганрогской типографии (дело Оржиха) на 8 лет. Участник т. н. «Якутской трагедии». Повешен 7 августа 1889 г.

24. Колодкин, Яков Михайлович, сс.-пос. (1883—1888 гг.), крестьянин, солдат. За содействие заключенным Алексеевского равелина, в том числе и Нечаеву, лишен всех прав и сослан на поселение в Якутскую область. Умер в апреле 1888 года.

25. Компанц, Федор Никифорович, адм.-сс. (1886—1888 гг.). Сослан в административном порядке по делу об «убийстве шпиона Ст. Крейма и

революционной пропаганде среди питерских рабочих». 2 марта 1888 г. был убит случайным выстрелом полит. ссыльного Гаврюхина.

• 26. Муханов, Петр Александрович, адм.-сс. (1888—1889 гг.). Сослан в Сибирь «в виду особой тяжести падающего на него обвинения», убит солдатами во время «Якутской трагедии», в доме Монастырева, 22 марта 1889 г.

• 27. Ноткин, Яков Савельевич, адм.-сс. (1889 г.). Сослан в Сибирь за «государственное преступление», убит солдатами во время т. н. «Якутской трагедии» в доме Монастырева, 22 марта 1889 г.

28. Орлов, Павел Александрович, сс.-пос. (1887—1890 гг.). Приговорен военно-окружн. судом в 1879 г. «за принадлежность к русской социально-революционной партии» к 8 годам каторги. По окончании каторги был сослан на поселение в Якутскую область. 9 января 1890 г. был убит на дороге между с. Мохрой и Якутском.

• 29. Пик, Соломон Ааронович, адм.-сс. (1888—1889 гг.). Выслан в Вост. Сибирь за принадлежность к «Народной Воле» (по делу Губаревой), убит во время обстрела дома Монастырева («Якутская трагедия») 22 марта 1889 г.

• 30. Подбельский, Папий Павлович, адм.-сс. (1883—1889 гг.). 1 апреля 1881 г. задержан на улице с «государственным преступником» гр. Исаевым, за что и был сослан в Вост. Сибирь на 5 лет. Убит одним из солдат во время обстрела дома Монастырева («Якутская трагедия») 22 марта 1889 г.

31. Русс, Вильгельм Иванович, адм.-сс. (1888—1889 гг.). Сослан в Зап. Сибирь за какое-то «государственное преступление». В Олекминск поехал добровольно к своей невесте, тоже ссыльной. 7 февраля 1889 г. умер от чахотки.

32. Сарычев, Андрей Иванович, сс.-пос. (1886—1887 гг.), участник Стрельниковского процесса, получил 6 лет каторги. Был отправлен на поселение в Якутскую область 14 сентября 1885 г. Умер в якутской больнице 18 октября 1887 г.

33. Стеблин-Каменский, Ростислав Андреевич, сс.-пос. (1886—1893 гг.). Был осужден в 1879 г. за принадлежность к «социально-революционной партии и вооруженное сопротивление при аресте» к 10 годам каторги. В Якутск прибыл в 1886 г. Застрелился в Иркутске 17 июля 1894 г.

34. Трощанский, Василий Филиппович, сс.-пос. (1887—1898 гг.). Судился в 1880 г. по процессу Адриана Михайлова, д-ра Веймара и др. по делу об убийстве генерала Мезенцова, получил 10 лет каторги. В Якутскую область прибыл в 1887 году. Умер 27 января 1898 г.

35. Федоров, Петр Михайлович, сс.-пос. (1883—1888 гг.). Судился в Иркутске в 1883 г. за «способствование к побегу гос. преступниц Богомолец и Ковальской», лишен всех прав и сослан на поселение в Якутскую область. Бежал и пропал без вести вместе с Каминцевым (1888 г.).

• 36. Фундаминский, Матвей Исидорович, адм.-сс. (1888—1892 гг.). Арестован в Москве за «принадлежность к организации «Народная Воля». В Якутске принял участие в т. н. «Якутской трагедии», получил 20 лет каторги. Умер в 1896 г. от кишечного туберкулеза.

37. Цукерман, Лейзер, сс.-пос. (1886—1887 гг.). Арестован в Петербурге 17 января 1880 г. по процессу «16», получил 15 лет каторги. В Якутскую область приехал в 1886 году. Утонился в р. Амге 18 июля 1887 г.

38. Гуковский, Григорий Эммануилович, сс.-пос. (1896—1899 гг.). Принадлежал к группе «Освобождение труда». В 1890 году был выдан царскому правительству Германией. Просидев 5 лет в Крестах, в 1896 году был сослан в Средн.-Колымск за мотивированный отказ принять присягу царю. Застрелился в 1899 году.

• 39. Шур, Гирш Ехилев, адм.-сс. В 1889 г. был выслан в Якутскую обл. за принадлежность к «Народной Воле», прибыл в Якутск 25 февраля 1889 г. Убит солдатами 22 марта 1889 г. в доме Монастырева («Якутская трагедия»).

40. Жазов, Николай Николаевич, адм.-сс. Привлекался в Москве за участие в «тайном обществе друзей». Умер в Верхоянске скоропостижно 14 февраля 1881 г.

41. Павлов, Василий Павлович, сс.-пос. (1880—1882 гг.). Ткач. В 1875 г. лишен всех прав и сослан на поселение «за распространение запрещенных

книг возмутительного содержания», сошел с ума, умер 31 декабря 1899 г. уже в казанской психиатрической лечебнице.

42. Клушин, Иван Алексеевич, адм.-сс. (1881—1884 гг.). Выслан в Сибирь «за произнесение дерзких слов против царя». Заболел психически в 1884 году.

43. Роднопов, Иван Васильевич, сс.-пос. (1885—1891 гг.). «За принадлежность к тайному обществу и распространение прокламаций» был приговорен к смертной казни, замененной, в виду молодости подсудимого (18 лет), каторгой, после которой был сослан в Якутскую область. В 1887 г. неизлечимо заболел нервным помешательством.

44. Рубинов, Иосель Гиршович, адм.-сс. (1885—1888 гг.). Сослан в Сибирь под надзор полиции за «политическую неблагонадежность». В результате избиения якутами 12 августа 1886 г. (пролом черепа) сошел с ума.

45. Сиряков, Алексей Иванович, сс.-пос. (1883—1895 гг.). В 1875 г. был осужден на каторгу (6 лет) «за распространение в народе запрещенных книг». На поселение был сослан в Якутскую область. В 1892 году заболел психическим расстройством.

46. Тевтул, Иван Ильич, сс.-пос. (1883—1891 гг.). В 1875 году «за дерзкие, оскорбительные выражения против государя» был лишен всех прав и получил 10 лет каторги. В 1883 году сослан на поселение в Якутскую область. 16 декабря 1891 г. умер от порока сердца.

47. Швецов, Павел Тимофеевич (1900—1901 гг.), адм.-сс. 15-летним подростком, под влиянием чтения о первомартовском процессе, задумал убить царя. Арестованный, провел 4 года в больнице умалишенных и затем был сослан на 5 лет в Верхоянск. В сентябре 1901 года покончил с собой.

900-е годы.

48. Бодневский, Владимир Петрович, адм.-сс. (1903—1904 гг.), офицер царской армии. Арестован за революционную агитацию среди солдат Кременчуга. В Якутск прибыл в начале 1904 года. Принял участие в т. н. «Якутском протесте» 1904 года. Застрелился в сентябре 1904 года по пути на каторгу.

49. Шац, Нафтолий-Наум, адм.-сс. (1903—1904 гг.). Арестован по делу о типографии «Искры». Убит солдатами на паузке по пути в Якутск в связи с выстрелом тов. Минского в начальника конвоя в ночь с 12 на 13 июня 1904 года.

50. Лозянов, Павел Тимофеевич, сс.-пос. (1892—1902 гг.). Судился по делу Попова в Киеве военно-окружным судом. Был приговорен к 13 годам каторги. В 1892 году после каторги (на Каре) был водворен в Якутскую область. Умер в 1903 году в Якутске.

51. Алексеенко, Анатолий, адм.-сс. (1903—1904 гг.). Сослан в Якутскую область по делу о крестьянских беспорядках в Харьковской губ. Сошел с ума (1904 г.).

52. Иванов, Константин, адм.-сс. (1902—1904 гг.). В 1904 году организовал побег вместе с Бархиной. В дороге заболел и умер летом 1904 года.

53. Янович, Людвиг Федорович, сс.-пос. (1896—1903 гг.). Арестован в 1884 г. по делу польской партии «Пролетариат». За вооруженное сопротивление при аресте и по делу был 20 декабря 1885 года присужден к каторжным работам на 16 лет, но наказание отбывал в Шлиссельбургской крепости (1886—1896 гг.), а затем был водворен в г. Колымск (Якутской области). Застрелился в Якутске, куда был вызван, как свидетель по делу А. А. Ергина в 1903 г.

54. Хавский, адм.-сс. (1903—1904 гг.). Застрелился в селе Махре.

55. Крылов, Иван, студент, адм.-сс. Сослан по делу о демонстрации в Костроме в 1903 году. В Якутск прибыл в 1904 году, где вскоре сошел с ума.

56. Курмаев, адм.-сс. В 1904 году сослан по одному делу с тов. Крыловым. Утонул в Лене в том же 1904 году.

57. Берлин, Меер Самуилович, адм.-сс. (1901—1904 гг.). Сослан, кажется, по делу о побеге тов. Урицкого. Больной, меланхолик—делал неоднократные

попытки к самоубийству и, наконец, покончил с собой, отравившись морфием в 1904 году.

58. Коротков, Андрей, адм.-сс. 1903 года, рабочий слесарь. Убит случайно тов. Лейкиным в 1903 году.

59. Парфенов (Комарницкий), Степан, адм.-сс. В 1903 г. сослан по делу о Красноярской с.-р. организации. Застрелился в Якутске в 1903 году.

60. Матлахов, Юрий, адм.-сс. (1903—1904 гг.), рабочий. Был арестован в 1902 году за разбрасывание прокламаций в одесском театре. Один из активнейших участников т. н. «Якутского протеста» 1904 года. Убит солдатами во время обстрела дома инородца Романова 4 марта 1904 года.

61. Добросмыслов, Алексей Дмитриевич, адм.-сс. (1907—1908 гг.), студент. Был арестован в первый раз за работу среди крестьян в 1902 г. Принимал участие в т. н. «Якутском протесте» 1904 года. Вторично был арестован и сослан уже на поселение за организацию военных дружин среди крестьян в 1906 году. Повесился в Якутске в 1908 г.

62. Езерская, Лидия Павловна, сс.-пос. (1913—1916 гг.). Арестована по делу о покушении на могилевского губернатора в 1905 году, приговорена была к 15 годам каторжных работ. В 1913 г. водворена в Якутскую область, умерла в Якутске в 1916 году от бронхиальной астмы.

63. Калашников, Иван Михайлович, адм.-сс. (1896—1900 гг.). В 1896 г. сослан по делу пропаганды с.-д. идей среди матросов. Оскорбленный колымским исправником, избившим его, застрелился летом 1900 года.

64. Савинков, Александр Викторович, адм.-сс. (1903—1904 гг.), брат известного с.-р. Савинкова, с.-д. был уже во второй ссылке. Застрелился в Олекминске в начале 1905 года.

65. Мартынов, Николай, сс.-пос. (1896—1903 гг.). Арестован в марте 1884 г. Судился по процессу 12-ти. Наказание отбывал в Шлиссельбургской тюрьме. В 1896 году был водворен на поселение в Якутскую область. Застрелился в начале 1903 года.

66. Яблонский, Густав Аркадьевич, сс.-пос. (1905—1906 гг.). Сослан по делу об убийстве исправника во время крестьянских беспорядков, кажется, в Полтавской губ. Бежал с дороги в Нижне-Колымск и погиб без вести в 1906 году.

67. Ястров, рабочий, умер от туберкулеза в 1916 году.

В. Николаев.

Материалы по библиографии

якутской политической ссылки

Азадовский Марк.—Николай Бестужев—этнограф (стр. 130 о Муравьеве-Апостоле и Чижове в Якутской области). «Спб. Жив. Ст.» 1925 г.

Алексеев Петр.—Письма из ссылки (со вступительн. ст. П. И.): «К. и Сс». 1924 г. VI (13).

Б. Р. — Об М. С. Урицком в якутской ссылке (по материалам архива ЯАССР). «Кр. Якутия». 1924 г., VIII.

Бернштам, Вл. — В тисках ссылки. «Прибой». 1924 г.

Бернштам, Вл. — Речь защитника по якутскому протесту. 1906 г. Издание «Донская Речь».

Бернштам, Вл. — «За право». 1906 г.

Бернштам, Вл. — Якутская область и ссылка. «Право». 1905 г. XI, XII.

Белый, Я. — Три года в Верхоянске. «Каторга и Ссылка». 1925 г. №№ 14, 15, 17.

Берман, Л. — К 35-летию вооруженного сопротивления ссыльных в Якутске 22 марта (9 апреля) 1882 г. «Из эпохи борьбы с царизмом». Сборник. Ред. Л. Берман, В. Лагунов, С. Ушерович. Киев. 1924 г.

Бардин, М. П. — (О его высылке). «Земство». 1881 г. № 10.

Брагинский, М. А. — Записки «монастыревца» (из записной книжки). «По заветам Ильича». («Кр. Якутия»). Якутск, 1924 г. №№ 1—2 (6—7).

Брамсон, М. В. — От русских ссыльных Французской Республике. «Каторга и Ссылка». 1924 г. Т. IV/XI.

Бестужев, А. А. — Переписка с родными из Якутска. «Р. Вестник». 1871 год.

В. Б. — Якутская политссылка 1904—905 гг. «По Зав. Ильича». 1925 г. № 10—11.

В. Б. — Отголоски Романовки в Колымске. «По заветам Ильича». Якутск. 1924. V—VI.

В. Б-ч. — Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов. «Минувшие Годы». 1908 г., № 10.

? В. К. — К воспоминаниям о якутской ссылке. «Р. М.». 1906 г., № 3.

Виленский-Сибиряков, Вл. — Последнее поколение якутской ссылки. «Каторга и Ссылка». 1923 г., № 7.

Виташевский, Н. А.—Старая и новая ссылка. Спб. 1907 г.

? Виташевская, А. — Н. А. Виташевский. (Беглые воспоминания). «Каторга и Ссылка». 1924 г. IV (XI).

Виташевский, Н. А. — (Некролог). «Наш Век». 1918 г., № 128 (112) и 130 (114).

Грен. К материалам о Петре Алексееве. «По заветам Ильича». Якутск. 1924 г., № 3—4.

Гоц, М. Р. — С. В. Зубатов. «Былое». 1906 г., № 9.

? Данилов, В. А. — Из пережитого. «Былое». 1907 г., кн. 10.

Дионсо. — «По распоряжению». «Р. Бог.». 1905 г., кн. 10.

Ергина, Л. — Воспоминания из жизни в ссылке. (Памяти Л. Ф. Яновича). «Былое». 1907 г., № 6.

Дубровский, К. — Забытый этнограф-фольклорист И. А. Худяков. «Сиб. Зап.». 1916 г., № 2.

Зубржицкий, Я. Ф. — (Некролог). «Каторга и Ссылка». 1925 г., № 4.

Зеликман, М. С. — Незабываемые страницы прошлого. (Якутское восстание ссыльных 1904 г.). Сб. «Из эпохи борьбы с царизмом. 1924 г.

Попов, В. М. — (Некролог). «Авт. Якутия». 1924 г., № 26.

Кангер, А. — Верхоянская ссылка. Москва 1924 г.

Катин-Ярцев, В. Н. — Оскорбление действием. «Кат. и Ссылка». 1924 г., № 6 (13).

Его же. — Тени прошлого. «Былое». 1924 г., № 24.

Его же. — В тюрьме и ссылке. «Кат. и Ссылка». 1925 г. № 15 (2), 16 (3).

Кеннан, Дж. — Сибирь и ссылка 1906 г. Спб. «Логос».

Ковалик, С. — Революционеры-народники в каторге и ссылке. (По личным воспоминаниям). «Каторга и Ссылка». 1924 г.. IV (XI).

Ковалик, С. — К биографии П. И. Войнаральского. «Каторга и Ссылка». 1924 г., IV (XI).

Колосовский, В. — Якутская ссылка и дело романовцев. Петгр. 1920 г.

Константинов, М. — Мартовские дни у Ледовитого океана (из записок политических ссыльно-каторжн.). «К. и Ссылка». 1925 г., кн. 15 (2).

Короленко, В. Г. — О Н. Г. Чернышевском в Вилюйске (по записям Михалевича). «Р. Б.», 1905 г., кн. VI.

Короленко, В. Г. — История моего современника. Т. IV. X. 1923 г.

Котляревский, Н. — Декабристы Одоевский и А. Бестужев. (О работе Марлинского по этнографии якутов). П., 1907 г.

Кротов, Модест. — Якутская ссылка 70—80 гг. (Исторический очерк на основании неизданных архивных материалов. С приложением кратких биографий всех политических ссыльных). Под ред. В. Д. Виленского-Сибирякова. Москва, 1925 г.

Кротов, Модест. — Память о якутской политической ссылке. С примечанием В. И. Бик. «Каторга и Ссылка». 1925 г., № 15 (2).

Кротов, М. — Романовский протест в прокламациях якутских политических ссыльных. «Каторга и Ссылка». 1924 г., V (XII).

Киржниц, А. — Политическая ссылка Восточной Сибири накануне первой революции. «Сибирские Огни». 1922 г.

Кубалов, Б. Г. — Декабристы в Якутской области. Сборник трудов проф. и преподав. Госуд. Ирк. Унив-та. Иркутск, 1921 г. Вып. I.

Кубалов, Б. Г. — Декабристы в Восточной Сибири. Ирк. 1926 г.

Левенталь, Л. Гр. — Двадцать лет неволи (отрывки из воспоминаний). «Каторга и Ссылка». 1925 г., № 3 (16).

Лион, С. Е. — Революционеры за полярным кругом. Москва, 1925 г.

Лурье, Г. — Ушедшим романовцам. П. И. Розенталь. «Кат. и Ссылка». 1925 г., № 2.

Лурье, Г. — А. А. Костюшко-Валюжанич. Москва, 1926 г.

Любарский, И. — Якутская трагедия. Следствие и суд по делу якутского протеста. «Суд идет». 1924 г., XIII—XIV.

М. А. К. — В. П. Ногин в якутской ссылке. «Кр. Якутия». 1924 г., VII.

Майнов, И. И. — Воспоминания. «Былое». 1907 г., кн. 5, 6, 18, 19, 25.

Майнов. И. И. — Петр Алексеевич Алексеев. 1849—1895 гг. «Кр. Н.». Москва, 1924 г.

Макаревский, Ал.—М. Э. Новицкий. «Кат. и Ссылка». 1924 г. № 1 (8).

Максимов, С. М. — Сибирь и каторга. Ч. III. Политические и государственные преступники. Спб., 1871 г.

Минор, О. С. — Якутская драма 22 марта 1889 г. «Былое». 1906 г., № 9.

Муравьев-Апостол, М. И. — Воспоминания и письма. 1922 г.

Мышкин, И. Н. — Письмо из якутской тюрьмы к брату. «Кр. Архив» 1924 г. V.

Нестеров, Р. — Дм. Як. Суровцев. «Каторга и Ссылка». 1925 г., кн. 1.

Никифоров, В. В. — Каракозовцы в ссылке и их влияние на якутов. «Каторга и Ссылка» № 3 (10).

Никифоров, В. В. — Памяти великого друга якутов А. А. Сиповича. «Каторга и Ссылка». 1925 г., № 1 (14).

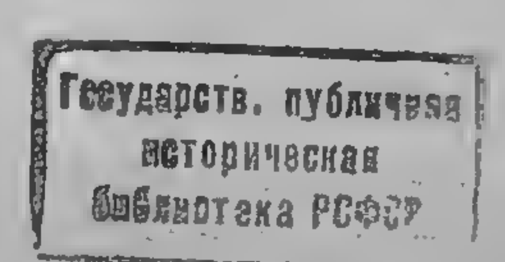
Ногин, В. — На полюсе холода. Москва, 1923 г.

Овчинников, М. П. — (Некрологи). «Сиб. Жив. Ст.». 1923 г., № 1, «Вл. Труда». Иркутск, 1922 г., № 76, 79. «Универс. Слово». 1922 г., № 6.

Ожигов, Н. А. — 1905 г. в Якутской области. «По зав. Ильича». 1925 г.

Ольминский, М. —Смерть Л. Ф. Яновича. «Былое». 1906 г., кн. 12.

Осипович, Н. — Один из своих. «Кат. и Ссылка». 1924 г., № 2 (9).
Оскольский, В. — О побеге Ю. М. Стеклова. «Пути Рев.». 1925 г.
Осмоловский, Г. Ф. — Карийцы (материалы для статистики революционного движения». «Мин. Годы». 1908 г., № 7.
Панкратов, В. С. — (Некролог). «Каторга и Ссылка». 1925 г., кн. 4.
Пекарский, Э. К. — (Автобиография). «Народ». 1917 г. Петербург.
Пекарский, Э. К. — Из воспоминаний о каракозовце В. Н. Шаганове. С приложен. письма Н. С. Тютчева и 2 писем Шаганова. «К. и Сс.». Т. III (X).
Пекарский, Э. К. — Письмо в ред. журнала «Кат. и Ссылка» по поводу «беглых воспоминаний» А. Виташевского о Н. А. Виташевском. «Каторга и Ссылка». 1925 г., № 2 (15).
Пионтковский, С. — К биографии Петра Алексеева. «Прол. Рев.». 1924 г., кн. VIII—IX.
Письма осужденных якутян. «Былое». 1906 г., № 9.
Поляков, М. — Образы минувшего (о В. А. Данилове). «Каторга и Ссылка». 1924 г., V (XII).
Прибылев, А. — Ник. Серг. Тютчев. «К. и Сс.». 1924 г., № 2 (9).
Розенталь, П. И. — Романовка (якутская трагедия 1904 г.). 1924 г.
Сайсаров, М. — В. М. Троцянский (к 25-летию со дня смерти). «Авт. Якутия». 1923 г., № 27.
Сафонов. — Административная ссылка после конституции. «В. Евр.». 1909 г., кн. 12. 1910 г., кн. 7.
Семевский, М. — А. А. Бестужев (Марлинский). «Отеч. Зап.». 1860 г., V.
Семевский, М. — О Бестужеве-Марлинском. «Р. Вести.». 1871 г.
Старик. — Движение 70-х годов по большому процессу. «Былое». 1906, 11.
Стеклов, Ю. — Как я бежал из Якутки. «Мин. Годы». 1908 г., № 3.
Стеклов, Ю. М.—Воспоминания о якутской ссылке. «К. и Сс.». 1923 г., № 6.
Стеклов, Ю. М. — Борцы за социализм. Ч. II. Москва, 1924 г.
Сысин, А. — Убийство конвойного офицера Сикорского (из жизни ссыльных в Сибири в 1904 г.). «К. и Сс.». 1924 г., № 1 (XIII).
Тан, В. Г. — Коронация в Колымске. «Былое». 1906 г., кн. 10.
Тан, В. Г. — Колымская Иудея. «Евр. Летопись». Сб. III. Л. 1924 г.
Тарасов, Е. — Якутская ссылка Бестужева-Марлинского. Сборник. «Декабристы на каторге и ссылке». М. 1925 г.
Теплов, П. Ф. — История якутского протеста. Спб. 1906 г.
Тютчев, Н. С. — Последний из Каракозовцев — М. Н. Загибалов. «Каторга и Ссылка». III (X), 1924 г.
Тютчев, Н. — Побеги из Сибири политических в 90-х годах. «К. и Сс.». 1924 г., № 2 (9).
Тютчев, Н. С. — (Некролог). «Былое». 1924 г., X—XIV.
Тюшевский, А. — К делу романовцев. «Был.», 1924 г. XXV.
Фаресов, А. И. — Семидесятники. Очерк умственных и политических движений в России. Спб. 1905 г.
Федоров Б. — Из истории якутской ссылки 1870-х годов. (Неизд. материалы). «К. и Ссылка». 1924 г., IV (XI), V (XII).
Хороших, П. — В. М. Ионов. «Сиб. Жив. Стар.». 1925 г., кн. III—IV.
Цыперович, Г. — За полярным кругом. 10 лет ссылки в Колымске. Л. 1925 г.
Чернышевский, М. Н. — Чернышевский в Вилюйске. «Былое», XXV, 1924 г.
Чешихин-Ветринский, В. Е. — Н. Г. Чернышевский. 1828—89 гг. П. 1923 г.
Шаганов, В. Н. — Н. Г. Чернышевский на каторге и ссылке. Спб. 1907 г.
Шилов, А. А. — Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пт. 1920 г.
Якимова, А. — Памяти А. И. Бычкова. «К. и Сс.», 1925 г., № 7 (20).
Ярославский, Ем. — Три года с Чернышевским. «Пр. Рев.». 1922 г. № 6.
Ярославский, Ем. — О Февральской революции в Якутске. «Пр. Рев.». 1926 г. № 3 (50).
Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сборник воспоминаний и материалов. Под ред. М. А. Брагинского. М. 1924 г.

Цена 2 руб. Кн. XIX

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва 34, Лопухинский пер., 5. Тел. 3-64-73. Контора Издательства Всесоюзного Общества Политкаторжан.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва Центр, Петровка, 7. Книжный склад „Маяк“ Всесоюзного Общества Политкаторжан. Телеф.: 4-18-12 и 3-63-20.

